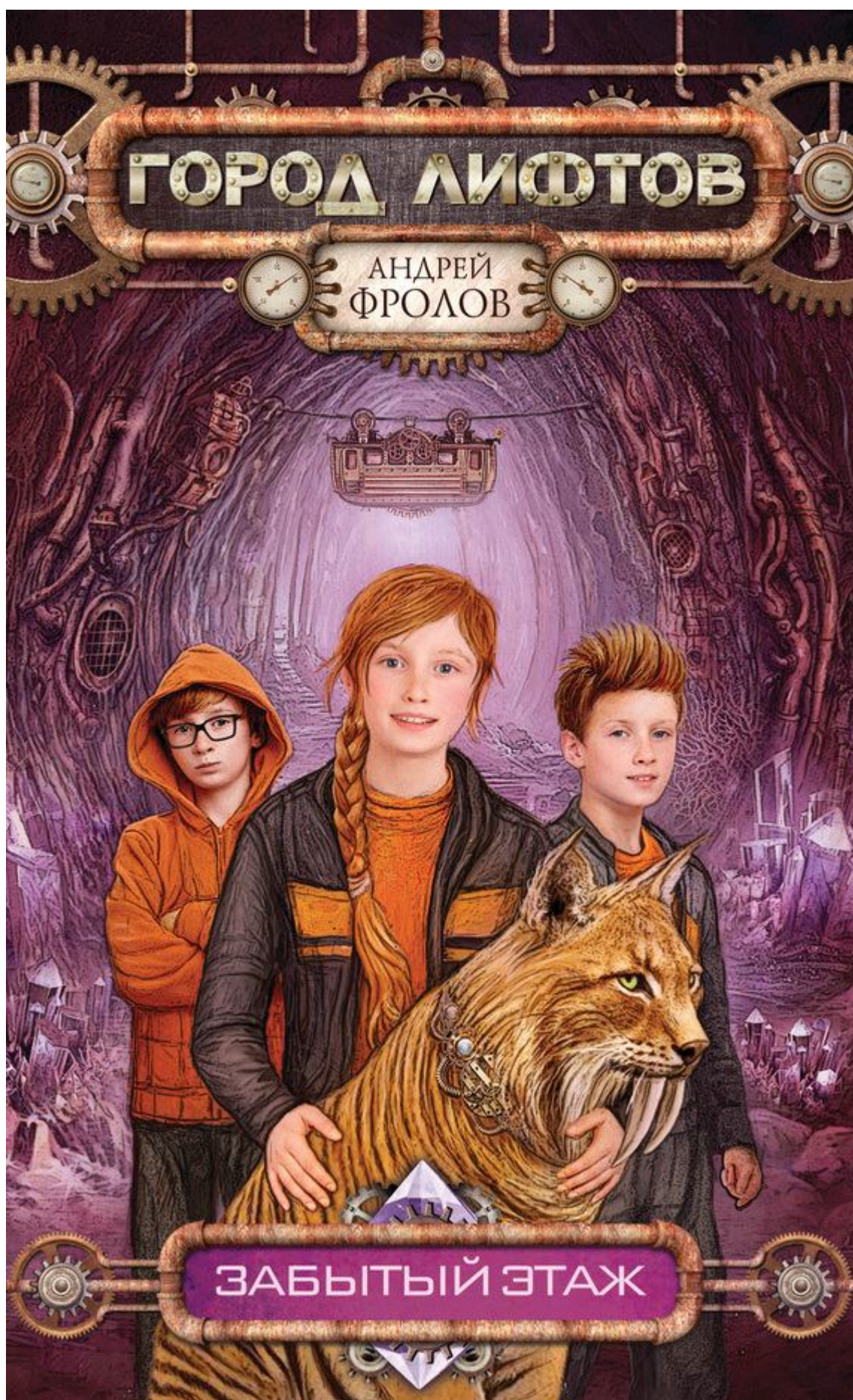

Андрей Фролов
Забывтый этаж

Город Лифтов – 4

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6192621
«Забытый этаж : роман / Андрей Фролов»: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67418-3

Аннотация

Почти пять месяцев прошло с тех пор, как Спасгород пережил операцию «Возрождение»: гигантская стальная башня раскрылась, как цветок, и этажи-поляны разлетелись по равнине, образуя районы нового города. Его жители впервые увидели небо и солнце! А что же Витька, Настя и Димка – ребята, благодаря которым это превращение стало возможным? В награду за свои подвиги близнецы получили универсальные ключ-карты, позволяющие управлять любым Лифтом. Взрослые посчитали такой подарок почетным, безопасным и... бесполезным – ведь Лифты теперь прочно стоят на земле, а не перемещаются по этажам башни. Но скоро выяснилось – взрослые ошиблись!

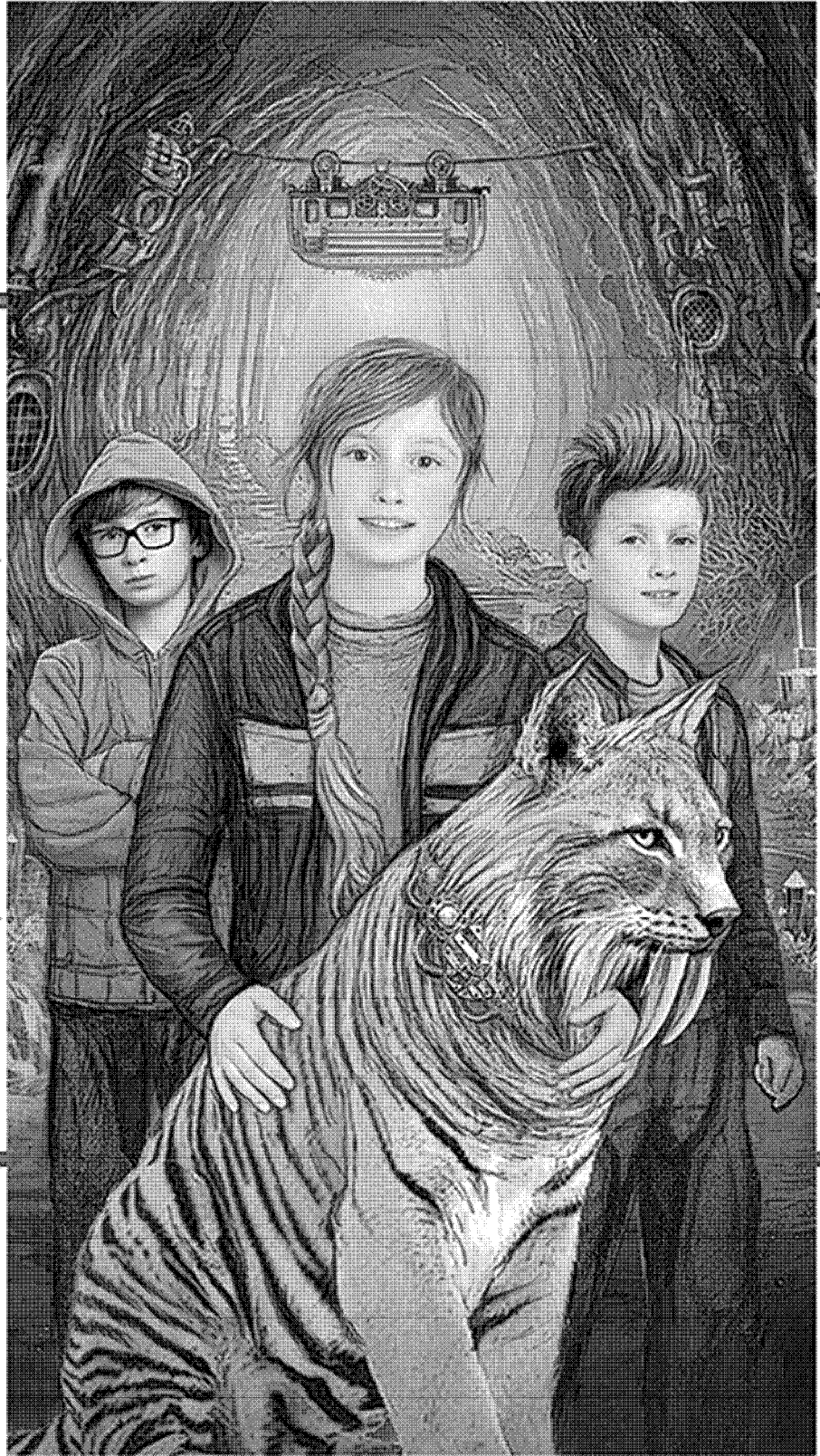
Андрей Фролов Забытый этаж

© Фролов А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

В пещере с блестящими темно-зелеными стенами гаснут светильники, на цепях развешанные по углам. Одновременно с возмущенными хлопками резко потушенного живого пламени. Меркнут синхронно, словно подключены к единой сети энергообеспечения, а не наполнены горючим коралловым маслом.

Единственным источником света остается необычный амбивизор в центре тесного помещения. Он установлен на каменном бочкообразном помосте и сейчас почти не виден из-за склонившихся над ним фигур.

С первого взгляда проволочный куб выглядит обыденно и знакомо. Но внимательное изучение позволяет заметить, что вместо стандартных плат и аккумуляторов устройство использует старинную, если не сказать – древнюю, ламповую микросхему. Большинство контактов многократно перепаяно, часть деталей отсутствует вовсе. Вместо них пазы конденсаторов и резисторов занимают граненые, ювелирно обточенные минералы всех оттенков зеленого, крепко зажатые в серебристых контактах. Амбивизор выглядит смешным, нелепым и неисправным, однако куб вдруг оживает, и в его пространстве возникает картинка...

Кольцо из десятка разновысоких фигур, толпящихся вокруг возвышения, сжимается. Зрители подаются вперед. В малахитовой пещере довольно тесно, они даже наступают друг другу на ноги, но никто не ворчит. Относительно свободным пространство остается лишь вокруг одной женщины – невысокой, неопрятной, будто бы заплесневелой, носатой и очень старой.

В отличие от своих гостей в плащах, она не носит глухого красно-черного капюшона и оставляет открытым некрасивое морщинистое лицо. В немытые светлые волосы вплетены черепа летучих мышей, крохотные полые косточки, бусы и обломки старинных украшений. Пальцы с грязными, словно обкусанными, ногтями сжимают посох, изготовленный из вековой коралловой ветки. Ведьма смотрит на амбивизор, кривя губы в саркастической усмешке. Она уже не раз видела то, что собирается показать своим посетителям...

В зеленоватой дымке амбивизора возникают три силуэта.

Нечеткие, бесформенные, с неразличимыми чертами лиц. Троица вышагивает, при этом оставаясь на месте. Вдруг идущий слева спотыкается и падает; остальные помогают ему подняться. Затем крохотные фигурки разделяются, сдвигаясь к углам куба. Через какое-то время объемную картинку перечеркивает лента угольно-черного дыма, закручивающаяся спиралью. Этот шлейф словно веревкой стягивает размытые силуэты троих неизвестных в одно целое, заставляя их снова сплотиться в центре проволочного пространства.

Яркая изумрудная вспышка озаряет пещеру.

Вторая ей, набирают яркость и встроенные в электронику драгоценные камни. Затем амбивизор гаснет, погружая помещение в кисельно-густой мрак, – светятся лишь микросхемы, работающие на минералах. Ведьма удовлетворенно кивает. Постукивает посохом по полу, отчего косточки грызунов в ее волосах ритмично постукивают.

Пауза затягивается.

– Ты призвала нас, чтобы отмалчиваться? – наконец произносит одна из фигур с нотками недовольства. Мужской голос красив и мелодичен. Вопрошающий на голову выше стоящих рядом товарищей, к тому же ведет себя так, словно является старшим. – Или хочешь, чтобы мы сами трактовали увиденное?

– Ваше дело следить за *его* сновидениями, – ворчливо отвечает старуха, продолжая недобро улыбаться и постукивать изогнутым посохом. – Мое – трактовать образы амбисиндрографа. Но уверен ли ты, Сын Темных Глубин, что желаешь услышать?

– Не томи нас, Гайна... – с нетерпением встречает невысокий бородатый крепыш. Он замер с противоположной стороны колоннообразного постамента, на котором установлен чудной амбивизор. – Думаешь, Орден забыл о своих обязанностях? Это ты призвала нас, а не

мы решили...

– Ладно-ладно, – отмахивается ведьма по имени Гайна, трясущимися пальцами потирая отвислое ухо. – Вы услышите...

Шепотки, порхающие по незамкнутому кругу зрителей, мгновенно стихают. Самая высокая фигура снова нависает над амбивизором, тянется вперед, чтобы не упустить ни единого слова. Пристальные взгляды внимательно следят за хозяйкой малахитовой пещеры. Та закрывает глаза, что-то припоминая, и, чуть шепелявя, начинает негромкий рассказ.

– Их будет трое, но идти они станут на десяти ногах, а затем отрастят еще четыре, – звучит в низком гроте. – Зверь о пяти головах и двух хвостах рухнет из-под струн. Пронзит тьму, скрывавшую нас, минует сто порталов, и удача будет его союзницей. Многие зло принесет он в наш мир и пошатнет привычное положение вещей. Умы и сердца подчинятся ему, и насытится железо воинов. Нарушены будут старинные законы, сорваны путы, попорчены мечты о перемирии. Битву трое развяжут там, где запрещено лить кровь. Преисподней своего мира посчитают обитель кланов. Но страшнее этого заблуждения станет цена их главной ошибки...

Гайна замолкает, перестав шамкать ртом, в котором не хватает половины зубов. Ее не торопят. Но по лицам в сумрачных недрах капюшонов видно, какое нетерпение охватывает всех собравшихся. И когда высокий уже собирается упрекнуть старуху, та неожиданно продолжает:

– Он будет разбужен...

Десять фигур, окольцевавших амбисиндрограф, издают единый протяжный вздох.

– Станет угрозой существу, и не будет спасения от ярости его... – вещает ведьма, ритмично стуча по мозаичному полу коралловым посохом. – Сплетутся судьбы зверей, что ноги имеют и не имеют. Грядет великая битва... Многие попытаются остановить беду. Орден потерпит неудачу. И лишь в одном спасение вижу я, но существо это еще не родилось на свет...

Фигуры в капюшонах переглядываются, растерянные и взбудораженные. Кто-то записывает слова Гайны на небольшой восковой табличке. Кто-то осеняет себя охранными знаками. Высокий качает головой, словно не готов поверить пророчеству.

– Забывшие свое предназначение сплетутся воедино, – снова шепчет ведьма из пещеры с зелеными стенами. – Может родиться он – не имеющий матери и отца... имеющий сто матерей и отцов... шут и паяц, лишенный таланта... гонимый и преследуемый, дремлющий под землей и бодрствующий на небесах. Если это произойдет, крушение будет остановлено...

– А если нет? – осторожно и по-прежнему недоверчиво интересуется статный мужчина в красно-черном плаще.

– Тогда, Сын Темных Глубин, – Гайна грустно усмехается, с прищуром глядя в сумрак под его капюшоном, – разделенные народы ждет забвение. Рухнут нерушимые своды, погребая под собой все живое. И разверзнется бездна, изрытая телом его, и придет конец...

В грот возвращается тишина, в которой слышно, как мерно гудят удивительные кристаллы, вмонтированные в старинную ламповую микросхему. Высокий прячет ладони в рукавах полосатого плаща, словно ему стало холодно. Сутулится больше обычного и тяжело вздыхает.

– Орден благодарит тебя, Гайна, – произносит он, хотя по голосу слышно, что пришедший к прорицательнице жалеет, что откликнулся на зов и выслушал очередное предсказание. – Продукты и лекарства доставят в самое ближайшее время...

– Ты так заботишься обо мне, великодушный Сын Темных Глубин... – не скрывая ехидства, говорит старуха, расплываясь в улыбке. – Как о родной матери...

Но мужчина в плаще не отвечает.

Отвернувшись от ведьмы и ее амбисиндрографа, он направляется к выходу, и девять его спутников живым шуршащим ручейком текут следом. Совсем скоро в пещере остается лишь старая некрасивая женщина с черепушками и бусинами в редких волосах. Слышно, как

лязгает решетчатая дверь, как щелкает навесной замок.

Гайна смотрит на свой необычный, невероятным образом усовершенствованный амбивизор. Саркастическая улыбка медленно сползает с ее лица, уголки губ горестно опускаются. Она тяжело вздыхает, вспоминая три силуэта в дремотном изумрудном мареве. Легко бьет посохом об пол, и в углах пещеры с неровными блестящими стенами разом вспыхивают масляные светильники.

Вступление

История, которую я хочу сейчас рассказать, произошла давным-давно. Также не исключено, что описанным событиям только предстоит случиться, если привычный нам современный мир кроважанных генералов, алчных политиков и оружия массового поражения не изменится к лучшему. Как бы то ни было, мне стали известны подробности новых приключений трех небезызвестных героев, и я решил поведать их вам со всей честностью и прямоотой...

Начать, пожалуй, нужно с того, что с незапамятных времен существовал на свете город-башня. Когда-то он носил строгое официальное название «Ковчег № 4», но обитатели высоченной конструкции предпочитали любовно именовать свой дом Спасгородом. Десятки этажей-полян башни населяли тысячи трудолюбивых, целеустремленных людей, мужественно выстоявших под ударами ракет и затяжной болезни, источником которой стала Птица (долгое время почитаемая за самое страшное зло). Свет солнца выжившим заменял сложнейший прибор под названием Светоч-ЗСИ-2; циркуляцию чистого воздуха обеспечивала система Поток-ЗВИ-4.

Отрадно, что спасгородцы (на многие-многие годы запертые в своем убежище) не потеряли стремления жить и наслаждаться маленькими житейскими радостями, а также умения воспитывать сильных детей. И в один прекрасный день все же вернулись к небу, пьянящему неугомонному ветру и настоящему солнечному свету. Этому важному событию, как мы знаем из предыдущих историй, немало поспособствовал героизм троих школьников – Димы, Вити и Насти, отважных близнецов с поляны Заботинск.

Пройдя через множество опасных испытаний и нарушив немалое число запретов, наши герои сумели совершить невозможное – при помощи друзей и союзников они разбудили умный Анализатор на самой вершине ветшающего города. Его активация запустила протокол «Возрождение», а он, в свою очередь, трансформировал башню в гигантский пестрый цветок, каждым из десятков лепестков которого стала отдельная поляна...

Огромный вклад в победу неугомонной троицы внесли и Лифты – разумные механизмы, с первых дней возведения убежища обеспечивавшие связь между уровнями Спасгорода и до последнего сопротивлявшиеся произволу Гильдии Смотрителей.

Кстати, эта организация (в прошлом дружная артель талантливых механиков, умевших чинить и настраивать процессоры Лифтов) когда-то одурев от переизбытка власти и полностью захватив контроль над спасгородцами, в итоге понесла заслуженное наказание.

После пробуждения Анализатора Конклав Гильдии был справедливо осужден за сокрытие ценной информации, манипулирование сознанием сограждан, превышение полномочий и покровительство так называемым закрытым полянам, несчастные обитатели которых десятилетиями влачили жалкое существование в ужасных условиях. Ценное имущество старших Смотрителей было конфисковано и распределено между обычными жителями. Верхушку тиранов надолго изолировали, спасая от самосуда разгневанных горожан. Смотрителей рангом поменьше оставили на свободе, снабдив специальными устройствами слежения (подробнее об этом я упомяну чуть позже, когда придет время вспомнить одного известного нам отрицательного персонажа)...

День Трансформации, бесспорно, стал одной из самых знаменательных дат в современной истории Спасгорода. Конечно, сначала многие испытали дичайший ужас и приготовились воочию наблюдать Конец Света. Однако после того как улеглась паника,

вызванная приземлением полян и редкими вспышками мародерства, шумные народные гулянья не стихали до рассвета – настоящего, первого в жизни нескольких поколений горожан (после ночной праздник превратился в ежегодное событие)...

Еще вчера убежденные, что никогда-никогда не выберутся за границы надежной крепости-ковчега, спасгородцы никак не могли нарадоваться случившимся переменам. С замиранием сердца они слушали радио, передававшее ежедневные отчеты ученых о том, что Болезнь Птицы покинула планету и поверхность вновь безопасна для проживания. С опаской выходили в таинственные леса, окружавшие распавшийся на отдельные блоки город; делали первые шаги в возделывании дикой почвы и приручении новых видов животных.

Поляна под названием Стратегический Склад Неприкосновенного Запаса, в простонародье именуемая Амбаром, наконец-то была вскрыта. Припасы, складированные на ней предусмотрительными предками, были пересчитаны и распределены по отрядам добровольцев-колонизаторов, первыми вызвавшихся покинуть периметр и осесть на *настоящей* земле. Так вокруг старинного города начали расти компактные поселения-фермы из быстровозводимых модульных домиков, обнесенные электрическими изгородями и белоснежными вышками генераторов-ветряков.

Поляны, до Дня Трансформации считавшиеся запретными или закрытыми, тоже претерпели изменения. Часть из них – такие, например, как Грибница или Реакторная Станция – в силу замкнутости экосфер было решено не распечатывать. Там отныне без устали трудились лучшие медики, психологи и биологи башни, пытаясь вернуть изменившимся сородичам былой внешний вид или хотя бы излечить их от тяжелых болезней. Другие уровни, где риск облучения или заражения обычных спасгородцев оказался не столь велик, стали открытыми и почти на равных правах вступили в союз с остальными «лепестками цветка».

Локальная власть на жилых ярусах вроде Заботинска или Складоугольска по-прежнему осталась сосредоточена в руках чиновников из поселковых Ратуш. Центральное же управление обновленным Спасгородом взял на себя Координационный Комитет, или КорКом (заменивший марионеточное правительство Гильдии), куда вошли представители главных профессий и социальных групп, населяющих башню или ее внешние стены.

Стража была с позором расформирована, ее наиболее рьяно помогавшие Смотрителям офицеры разжалованы. Вместо распущенного подразделения надсмотрщиков КорКом создал Силы Гражданской Самообороны.

А что же Лифты, спросите вы? Как же Лифты, эти уникальные разумные механизмы, тоже сыгравшие свою роль в запуске операции «Возрождение»? Неужели они перестали быть нужны Спасгороду? Неужели навсегда уснули на тех полянах, где их застала трансформация?

Нет, друзья мои, Лифты и не подумали засыпать. Спев победную песню и восславив подвиг наших героев, они действительно остались жить там, где находились в момент превращения башни. Конечно, теперь их вклад в развитие города стал не таким значимым – после активации протокола «Возрождение» изменилась сама суть башни, и механизмам просто стало некого и некуда возить. Но и забывать о верных помощниках никто не собирался.

Лифты стали своего рода музеями для экскурсий – едва с большинства процессоров сняли блокираторы, когда-то установленные коварной Гильдией, кабины взялись охотно рассказывать людям о прошлом. О великих предках-строителях, живших с одной-единственной мечтой: что рано или поздно болезнь исчезнет и человек сможет выйти из-за толстых железных стен.

Именно с одним из таких Лифтов-музеев, причем Высокого класса (да-да, не удивляйтесь, с тем самым, что когда-то увез детей с родного Заботинска, заставив окунуться в бурлящий котел приключений), и будет связана наша новая история...

Глава первая, в которой сочиняют стихи, а кое-кто из гостей превращается в пассажиров

Осеннее солнце заливало Заботинск жаркими янтарными волнами, лишь отчасти напоминавшими лучи Светоча, за ненадобностью отключенного в поселке механиков почти пять месяцев назад. Как и на большинстве жилых уровней, огромная крыша поляны была частично демонтирована, взорам заботинцев теперь открылись бездонные небеса, и горожане могли наслаждаться чехардой *настоящих* дней и ночей. Также у них появилась возможность следить за медленной, но неотвратимой сменой времен года, что спасгородцам было и вовсе в новинку. Кое-где, чтобы не нарушить хрупкие искусственные экосистемы, боящиеся естественного света, сдвигание крыши было противопоказано, но родная поляна героев этой истории в число таких этажей не входила.

Итак, солнечный свет нежно окутывал Заботинск, порождая зыбкое марево над разогретым резино-асфальтовым покрытием улиц, беззаботно отражался от оконных стекол и придавал ярким черепичным крышам воистину праздничный и игрушечный вид.

Солнце клонилось к закату, но у светила оставалось еще несколько часов до того, как оно скроется за высоким периметром поляны. Из школы спешили по домам дети, возвращались с дневных вахт взрослые. Но все они двигались неспешно, наслаждаясь необычным природным теплом, к которому так и не смогли привыкнуть за стремительное Первое Лето, наполненное важными делами и перетряской всех городских устоев.

По тротуару центральной улицы медленно шли трое.

Словно заметив их, солнышко тут же стряхнуло с себя налипшие пряди полупрозрачных облачков. Одарило путников новой порцией лучиков. Его свет приласкал светловолосые макушки, подчеркнул насыщенный желтый оттенок новенькой школьной формы, блеснул в очках мальчика, идущего справа.

Конечно, солнце узнало бредущую по улице троицу, как узнали ее и мы с вами. Негромко болтая и вежливо здороваясь с встречными взрослыми, из школы возвращались знакомые нам близнецы – Дмитрий, Анастасия и Виктор, к которым после известных событий в Заботинске стали относиться со смесью восхищения, осуждения и некоторой опаски. Оно, наверное, и понятно, ибо далеко не все в городе одобряли безответственное поведение детей, минувшей весной нарушивших столько законов Гильдии и послуживших причиной трансформации...

На перекрестке, где гудели и отстреливались вертикальными струями пара массивные грузовые самокаты, школьники остановились, дожидаясь разрешающего сигнала светофора. Под открытым небом шипение самокатной техники казалось гораздо менее тяжелым, чем обычно, и даже чуть-чуть музыкальным. Мальчик в очках машинально повернулся к боковой улице, идущая в центре сестра нахмурилась и покачала головой:

– Витька, мечтатель ты наш... Куда собрался?

Девочка улыбнулась, погладив пшеничную косу, лежащую на плече (с недавнего времени она разлюбила привычный хвостик, научившись заплетать шикарную косу). Вообще, чем старше становились наши герои, тем сильнее они различались между собой, и не только внешне. Но день, когда все трое станут по-настоящему взрослыми и приобретут уникальные индивидуальные черты, был еще очень не близок. А потому сходство тройняшек оставалось заметным, даже несмотря на мелкие различия.

– Забыл, что мы к Рифмователю в гости собирались? – вкрадчиво осведомилась Настя, любовно поглаживая заплетенные волосы и не сводя с мальчика цепкого взгляда.

От сестры, неожиданно проявившей проницательность даже большую, чем родители, не укрылось, что в последнее время Витька стал на удивление задумчив. А еще тих и подавлен, словно бродящий без цели лунатик. И пусть замкнутость брата не отражалась на его домашних обязанностях или школьных отметках, Настя пообещала себе приглядывать за ним внимательнее.

– Ха! – не без злорадства подхватил Димка, тоже заметивший задумчивость близнеца. Он дурашливо раскрутил ранец, который держал за лямки в одной руке. – В раздумьях наш Виктор Петрович пребывает, как пить дать. Ему, Настена, сейчас волю дай, так он по задумчивости тапочки в холодильной камере хранить начнет, а молоко – под кроватью...

– Хи-хи, как смешно, – беззлобно огрызнулся Витька. Легко подпрыгнул, поправляя на плечах ранец. – Просто я начал в уме делать домашнее задание по алгебре. Чтобы не терять времени...

– Ой, вы только посмотрите! – продолжал скалиться Димка, подкрутив жесткий клок волос, зачесанных хаотично и дерзко, почти что в гребень, который (несмотря на робкие протесты учителей) носил по моде Ходящих По Стенам. – Я тебе говорил, братец, что зубрил и заучек никто не любит?

– А я напоминал тебе, братец, – все так же без обиды парировал тот, с иронией разглядывая торчащие патлы близнеца, – что зубрежка и богатый багаж знаний уже неоднократно спасали нам жизнь?

На это Дмитрий ничего не ответил. Ранец в его руке вдруг замер, как резко остановленный маятник хронометра, и мальчик лишь задумчиво почесал нос. Светофор подмигнул выпуклой зеленой линзой; самокаты послушно встали, пытая и пропуская пешеходов, и троица пересекла дорогу.

Навстречу попался знакомый урядник, которого на Заботинске величали просто Саньчем, в сопровождении нескольких бойцов КорКома. Завидев школьников, взрослые приветливо улыбнулись и шутиливо отдали честь.

Настя и Димка улыбнулись в ответ, поздоровавшись, и только Витя продолжал смотреть под ноги, будто боялся споткнуться. Уже ступив на противоположный тротуар, он с грустью обернулся направо, где знакомая с малолетства улица уводила к родному двухэтажному дому, покрытому жизнерадостной красной черепицей...

Да-да, вы совершенно верно догадались – после известных нам событий Петру Петровичу и Юлии Николаевне вернули их прежний дом № 119. Причем, насколько дети поняли по обрывкам разговоров, семейству даже предлагали резкое улучшение жилищных условий. Но папа близнецов был человеком достаточно скромным. А потому от подарка сотрудников Ратуши мягко отказался, довольствовавшись повышением по службе и почетной должностью в новом Комитете. Так тройняшки и их родители и вернулись в тот самый дом, в котором когда-то Смотритель по имени... впрочем, полагаю вам и так все это известно.

Продолжим же наблюдать за нашими героями вместе с осенним солнцем, выглядывающим из-за высокой железной стены вокруг Заботинска. И отметим, что дети действительно направились не домой, а в центр поляны. Туда, где возвышались изящная Ратуша и другие административные здания, а между ними дремал пересохший пруд, бывшее обиталище механических карпов.

Перед опустевшим водоемом, как мы можем вспомнить, величественной скалой поднимался к небу четырехметровый монумент Труженикам: отважным строителям Спасгорода, когда-то создавшим «Ковчег № 4» и укрывшим потомков от болезни, переносимой на крыльях птиц. Однако здесь я предлагаю на секунду задержаться. Потому что с нашего прошлого визита на месте сбора всех школьников Заботинска произошли кое-какие перемены.

Заключались они в том, что рядом со скульптурной группой, изображавшей ученых и инженеров в противогазах и герметичных костюмах, совсем недавно появился новый памятник – высокая, метров двадцать, шестигранная стела, обшитая листами жести, по которому бежал богатый рельефный узор. Узор не был абстрактным, а обладал конкретным спиральным сюжетом, главными персонажами которого стали статные мужчины и женщины в летних комбинезонах и очках.

У самого подножия граненого шипа они были изображены сгорбленными, угнетенными и подавленными. Чуть дальше вверх и по спирали они распрямляли плечи и

седлали воздушные паруса, с помощью которых обуздывали вольный ветер. Если зритель продолжал и дальше двигаться вокруг стелы, то ему становилось заметно, как воздухоплаватели помогают обычным спасгородцам спастись от гнета Гильдии; как строят свои хрупкие лагеря на поверхности города; как преисполняются отваги и благородной злости за судьбу рабов, заточенных внутри многоэтажной башни.

В конце выпуклой графической истории, почти на самой верхушке окованного металлом столба, застыло изображение финальной битвы – там Ходящие По Стенам (да-да, героями полотна были именно они) вступали в бой с неопрятными толстяками, в которых пытливый ум мог бы распознать коварных Смотрителей – недавних диктаторов Спасгорода. На вершине стелы замерли трое Ходящих. Подняв и перекрестив руки, они тянули к небу забытый и заново обретенный символ Возрождения: меч, пастушеский посох и свечу на фоне рыцарского щита и воодушевляющего девиза.

Памятник освободителям установили чуть больше месяца назад. Причем внезапно, что стало сюрпризом как для высокопоставленных членов КорКома, так и для большинства обычных заботинцев. Кусочки пустотелой стелы делали украдкой, силами энтузиастов, после окончания положенных рабочих смен, проводя в цехах одну бессонную ночь за другой. А затем молниеносно собрали за одно утро, восславив подвиг отважных мятежников, вызвав восхищение жителей поселка и спровоцировав поток туристов с других полей, тоже захотевших взглянуть на дар Ходящим По Стенам и зажечь крохотную свечку у подножия.

Вот и сейчас здесь толпился народ, медленным хороводом прогуливаясь вокруг памятника и негромко комментируя сюжетное панно. Постамент двадцатиметровой колонны пылал от сотен зажженных лампад.

Однако далеко не все в городе были впечатлены появлением Штыка Свободы, потому что... Впрочем, об этом я расскажу позже.

Итак, школьники вышли на шумную центральную площадь, огибая ее по периметру и стараясь не углубляться в толпу. Та гудела, смеялась и бурлила – спасгородцы никак не могли нарадоваться настоящему солнцу. Их щеки лоснились от кремов, уберегавших кожу от загара (весьма болезненного для тех, кто всю жизнь провел под искусственными лучами Светоча). Их плечи были расправлены, души преисполнены счастья и покоя. Взрослых, освобожденных от гнета Сонника – машины по корректировке снов и желаний, – можно было понять, ведь в город пришли перемены. И пусть продуктовые запасы ковчег по-прежнему распространялись бережно и расчетливо, цены на еду значительно уменьшились, а надежда на скорое благоденствие не покидала горожан.

Но сказать, что наша троица одинаково радовалась происходящему, не смог бы никто. Настя нервно кусала губу, с опаской поглядывая на эмблему Возрождения (вероятно, девочка заново переживала ужас, через который ей пришлось пройти на вершине города); Витька на памятник не смотрел принципиально, хмурясь все сильнее.

А вот Дима жизнерадостно насвистывал, направо и налево здороваясь со знакомыми и то и дело принимая подарки-угощения от лоточников, торговавших печеной снедью. К слову, за последнее время мальчик заметно округлился лицом. Потому что просто не мог отказать себе в удовольствии слопать коврижку, и когда юных героев Возрождения баловали гостинцами, ел за троих...

Дети обогнули пересохший пруд, затем монумент Труженикам и Штык. И уже были готовы свернуть на проспект Учителей, как вдруг из толпы им наперерез устремилась фигура.

Высокая, но сгорбленная, она казалась болезненной и устрашающей. Сальные пряди седых волос прикрывали лысину мужчины, усеянную старческими рыжеватыми пятнами. Одежда – непостижимого фасона драный плащ – выглядела истрепавшейся и давно не стиранной. На груди, поясе и запястьях старика побрякивали безделушки, в основном состоявшие из неработающих микросхем и деталей бытовой электроники. На шее темнел черный пластиковый обод, замкнутый специальным замком с багровым зрачком мигающего диода.

– Карл! – прошептала Настя, поморщившись и потянувшись к левому запястью.

– Нужно было идти в обход... – замогильным голосом констатировал Витя, поправляя очки. – Знали ведь, что он любит возле Штыка околачиваться...

Здесь я позволю себе еще одно небольшое отступление и вкратце расскажу про человека, встреченного школьниками на главной площади Заботинска. Да, это действительно был Карл, тот самый Карл – престарелый Смотритель Гильдии, когда-то увлекший Петра Петровича (а за ним и его непоседливых отпрысков) на одну из нижних полей города и давший старт цепочке страшных и увлекательных событий.

После сражения в Лаборатории, предшествующего глобальной перестройке Спасгорода, его тоже собирались судить по всей строгости. Предъявили обвинение, конфисковали имущество, посадили в тюрьму. Но затем выяснилось, что события на верхней поляне так сильно ударили по рассудку пожилого мужчины, что тот не выдержал и сломался...

Сначала ученые КорКома посчитали, что старший Смотритель умело разыгрывает помешательство, чтобы избежать наиболее жесткого приговора. Но после серии тестов они убедились, что старик действительно повредился рассудком. Кроме того, за бывшего Смотрителя, вполне безобидного в своем сумасшествии, вступились члены многочисленной семьи и врачи. И тогда Карла отпустили, ограничив его свободу особым устройством на шее.

С тех пор свихнувшийся старикан, постоянно сбегаая от санитаров, почти все время проводил на улицах, где беззлобно докучал спасгородцам историями о величии Гильдии (по его мнению, несправедливо обоганной). А еще он вдруг начал коллекционировать сломанные детали микросхем, украшая ими свой жалкий гардероб.

И пусть кое-кто справедливо полагал, что Карл делает это в память о Мглистом Механике, одном из самых ужасных слуг Конклава, большинство предпочитали верить, что старик тоскует об утраченных талантах великого инженера, способного настраивать процессоры Лифтов.

Ошейник, снять который могли только руководители Комитета, позволял запеленговать блаженного в любой точке обновленного города. А еще власти, выпустившие Карла на волю, не забыли, что он может попытаться отомстить нескольким заботинцам, запустившим роковой для Гильдии протокол (в конце концов, когда-то он даже стрелял в Петра Петровича из пистолета). Поэтому Вите, Насте и Димке выдали охранные браслеты, снимать которые им было настрого запрещено. Управляя с этих браслетов ошейником безумца, дети могли в любой момент активировать несмертельные заряды тока (если бы экс-Смотритель попробовал напасть), а также подать сигнал тревоги...

– Подойдет ближе, – продолжала нервно шептать девочка, держа палец на кнопке разрядника, – я его сразу взгрею...

Однако Карл, несмотря на сдвиг в мозгах, хорошо понимал, что близнецы способны причинить ему боль. А потому весьма прилежно сохранял дистанцию, предписанную судом Координационного Комитета.

– Амбулатория, коллаборационизм, загнутые шутовины, – поглядывая на троицу с лихорадочным блеском в глазах, забубнил старик. – Только Гильдия сохраняла равновесие... Турбулентность и стоны... Кто присмотрит за Комитетом бунтарей? Кто охраняет тех, кто охраняет вас? Зачем преступили закон?

– Знаешь-ка чего, дядя, – забросив ранец на плечо, Димка фыркнул и выступил вперед, привычно загораживая родных. – Шел бы ты отсюда, а? Ведь бо-бо будет... сам знаешь, что это такое! – И он демонстративно задрал левый рукав школьной куртки, обнажая браслет с пультом дистанционного шокера.

– Не нужно бо-бо... – Карл, усевшись на резино-асфальтовый тротуар, обиженно насупил и взялся перебирать ожерелье из разномастных деталек. Ласково погладил осколок наиболее хитроумной шестеренки, в один из краев которой был вмонтирован красивый ярко-зеленый хрусталик. – Ржавые решетки, магия существует, хищный червяк

придет кусать за ноги. Дисперсионная геометрия!

– Пойдемте, ребята! – Витя, старательно не поворачиваясь к Штыку Свободы лицом, потянул остальных за рукава курток. – Нечего на психа время тратить...

И первым зашагал к проспекту Учителей, даже не взглянув на жалкого безумного бродяжку, когда-то державшего в своих руках власть над всем городом. Настя и Дима двинулись следом, и последний все же не удержался.

– А знаете, у меня иногда возникает желание его шарахнуть, – неохотно, но честно сознался он. И тут же добавил, наткнувшись на искренне возмущенный взгляд сестры: – Да ты что, Настюха! Не просто же так, а чтобы прибор проверить... Как вспомню, что гад в папку стрельнул, так...

– Карл получил свое, – хмуро, но рассудительно оборвал его брат. – И я даже не знаю, что лучше – сидеть в тюрьме, но сохранять ясность ума, или остаться на свободе, но не отдавать себе отчета в действиях и словах.

– Никто не готов! – донеслось им вслед хриплое карканье бывшего Смотрителя, поглаживавшего перегоревшие микросхемы. – Этого вы не предусмотрели!..

– А мне его жалко, – тяжело вздохнув, произнесла Настя, не удержавшись, и обернулась на старого врага. Вокруг него собралось несколько туристов, бросавших бедолаге подаяние. – Вот до чего доводят жадность и желание безраздельной власти. Только все равно не по себе, когда он нам дорогу перебегает...

Они замолчали, подавленные неожиданной встречей, и какое-то время сонно брели по проспекту, погруженные в свои мысли. Потратили пару минут, наблюдая, как на соседнем перекрестке бригада строителей завершает аккуратный демонтаж полой вертикальной трубы. Почти разобранный по кирпичикам фрагмент шахты когда-то принадлежал Лифту по имени Шесть Гаек, оставшемуся жить на поляне Фермы. Теперь, когда необходимость в шахтах отпала, спасгородцы планировали выстроить на их месте что-то более полезное...

Вскоре Димка опять начал насвистывать (немного фальшиво и неестественно). Витя по-прежнему отрешенно смотрел перед собой, а их сестра ежилась, словно на поляне стало холодно.

– Какую рифму загадаем? – чтобы сбросить неловкое оцепенение, охватившее всех троих, как можно беззаботнее осведомился Дима. – Давайте «колбарцинизм», а?

– У Карла подслушал? – безрадостно усмехнулся второй мальчик. – Только правильно говорить – коллаборационизм. Это такое умышленное сотрудничество с врагом, по сути – предательство или измена. Плохое слово. Давайте лучше «лампада»?

– Я за «лампаду», – признала Настя. – Это ты, Витька, хорошо придумал, можно красиво зарифмовать.

Ребята добрались до окраины поселка, отгороженного от границ поляны просторным кольцом Пустыря. Кое-где его пересекали новенькие самокатные трассы, уходящие в новооткрывшиеся ворота внешней стены и дальше – к соседним примыкающим ярусам Спасгорода. Но в этом секторе, уже хорошо знакомом нашим героям, никаких особенных новшеств не наблюдалось.

– Пусть будет «лампада», – согласился Димка, дернув плечом и чуть не уронив ранец. – Но тогда давайте усложним и добавим еще что-нибудь необычное. Например, «бдыщ»!

– Нет такого слова, балбес.

– А вот и есть. Пусть помучается, а? Чтобы не сильно быстро справился. Можно, да?

В итоге против странного «бдыщ» никто возражать не стал, и все двинулись через Пустырь, направляясь к одному из Лифтов, спрятанных во внешней стене. И вы будете совершенно правы, если предположите, что этим разумным механизмом оказался *тот самый* Лифт Высокого класса, с которого когда-то все началось...

Вероятно, пришло время для еще одного отступления, на этот раз – рассказа про Рифмователя, в гости к которому и направлялись близнецы. Как уважаемый читатель уже знает, после Дня Трансформации Спасгорода Лифты отправились на покой. Но это не означает, что они отключились, были утилизированы и навсегда выпали из жизни

населявших город людей. Оставшись на тех полянах, где их застал протокол «Возрождение», они превратились в живые музеи. В них спасгородцы теперь водили экскурсии, а нередко ходили и просто так, поведать старых знакомых и узнать, не нужно ли заказать ремонт.

В такой музей превратился и Лифт Высокого класса, на котором троика совершила свое первое путешествие на закрытые Гильдией территории. После того как Смотрителей постигли крах и расформирование, многие спящие Лифты были отремонтированы: процессоры откалиброваны заново, а подавленные личности и характеры восстановлены. Именно в тот революционный период и выяснилось, что до переделки Конклавом заботинский ЛВК носил имя Рифмователя и был весьма недурен в стихотворном изложении мыслей. Правда, восстановление процессора не прошло для него бесследно, но об этом вы узнаете чуть позже...

А пока продолжим наблюдать за ребятами.

С тех пор как они пробрались в кабину Рифмователя следом за Петром Петровичем, Пустырь изменился незначительно. Все так же возвышались повсюду пустые контейнеры и фанерные ящики, излюбленное место игр дошколят; все так же зияло дырами упругое покрытие пола, под которым виднелось ржавое железо.

После того как на открытый Заботинск стали выпадать настоящие дожди, все ценное взрослые утащили в цеха и на склады, и теперь на Пустыре доживали свой век только самые бесполезные вещи. Однако мрачное очарование пустынного кольца продолжало жить – если не вокруг поселка, то в сердцах наших героев. А потому шаги их сделались осторожными, а Димка время от времени оглядывался через плечо, словно за ними могли следить...

– Только давайте быстрее, – попросил он, стараясь держаться непринужденно. – Ну, там «привет», «как дела», «вот тебе новое задание», «молодчина, ты как всегда находчив», «увидимся». И домой сразу, добро?

Витя нахмурился, обернувшись к брату, а Настя сдержала улыбку.

– Ты чего-то опасешься? – настороженно осведомился Виктор, осматривая безлюдный Пустырь.

– Да не-ет, – тонко протянула девочка, – видать, наш Ромео к ненаглядной своей спешит. Опять свиданка, да, Димочка?

Мальчик потупился, а уши его вдруг покраснели. Он фыркнул в ответ на предположение сестры и легкомысленно отмахнулся, снова чуть не уронив ранец:

– Вот еще удумала! – Но при этом Димка не спешил встречаться с родными взглядом. И продолжал краснеть. – Вовсе не свидание. Просто хоккей сегодня в шесть... Да и родители потеряют...

Однако теперь, сообразив что к чему, улыбнулся и Витька. То, что брат уже несколько месяцев гуляет с Летягой Младшей, девчонкой из Ходящих По Стенам (с которой они познакомились во время выхода на поверхность города), уже давно не было секретом.

– Ой, а я и забыл, – хихикнул он, поправляя очки. – Что, Димка, свадьбу-то уже назначили?

– Дурак ты, Витек, и не лечишься, – обиженно буркнул тот, поджимая губы. – И ты, Настюха, туда же... И вообще, Ходящие мне новую модель планера показать обещали...

– Да ладно тебе. – Настя попыталась дружелюбно потрепать брата по плечу, но тот раздраженно увернулся от прикосновения. – Испытывать симпатию к девочке совсем не стыдно. Хочешь, попрошу маму с тобой об этом поговорить? Чего сразу завелся?

– Не надо никого просить! И ничего я не завелся. Чем выдумывать, лучше открывайте скорее...

Все трое добрались до края дисковидной поляны и теперь стояли перед толстой внешней стеной, на разнородной поверхности которой угадывались прорезные линии входа в скрытый Лифт. Чтобы оборвать неловкий разговор и хоть чем-то занять руки, Дмитрий сам нащупал панель протокольного доступа. Надавил на пластину, выдвинул щиток пульта...

Наверное, вы удивлены, как дети, в прошлом испытывавшие немало проблем при протокольных вызовах Шарады, Компетенции или Патриция, готовились с такой легкостью

вступить в диалог с кабиной без сопровождения взрослых?

На это было две причины. Первая (и главная) состояла в том, что отныне Лифты не представляли такой угрозы, как раньше, потому что просто не могли завести случайных пассажиров в потенциально-опасную зону. А вторая причина заключалась в том, что после сражения на Лаборатории наших героев торжественно наградили: подарили по универсальной ключ-карте, позволявшей устанавливать контакт с процессором без длительных секретных протоколов, известных только узкопрофильным специалистам.

Димка подарок взрослых встретил троекратным «ура!» и уже неоднократно навещал в гости к немногословному Озорнику и еще более немногословному Ворчуну. Настя ключу тоже обрадовалась и в конце весны посетила Компетенцию (хотя было не совсем ясно, хотела девочка провести сварливый всезнающий Лифт или подтянуть знания перед экзаменом по физиологии растений). А вот Витя дар комитетчиков принял без особого восторга, ограничившись формальным «спасибо». Впрочем, из всей троицы именно он никогда не расставался с этим пластиковым доказательством заслуг перед городом...

– Ну так что, протокол начинать кто-нибудь собирается? – все еще недовольный вмешательством в свою личную жизнь, резко спросил Дима. – У меня ключ в ранце, под учебниками, доставать долго...

– А я свой дома оставила. – Сестра виновато пожала плечами, но на всякий случай пощупала на груди под одеждой. – Ага, точно оставила. Витя?

– «Витя-Витя»... – Мальчик невесело усмехнулся, потянув за цепочку и вынимая из-за ворота продолговатый перфорированный прямоугольник. – Как же вы так с бесценным даром КорКома?

Димка скорчил ему рожицу, а Настя нахмурилась:

– Что с тобой, братик?

– Да ничего...

Было видно, что на душе у Виктора что-то накапливается. Что-то, еще не готовое выплеснуться честным и обидным ответом. Но уже заметное, горячее... Девочка решила вернуться к этой теме при более благоприятных обстоятельствах: то, как один из братьев реагировал на общественное признание заслуг «заботинской троицы», начинало тревожить ее все сильнее...

– Протокол «Альфа», доступ уровня «Багратион», – вставив ключ-карту в специальную прорезь, привычной скороговоркой оттарабанил Витя в микрофон планшета. – Просыпайся, Рифмователь, к тебе гости.

Лифт, до этого момента, казалось, пребывавший в дреме, тут же ожил. Из стены над его дверью выдвинулся шнур гибкой амбикамеры, вокруг входа зажглось несколько серебристых светодиодов. По планшету пробежала шустрая цепочка из цифр и аббревиатур, подтверждавших принятие высшего протокола в обход обязательных процедур.

– Хоть дрему ты мою прервал, гостям я рад, героев ждал! – продекламировал сильный мужской голос из динамиков, настроенных (согласно характеру Лифта) на профиль «молодой и предупредительный». – Входите, друзья, входите!

И Рифмователь гостеприимно распахнул двери, через порог которых троица когда-то украдкой прошмыгнула за отцом и его мрачным спутником. Димка приветливо улыбнулся (коварно предвкушая, как приятель Лифт будет вплетать в стих его неудобное словечко), а Витя и Настя помахали в объектив.

Внутри кабина, если вы помните, была красива и уютна: просторный круглый холл с изящной мебелью и коврами, ажурный балкон вдоль изогнутой стены, темное дерево ступеней винтовой лестницы, хрусталь светильников и великолепная климатическая система. Лампы разлапистой люстры были выполнены в виде свечей, отчего казалось, что под потолком горит настоящее живое пламя.

Сейчас, конечно, богатой мебели стало меньше – еще в начале лета, стараясь максимально рационализировать новую систему городского управления, посланники КорКома вынесли из Рифмователя большинство предметов роскоши, передав их в детские

дома и театры. Но и оставшейся обстановки хватало, чтобы посетители Лифта чувствовали себя комфортно.

– Привет, Рифмователь! – Дима, разуваясь на ходу и сбрасывая ранец на ковер, похозяйски запрыгнул на самый большой диван, стоящий в центре. – Готов к новому испытанию?

– Здравствуй, Рифмователь, – поздоровались остальные, проходя внутрь и рассаживаясь в кресла. – Пусть никогда не ржавеют твои шестеренки.

Створки плавно сомкнулись, скрыв унылые виды Пустыря и превратив кабину в миниатюрный герметичный дворец...

Разумеется, первое время после пробуждения Лифта ребятам было неуютно приходиться в царские покои, насильно вручившие им билет на Реакторную Станцию. Но постепенно страх ушел. Обшитые лаковыми панелями стены перестали вызывать дурные воспоминания, и троица даже подружилась с их крайне интересным обладателем.

– Любой каприз, любое слово я в ткань стихов вплету толково, – безупречно проговаривая слова и выдерживая интонационные паузы как настоящий артист, ответил Лифт. А затем поинтересовался: – Легко ли протекает ваша жизнь, юные друзья?

– Спасибо, все хорошо, – ответил Витя, хотя по его лицу нельзя было сказать, что мальчик всецело доволен своим существованием. – Школа, уроки, домашние задания, тесты, факультативы... Папа все время в Комитете, приходит поздно. Мама перевелась на дневную работу.

– Услышанное тем примечательно, что замечательно! – порадовался за гостей Лифт Высокого класса. – Могу я предложить очередную партию в шахматы? Трое на одного, машина против человека! Нужно ум тренировать, чтоб невзгоды побеждать.

– Ой... – Брат и сестра обменялись быстрыми заговорщицкими взглядами. – Мы бы с радостью, но сегодня у нас не так много времени. – И почти хором добавили, давась от распирающего смеха: – Новый планер обещали показать... и вообще!

Дмитрий вспыхнул, кулаком погрозив сразу обоим. А тактичный Рифмователь хоть и не совсем понял шутку, предпочел спешно сгладить возникшее напряжение:

– Не страшно, сыграем в другой раз! – Из стены с мягким шипением выдвинулась белоснежная бочка холодильной камеры. – Тогда хоть угоститесь, прошу! Вчера здесь прошло заседание заботинского Общества любителей поэзии. Мои собратья по искусству принесли с собой свежайшую выпечку, качество которой все еще на высоте.

Камера открылась со звонким щелчком, явив взорам десяток пирожных и добрую треть пышного торта. Витька вежливо отказался, Настя поблагодарила и взяла самый крохотный эклер. Димка же, как был, босиком, с радостным воплем рванул к угощениям, наложил себе целую тарелку сладостей и сразу же забыл о подначках родных.

– Шпаибо, – пробурчал он с набитым ртом, возвращаясь на диван и улыбаясь в амбикамеры на стенах. – Итька, удь дугом, елай айку, аха?

Виктор, укоризненно покачав головой, все же вылез из удобного глубокого кресла и отправился в кухонную зону кабины заваривать чай. Звякнул чашками, украдкой осматриваясь – не пропало ли еще что-то из мебели или бытовой утвари.

– Скажи, Рифмователь, а как *твои* дела? – включая электрический чайник, словно невзначай осведомился мальчик, подняв голову к ближайшему микрофону. – Может, все-таки папе сказать, чтобы бригаду отправил?

– Да-да, Рифмователь, пожалуйста! Мы так за тебя волнуемся... – поддержала брата Настя, откусывая кусочек пирожного.

– Лукавить перед вами я не в силах, но к сердцу попрошу не принимать. – Камеры с жужжанием повернулись к ребятам, а из-под балкона задорно подмигнул серебристый огонек. – Биенье тока все сильнее в моих жилах, недуг прискорбный начинает отступать.

Дима что-то радостно проугукал, все еще жуя, а Витя и сестра недоверчиво переглянулись. Дело в том, что с момента недавней перекалибровки Лифт Высокого класса постигла... Скажем так – его постигла странная болезнь. Непредсказуемая, дающая о себе

знать лишь временами, но от этого не менее неприятная.

В сознании разумного транспортного механизма поселилась еще одна сущность (у людей бы подобное назвали раздвоением личности), склочная и неприятная, которую сам Рифмователь именовал Сумраком. Узнав о ней, механики из отдела настройки процессоров только почесали в затылках. Пробубнили что-то про «модуляцию базисного эха» и удалились, заявив, что ничего не могут сделать, не навредив поэтическому таланту Лифта...

Так они теперь и уживались – дружелюбный жизнерадостный стихоплет и его тайное альтернативное проявление – мрачное, неприветливое и даже грубое. Ребята уже несколько раз порывались вызвать Рифмователя спецбригаду элитных техников из числа подчиненных Петра Петровича, но больной постоянно отказывался, раз за разом все настойчивее уверяя, что «недуг прискорбный отступает».

– Давайте-ка лучше послушаем, – примирительно предложил Лифт, заметив растерянность на лицах детей и ловко меняя тему, – что сегодня уготовано мне вашим прытким разумом?

Витя вздохнул, в очередной раз отмечая, как много человеческого вложили в процессоры кабин их древние создатели (вам ведь наверняка знакома ситуация, когда друг болеет, но упорно отказывается идти к врачу – дескать, само пройдет?). Но мальчик все же налил заварившийся напиток, раздал чашки брату и сестре и повернулся к микрофону.

– На этот раз будет загадано слово «лампада», – торжественно произнес он и скривился, заметив довольную улыбку перемазанного кремом Димки. – А еще необычное слово «бдыщ». Если ты не против, конечно.

– Вот как! – воскликнул Рифмователь, включаясь в традиционную игру, которую они с близнецами вели уже несколько месяцев. – И вправду необычное словечко... Я не буду против! Дима, это ты выдумал, не так ли?

Димка засмеялся и фыркнул, отчего на ковер полетели крошки торта. Но честно закивал и принялся облизывать пальцы. Настя, совсем по-маминому вздохнув, взяла салфетку и стала собирать крошки. Рифмователь же, получив новое задание, на какое-то время задумался и замолчал, даже не двигая амбикамерами.

Гости попивали чай, наслаждаясь уютной тишиной, но через несколько минут Лифт снова подал голос. Его динамики выдвинулись из стен, а затем из них полился густой, хорошо поставленный голос механизма, знающего цену своему ораторскому искусству:

– Сказать, что сделали они, не хватит и баллады:

Сквозь мрак, сквозь страх, сквозь бдыщ и бам
Они врагам всем – по носам!
И вот под памятным Штыком горят ковром лампы...
А в город солнца свет пришел,
И счастье каждый в нем обрел!

Рифмователь замолчал, как артист, наслаждающийся произведенным эффектом. Настя со смехом захлопала в ладоши, Димка поднял к камере оттопыренный большой палец. Но Витя вдруг нахмурился, приподняв очки и потирая переносицу.

– Здорово, – многозначительно сказал он и натянуто улыбнулся. – Да только зачем снова про нас-то? Ты, Рифмователь, с любым словом справишься. Но почему тема каждый раз почти одна и та же?

– Потому что вы герои, – честно ответил Лифт, мигнув сразу десятком диодов встроенной бытовой техники. – Вы сделали то, что было не под силу нескольким поколениям взрослых спасгородцев. Совершили предначертанное.

– А мне нравится ощущать себя героем, – вставил Димка, пальцем счищая сладкий крем с опустевшей тарелки. – Сейчас, конечно, меньше с расспросами лезут. Ну и шумиха улеглась. Но заботинцы нас помнят. И не только они.

Настя настороженно молчала, не спеша включаться в этот непростой разговор. А Витя

резко обернулся к брату, нацелив на него палец:

– Seriously? Думаешь, поэтому наших лиц нет на Штыке Свободы? Том самом, под которым лампы горят ковром... Там только взрослые – Ходящие, словно они в одиночку свергли Смотрителей и разбудили Анализатор!

– Подумаешь, – легкомысленно отмахнулся Дима. – Мне и без того хорошо...

– А я считаю, что это несправедливо!

– Мальчики, не ссорьтесь, пожалуйста, – наконец не вытерпела Настя, ухватившись за шнурок школьной куртки. – Вить, давай дома об этом поговорим, хорошо? Димка, перестань его провоцировать...

– А чего он вообще?..

– Да просто ты не понимаешь ничегошеньки!..

– Каждый получает по заслугам, – из динамиков Лифта вдруг раздался сухой скрежещущий голос, от которого по коже побежали мурашки. – Да. Социальная справедливость, вот как это называется. Если бы вы погибли в Лаборатории, остались бы виноватыми. Но победу, особенно такую яркую и значимую, взрослые никогда не отдадут каким-то там школьникам...

Дети замерли на своих местах, испуганно обернувшись на объективы камер. Они уже слышали этот голос раньше, и всякий раз он не сулил беседе ничего хорошего. Сумрак, одно упоминание о котором причиняло Рифмователю душевную боль (если, разумеется, у Лифтов вообще есть душа), некстати выбрался на поверхность, оттеснив соседа по процессору. Витя, побледнев, но сориентировавшись раньше остальных, деловито поправил очки:

– Уважаемый Сумрак, не могли бы вы оставить нас и вернуть слово Рифмователю?

– А не мог бы ты, маленький гордец, признать, что сражение выиграли мятежники? – вопросом на вопрос ответила ему сущность, населявшая электронные мозги кабины. – Вы уже не сопливые детишки! Так что пора привыкать к суровой правде жизни. Несправедливой жизни, прошу заметить...

– Рифмователь! – Настя вскочила на ноги, запрокидывая голову, отчего коса шлепнула ее по спине. – Я знаю, ты меня слышишь. Сражайся. Не позволяй этому наглецу перехватывать управление!

– Ой, посмотрите-ка на эту отважную умницу, – теперь Сумрак говорил едко, вкладывая по граммму желчи в каждое слово. – А ты меня спросила, девочка? Может, это я тут старший, а ваш ненаглядный Рифмователь мешает мне нормально существовать?

– Если ты не уберешься прочь, – вздохнув, с нажимом произнес Дмитрий, – уже сегодня вечером сюда придут лучшие техники города...

– О, будешь сражаться со мной, как с мутантом псевдополя? – гадко хихикнул Лифт, а светильники на стенах убавили накал. – Нашли себе нового врага? Вы должны знать – я имею такое же право на жизнь, как ты, или Рифмователь, или эта истеричная девчонка!

– Сражайся, Рифмователь! – не обращая внимания на оскорбления кабины, продолжала звать Настя, вцепившись в завязки капюшона. – Ты сможешь его одолеть, если захочешь!

– Значит, когда от Лифтов ничего не зависит, нам можно угрожать? – злобно пробормотал Сумрак. – Шантажировать нас? Кичиться своим высоким положением? Нашлись герои, тоже мне...

Димка устало сполз с дивана. Его настроение окончательно испортилось, и мальчик отправился собирать раскиданные по холлу ботинки. Однако Витя не хотел уступать в споре с модуляцией базисного эха.

– К вашему сведению, да! – вспыхнул он, сжимая кулаки. – Мы и правда герои! Даже если мои... наши заслуги остались недооценены. Даже если о нашем подвиге не знает большая часть горожан. Мы многое сделали для Спасгорода, и вам прекрасно известен этот факт!

– Да-да, конечно же, маленький спаситель, мечтай-мечтай... – Если бы у Лифта было лицо, сейчас бы оно скривилось в презрительной гримасе. – Вы обыкновенные малолетние нарушители устоев и законов, в награду получившие бесполезные ключи от всех Лифтов!

Витька захлебнулся от негодования. Набрал побольше воздуха перед очередной тирадой, но Сумрак его опередил, срезав сухо и надменно:

– Вам подарили игрушки, настоящую силу которых знают лишь избранные. – И добавил, наводя амбикамеры на всю троицу: – Потому что детям всей правды знать не положено!

– Что же вы такое говорите? – расстроившись вслед за братом, прошептала Настя. – Витька, пойдем отсюда. Этому Лифту срочно нужна помощь...

– Пожалуйста, не надо, – пробился в динамиках слабый голос Рифмователя. – Замолчи, Сумрак. Уходи, прошу...

Однако Витя вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то интересному, и на уговоры сестры внимания не обратил. Затем вынул из-за пазухи ключ-карту, разглядывая устройство так, словно видел впервые. Крутанулся на пятках, задумчиво направившись к внутреннему планшету протокольного доступа.

– Что вы имеете в виду? – спросил мальчик у Сумрака, заставив Настю и Димку удивленно замереть на месте. Они никак не ожидали, что брат вступит в полноценный диалог с безумной альтернативой Рифмователя. – Универсальные ключ-карты обладают дополнительными функциями?

Тогда Лифт рассмеялся.

Не задорно и легко, как обычно бывает при встрече старых знакомых... Тонко, злорадно и неприятно. Девочку от этого скрежещущего смеха бросило в дрожь, а Димка уронил ботинок, который собирался натянуть.

– Вы, мнящие себя спасителями человечества, ничего не знаете про Багряный Протокол? – вкрадчиво осведомились динамики кабины, а светильники и люстра совсем потускнели. – Так я и думал. Никто в городе, кроме избранных Лифтов и Смотрителей, не знает этой тайны...

Настя медленно, как во сне, повернулась к братьям. Девочка шестым чувством (со временем оно проявляло себя все сильнее) ощущала, что добром этот странный разговор с расслоившейся личностью не закончится. Но Витя, заинтригованный и поглощенный новой загадкой, уже стоял возле пульта управления кабиной.

– Хватит! – тусклый голос Рифмователя снова пробился через смех Сумрака. Преодолевая сопротивление соседа, он едва слышно продекламировал сквозь помехи и шум: – Есть тайны на свете, что трогать не смей – к могиле ведут те дороги; и если проснется серебряный змей, беда будет ждать на пороге...

На этом фраза оборвалась, словно Сумрак каким-то невидимым усилием окончательно загнал поэта в темницу цифровой души. Лифт мигнул диодами, но теперь их серебристое сияние не было радостным – оно казалось призрачным и неживым.

– Что такое Багряный Протокол? – строго спросил Виктор, не обращая внимания на предупреждающие взгляды остальных. – Ты Лифт, хоть и психованный. А значит, обязан подчиняться по уровню «Багратион», поэтому я приказываю тебе ответить на мой вопрос!

– Это будущее Спасгорода, – покорно ответил Сумрак, откровенно забавлявшийся беседой. – Его завтрашний день. Его наследие.

– Прекратите молоть чушь! – возмутилась Настя, понимая, что пришло время решительно вмешаться. – Вы оба! Будущее Спасгорода заключено в его трансформации и последующей колонизации поверхности. Очищенной от болезни, свободной и щедрой!

– Хи-хи-хи. Глупые детишки... – снова проскрежетали динамики, отчего не по себе сделалось даже любознательному Витьке.

– Что такое Багряный Протокол? – все же переспросил он, стараясь говорить грозно и повелительно. Щеки его покраснели. – Отвечай по всей форме, без метафор!

– Любопытный, значит? – совершенно не спеша выполнять официальный приказ, продолжал издеваться Лифт. – Хочешь все-все знать... А не пожалеешь?

– Витя, не нужно с ним спорить, пожалуйста, – с придыханием попросила сестра. – Димка, собирайся быстрее! Мы уходим.

Димку упрасивать было не нужно – мальчик поспешно застегивал липучки на высоких голенищах ботинок. В кабине стало неуютно, сумрачно и тревожно.

– А если и так! – с вызовом бросил Виктор в потолок, не обращая внимания на волнение брата и сестры. – Я отдал тебе приказ! Выполняй!

– Так вставь свой чудесный ключ в планшет и задай вопрос по всей форме, – вкрадчиво и совершенно серьезно предложил Сумрак, заставив девочку застонать.

– Витенька, прекрати! – взмолилась она, бочком направляясь к дверям.

– Тсс... – отмахнулся брат, уже охваченный лихорадкой азарта. – Не мешай...

– Сумрак, прекратить голосовой контакт! – не сдавалась Настя, взывая к потолочным микрофонам. – О неподчинении этому приказу узнает наш отец! А ты в курсе, что он механик первого разряда...

Однако, по правде говоря, угроза звучала неубедительно. Как я уже упоминал, многие талантливые Смотрители в настоящее время находились под следствием и были отстранены от работы. А задействованные КорКомом механики за несколько месяцев так и не научились контролировать аномалию, поселившуюся в процессоре Лифта...

– Рифмователь, если ты меня слышишь – приказываю немедленно открыть кабину!

Настя уже сто раз пожалела, что забыла ключ-карту дома. Димка, прочитав ее мысли, торопливо рылся в школьном ранце, пытаясь отыскать свой универсальный пропуск под учебниками. А склонившийся над планшетом Витька, забыв обо всем на свете, уже угодил в расставленную безумцем западню...

После известных событий полугодовой давности девочка пришла к выводу, что все люди делятся на две категории. Первая сама ищет приключений: рискует понапрасну, пытается привнести в свою жизнь больше адреналина, драйва, эмоций и острых ощущений. Вторую часть спасгородцев приключения находят сами – подхватывают своим буйным течением и волокут вперед, не позволяя даже оглянуться.

Наблюдая за тем, как брат вставляет ключ-карту в планшет Рифмователя-Сумрака, Настя мысленно ругала день, когда они втроем угодили во вторую категорию, позволив вплести свои судьбы в картину будущего всего города...

– Активировать Багряный Протокол, – негромко произнес Виктор в микрофоны планшета, утопив карту в пульте и кладя руки на тумблеры. – Ознакомительный режим, информацию – на центральный дисплей.

– Отменить последнюю команду! – тут же выкрикнула сестра, а Димка застыл, так и не нащупав устройство в недрах ранца. – Рифмователь, Сумрак, я приказываю...

– Начинаю активацию Багряного Протокола, – послушно, но с неприятным прохладным смешком отчеканил Лифт, запросто проигнорировав все неподкрепленные ключом команды. – Ознакомительный режим нефункционален. Провожу порядок действий согласно уровню «Багратион» с полным подчинением оператору.

Димка вскрикнул, поспешно вскакивая на ноги. Настя рванулась к Витьке. А тот отступил от планшетов на шаг, приоткрыв рот и уставившись на пульт управления так, словно сейчас должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, волшебное и доступное только посвященным...

Это, в принципе, и произошло.

Только вот случившемуся не обрадовался ни один из заботинцев, запертых в кабине Лифта Высокого класса.

Свет еще раз моргнул.

Лифт вздрогнул, и гости Рифмователя впервые за несколько месяцев услышали звук, который в Спасгороде многие считали утраченным навек, – где-то под полом вдруг заработали моторы. Раздался скрежет, с каким распахиваются старые проржавевшие ворота. Подвески светильников с перезвоном покачнулись. По планшету пробежала незнакомая комбинация темно-красных цифр и букв. И ребята испытали знакомое с младенчества ощущение, в которое еще долго не могли поверить, – кабина начала опускаться.

Глава вторая, в которой раскрывается еще один замысел предков, а кое-кто знакомится с крайне необычным существом

Первые несколько секунд происходящее никак не укладывалось в голове.

Схватившись за мебель, дети молча смотрели друг на друга, поражаясь, какими усталыми и мрачными стали лица в зловеще-серебристом потолочном свете. Скулы у всех троих окаменели, глаза заблестели в предчувствии страшного, кулаки непроизвольно сжались. Потому что наши героини точно знали – с весны этого года поляна Заботинск стоит на несокрушимой земной тверди, куда примостилась в День Трансформации, и никакого спуска *вниз* для любого из ее Лифтов не может существовать в принципе.

Но спуск происходил, в этом не оставалось сомнений.

Причем с каждой секундой падение ощущалось все отчетливее. Теперь это могли бы заметить даже мы с вами, не говоря про спасгородцев с их развитым вестибулярным аппаратом. Кабину Сумрака тряхнуло, по ее периметру что-то затрещало, а по планшету пробежала яркая торопливая надпись: «Экстренный запуск дополнительных тормозных устройств в условиях отсутствия системы тросов».

– Мы падаем! – воскликнула Настя, побелев от страха.

– Держитесь! – выпалил Витька. Сам он все же, не удержав равновесия, упал на ковер и попытался уцепиться за ножку дивана.

Скорость спуска плавно увеличивалась – об этом говорила растущая вибрация Сумрака, а также частый звон хрустальных подвесок на люстре. Девочка тоже пошатнулась, прыгнула в покачивающееся кресло и сжалась в комок. Димка, так и не застегнувший второй ботинок, распластался по дивану. Протянул руку брату, помогая ему забраться следом.

Сумрак рассмеялся. Едва слышно сквозь гудение мотора, но все равно отчетливо и мерзко. Рифмователь по-прежнему молчал, не в силах вмешаться в происходящее. Свет хаотично мигал, в кухонном уголке по столу начали с дребезгом скакать кружки и чайные ложки.

– Это невозможно, – пробормотал Димка, озираясь так, будто кабина могла вот-вот развалиться на куски. – Под Заботинском ничего нет!

По планшету пробежала еще одна предупредительная надпись: «Авария. Отказ первой тормозной установки». В это же мгновение Лифт чуть накренился, а тяжелая деревянная мебель стала медленно съезжать под балкон. Ковер сбился мягкими симметричными волнами, наползающими друг на друга. Одно из свободных кресел опрокинулось. С дальней стены сорвался светильник и разбился с оглушительным звоном. Настя закричала, Витя прикусил язык.

«Авария, – мелькнула на экранах пульта еще одна надпись. – Отказ второй тормозной установки».

Где-то снаружи, у самой внешней обшивки, что-то заскрежетало и взорвалось с глухим хлопком. Тут же запахло дымом, раскаленным металлом и горелой изоляцией проводов. Кабина снова накренилась, теперь на другой бок, и почти выровнялась, остановив перемещающиеся по Сумраку предметы интерьера.

– Прекратить выполнение протокола! – закричал Витька, с ужасом глядя на ключ-карту, все еще торчащую из прорези планшета. – Отменить спуск, активировать все тормозные двигатели!

Но Сумрак либо не слышал мальчика, либо не мог подчиниться его приказу, потому что системы Лифта одна за другой выходили из строя. Он еще раз рассмеялся, как сумасшедший, прыгающий со скалы в буйный океан, и вдруг его динамики резко замолчали.

– Рифмователь, немедленно останови падение! – громко, но с дрожью в голосе распорядилась Настя, однако новая команда тоже не возымела эффекта. – Человек в опасности!

«Отказ третьей тормозной установки, – пронеслась по дисплею строгая равнодушная

надпись, заставив детские сердца оледенеть. – Рекомендовано подготовиться к неконтролируемому снижению и аварийной остановке».

Димка и Витя переглянулись, одновременно открыв рты и собираясь что-то сказать. Но в этот же миг кабина вдруг достигла конечной точки спуска. Удар был очень сильным, но не сокрушительным – все же смягченный четвертым, не успевшим выйти из строя тормозным устройством.

Скорлупа Сумрака-Рифмователя вздрогнула от днища до крыши. Мебель, посуда и картины на стенах сорвались со своих мест, визжащие ребята кубарем покатались на пол, а бледный свет окончательно погас. После надрывного рева двигателей, противного скрежета неисправных тормозов и непрекращающихся криков внутри стало так тихо, что можно было расслышать собственные мысли...

– Все целы?! – в кромешной темноте, отчего казалось, что мальчик находится где-то далеко-далеко, спросил Димка, с кряхтением выбираясь из-под перевернутого дивана. Сам он здорово отбил правое колено, но мужественно терпел расплзающуюся по ноге боль. – Витек, Настюха?!

– Я цела, – пробормотала сестра, кусая губу, чтобы не разреветься от страха и набитых шишек. – Только руку потянула и затылком ударилась...

– Я тоже цел... – ответил Витя, отлетевший куда-то к дверям (так, во всяком случае, казалось Димке, потерявшему в темноте всякое ощущение пространства). – Очки свалились, как бы не наступить... О, еще я лоб порезал. Наверное, стеклами от люстры...

Они завозились во мраке, еще опасаясь покидать свои места среди обломков мебели и рухнувшей балконной ограды. Дима дотянулся до ботинка, наконец-то застегнул липучки и первым рискнул подняться в полный рост. Он уже успел пожалеть, что так опрометчиво оставил ранец на полу, ведь в нем (тайком от родителей и даже от брата) хранил коробок спичек...

– Рифмователь? – спросил Витя тоном человека, не ожидающего положительного ответа. – Сумрак? Вы меня слышите? Приказываю установить голосовой контакт...

Но темнота разгромленной кабины, рухнувшей в неизвестность под Заботинском, ничего не ответила людям. Стало слышно, как хрустят битые тарелки под ногами Димки, осторожно пробирающегося к стене, в которой располагался планшет.

И когда уже казалось, что им придется оценивать ущерб от падения в непроглядной темени, под потолком вдруг заработали тусклые аварийные лампы, питавшиеся от резервной батареи. В мерцающем красном свете учиненный в кабине разгром казался воистину катастрофическим – все было перевернуто вверх дном, громоздились груды переломанной мебели, балкон опасно накренился, и с него сыпались остатки посуды.

– Хвала Всемогущим Процессорам, – простионала Настя, садясь на скомканный ковер и потирая ушибленный локоть. – Все целы. Но что же мы наделали?..

Витька, не спеша вставать, осторожно пополз по полу, высматривая слетевшие очки. Поднял, придиричиво осмотрел треснувшее стекло и водрузил на нос. Его потряхивало от пережитого страха и постепенного осознания беды...

– Мы упали, верно? – спросил он, вставая, обходя перевернутое кресло и осматривая запертые двери Лифта. – Но каким образом?

– Вероятно, это и есть твой Багряный Протокол, – сердито прошипел Димка сквозь зубы, пытаясь определить степень повреждения пульта. – Доволен?

– Прекрати, Дима, – одернула его Настя, озираясь и теребя кончик косы. – Не время для ругани, не находишь?

– А может, Сумрак разыграл нас? – не ответив на колкость брата, Витя приложил ухо к дверной створке. – Тряхнул кабину, чтобы испугать, а Лифт все еще стоит на Заботинске?

В то, что каким-то образом Сумрак-Рифмователь действительно провалился под землю, рухнув под трансформировавшийся город, и правда верилось с трудом. Однако теория с имитацией аварии выглядела довольно уныло, и мальчик подавленно замолчал.

– Или под Спасгородом есть еще одна шахта, давняя и забытая, – подытожила девочка,

сделав несколько пробных махов отбитой рукой, – в которую мы и сверзились.

– Быть такого не может! – фыркнул Дима, с тревогой косясь на едва живые аварийные светильники.

– И что же нам теперь делать? Димочка, что там с протокольным планшетом?

– Плохо все... – вздохнул тот с интонацией Петра Петровича. – Не отвечает Лифт. Электроника раскурочена, лампы вон наружу торчат... и побились почти все. Система перешла в спящий режим, вызвать Сумрака не могу. А Рифмователя и подавно. Судя по отчетам пульта, мы спускались на одной из четырех тормозных распорок, но и она при крушении отказала. Одно могу сказать точно – обратно нам на них не подняться.

– Браслеты! – вдруг выкрикнул Витя, заставив остальных вздрогнуть, до того резко и жутковато прозвучал в разгромленной кабине его звонкий голос. – Немедленно активируйте тревожные кнопки!

Воодушевившись, Настя спешно задрала рукав, сдвинула предохранительную панель и изо всех сил нажала на аварийную клавишу. Но браслет никак не отреагировал на нажатие, а его лампочки оставались погасшими. Тогда Димка, отвлекшись от изучения планшета, попробовал активировать свое устройство. И с огорчением покачал головой, подтверждая, что неисправен и второй браслет. По слабому стону от дверей они догадались, что ничего не добился и Виктор...

– Сигнала нет, – ответил он за всех троих. Еще раз поклацал кнопками. – Видимо, тот, кто настраивал систему, никак не мог предположить, что обладатели устройств, то есть мы с вами, окажутся так далеко от центрального ретранслятора...

– Это значит... – робко начала сестра.

– ...что мы совсем не на Заботинске, а где-то очень далеко от родной поляны, – закончил за нее Димка, со злостью посмотрев на брата – в полумраке был виден лишь его силуэт, поблескивающий стеклами очков.

В это мгновение все трое вспомнили про другие браслеты, носимые, казалось, в иной жизни. Про три Нянечки, кандалами повисшие на их ногах после приключений на Летней Ярмарке. И про экранированную комнату, куда ребят завели подсказки Создателя Снов и где блокировался сигнал следящих устройств.

– Значит, папа не сможет нас найти? – спросила Настя, бессильно уставившись на запястье, где темнел ободок бесполезного браслета.

На это никто не ответил, да и необходимости не было. Мальчики замолчали, вернувшись к прежним занятиям: сопя под нос, Димка изучал разбитый планшет, а Витя все еще пытался подслушать, что происходит за дверью. Но девочка не собиралась горевать в тишине.

– Не молчите, пожалуйста, – взяв себя в руки, изгнав из голоса дрожь и страх, попросила она. – Какие будут мысли? Что нам делать?

– Верно, – поддержал Витя, несколько раз глубоко вздохнув и чуть не закашлявшись от висящей в воздухе пыли. – Главное, не терять головы! Я уверен, нам нужно покинуть кабину. Если сможем вызвать помощь, Рифмователя починят и мы сможем вернуться.

– Покинуть кабину? – презрительно протянул Димка. – Да ты хоть представляешь... Ай! – Он случайно соединил два оголенных проводка и обжегся вспыхнувшей искрой. – Ты хоть представляешь, что будет, если мы, например, лежим на дне подземного озера, а? Откроем дверь, и тью-тью...

– Мамочка, – прошептала Настя, ужаснувшись нарисованной воображением картины.

– Есть другие варианты? – спокойно, по-прежнему не реагируя на нападки брата, спросил Витя. – Ждать, пока внутри кончится кислород и мы задохнемся?

Он отступил от дверей, повернулся, и Настя с Димкой увидели темное подсыхающее пятно у него на лбу, напоминающее кляксу. Настя ойкнула и сразу встрепенулась. Усадила раненого на пол, суетливо заметалась вокруг, выискивая школьный ранец. Нашла, вынула сумочку с аптечкой первой помощи. Достала бинт, бутылочку с обеззараживающей суспензией и принялась осторожно обрабатывать порез, несмотря на шипение пациента и его

попытки вырваться.

– Вот ты ду-урень, Витька, – с досадой, но уже без прежнего ожесточения бросил Димка, наблюдая, как девочка стирает кровь и промокает царапину. Его прическа в стиле воздухоплавателей растрепалась, отчего волосы непокорно торчали во все стороны. – Святы-платы, ну вот кто тебя просил вступать в контакт с этим придурокшным Сумраком?

Виновник активации протокола насупленно молчал, не спеша ни оправдываться, ни переходить в ответное наступление. Настя вздохнула – было заметно, что внутренне она на стороне Димки, но высказывать критику не спешит, чтобы не накалять и без того непростую обстановку.

– Еще раз прошу, давайте не будем ссориться, – тактично попросила она, наконец остановив сочащуюся из пореза кровь и залепив рану пластырем. – А если выбирать, то я за решение открыть двери. Тут мы точно пропадем, без сигнала-то. А снаружи может найтись помощь. Или внешний пульт управления Рифмователем.

– Значит, двое против одного? – Дима пожал плечами. – Как скажете. Если станем тонуть, не жалуйтесь потом... Но спешить не советую, дайте хоть собраться.

Он принялся бродить по разоренной кабине, время от времени нагибаясь, чтобы спрятать в карман куртки какую-нибудь полезную, с его точки зрения, вещь. Нашел отлетевший под балкон ранец, выложил учебники и тетради на покосившийся кухонный верстак.

Витька, освободившийся от сестринской опеки, направился к пульту управления Лифтом. Потирая переносицу, он на какое-то время застыл, пытаясь определить, какие механизмы отвечают за принудительное открытие створок. В конце концов, папа тройняшек был механиком далеко не самого последнего класса и многому успел обучить своих детей.

– Я смог восстановить контур, – наконец объявил мальчик, привлекая внимание остальных. – Система аварийного вскрытия функционирует. Вроде бы... Вы готовы?

– Нет, – с резиновой улыбкой ответила Настя. Она, по примеру брата, тоже выложила свои учебники, вместо школьной канцелярии затолкав внутрь легкий плед. – А что это меняет?

Он вздохнул, пожимая плечами и молча соглашаясь с риторическим вопросом. Затем повернулся к Димке, тот угрюмо кивнул – давай, мол, раз решили...

Шагая по обломкам, девочка подошла к Дмитрию. Взяла его за руку, силой увлекая к пульту, где другой рукой вцепилась в Витину ладонь. Тот попытался ободряюще улыбнуться обоим, но вышло не очень. Тогда он осторожно потянул за П-образный рычаг, спрятанный в укромной нише слева от дверей.

В недрах Рифмователя что-то щелкнуло, заурчало, загудело с нестерпимой натугой. Несколько длинных секунд ничего не происходило, и Витя уже почти разорвал живую цепь, чтобы направиться обратно к планшету и заново проверить контур. Но тут над входом вдруг вспыхнул одинокий серебристый диод. Аварийные лампы судорожно моргнули, а затем в стене заработали поршневые системы, отвечающие за герметизацию кабины. Со скрежетом и лязгом деформированные при падении створки Лифта Высокого класса начали раздвигаться.

Чего ожидали наши герои в тот момент? Сложно сказать.

Может быть, пенной ледяной волны, врывающейся внутрь и сметающей все на своем пути. Может, облака удушливого подземного газа, забивающего нос и глаза. Может, и вовсе зрелища пенно-бетонной стены, наглухо запечатывающей проход. Но когда дверь открылась (не до конца, максимум на две трети), все трое тихонько охнули, невольно придвигаясь друг к другу под порывом холодного затхлого ветра, ударившего снаружи.

Привыкшим к бедному аварийному освещению кабины, сначала им показалось, что за порогом клубится крошечная тьма. Однако спустя бесконечную минуту, проведенную в молчании и страхе, ребята начали различать отдельные детали и убедились, что вне Лифта вовсе не так темно, как им представлялось.

Стараясь не наступать на стеклянные осколки, чтобы случайным хрустом не нарушить

гипнотизирующую тишину, Витька шагнул вперед. Осторожно выглянул. За ним, побоявшись расцепить руки, потянулись остальные.

– Что же это за поляна такая? – едва слышно прошептала Настя. А может быть, вовсе не прошептала... но, как обычно в моменты стресса, ее мысли стали для братьев объемными и почти физически ощутимыми. – Вы только посмотрите на это...

И они посмотрели. С замиранием сердца, ошеломленные и подавленные, трое потерпевших лифтокрушение жадно впитывали необычную картину, открывшуюся за дверью Рифмователя.

На первый взгляд место, куда рухнул Лифт, действительно напоминало поляну – тот же высоченный потолок, теряющийся во мгле; те же границы обитаемой зоны, едва различимые вдали. Но на этом сходство с этажом Спасгорода заканчивалось, и первым это осознал Виктор. Он прикусил губу, щурясь и досадуя на испорченное зрение, а затем в полной мере оценил масштабы случившейся катастрофы.

– Это что, пещера? – на выдохе прошептал мальчик, хотя все было понятно без слов.

Дверь шахты действительно выводила в пещеру – огромную, больше самых просторных полей города. Дно ее, словно суповая тарелка, плавно выгибалось, по периметру переходя в стены и куполообразную крышу. Во многих местах своды поддерживались здоровенными неохватными колоннами. Они напомнили спасгородцам родные шахты, но даже после поверхностного изучения стало ясно, что образованы столбы вековыми сросшимися сталактитами и сталагмитами.

Из цветов в окрасе скальной породы преобладали желтый, коричневый и серый. Когда глаза заботинцев привыкли, выяснилось, что освещение гроту дают масштабные колонии оранжевой люминесцентной плесени, густо покрывавшей потолок, и свисающие с него гроздьями каменных сосулек.

– Вот это да... – только и смогла охнуть Настя, прижимая ладони к лицу. – Красотища-то какая...

С этим утверждением было сложно поспорить – вид титанической пещеры, ее величественных столбов, подпиравших потолок, и светящихся в полумраке грибковых плантаций (наши герои сразу вспомнили о Грибнице, причем не без дрожи) внушал бесконечное уважение и трепет перед силами Природы.

По дну котловины, неровному, имевшему холмы, скалистые нагромождения, ложбины и даже опасные расщелины, плотными кучками рассыпались лесные рощи. Однако стоило присмотреться, и становилось понятно – они не имеют никакого отношения к настоящим деревьям, опоясавшим Спасгород за годы его консервации. Это казалось вполне логичным, ведь для фотосинтеза растениям нужен солнечный свет, которого в пещере не было отродясь...

В отличие от своих собратьев на поверхности, местные деревца больше походили на кораллы (ребята видели их фрагменты в музее естествознания), настоящие осины, березы или тополя напоминая лишь причудливыми ветвистыми очертаниями. Время от времени где-то в чащобе коралловых зарослей обрывалась ветка, и тогда до детей долетало приглушенное трескучее эхо.

Влажность, висящая в воздухе, указывала, что неподалеку находится источник открытой воды. Слева, жутко перепугав ребят, с пронзительным посвистом пронеслась стайка мелких летучих существ, не позволивших себя рассмотреть. Пещеру вообще наполнял целый хор различных звуков, от далекого скрежета до шипения. Однако километры грунта над головой заставляли мозг верить, что вокруг стоит могильная тишина, от длительного пребывания в которой даже закладывало уши.

– Смотрите! – Свободной рукой Димка указал куда-то вправо, на ближайшую стену огромного подземного зала. – Это же механизмы...

Настя и Витя, проследив за его жестом, только вздохнули.

Потому что сами убедились, что в создании пещеры действительно поучаствовал человек. То здесь, то там стены были укреплены мощными бетонными и металлическими

заплатами, вбитыми в скальную породу с помощью великанских болтов, изогнутых костылей или заклепок.

В местах, где своды могли дать трещину, разрушение границ грота сдерживали огромные медлительные пневматические поршни и прессы, питаемые от старинных паровых установок. Часть из них давно не работала, что позволило десятку заплат ввалиться внутрь. Но кое-где агрегаты еще функционировали, а по ржавым подземным трубам в их котлы до сих пор поступала горячая вода вулканических источников. Манометры, различные датчики, барометры и циферблаты планшетов покрылись основательным слоем светящейся плесени и даже завитками кораллов.

– Разумно предположить, – прошептал Витя, нервно поправляя очки, – что шахта Рифмователя была подведена сюда не просто так. Возможно, мы имеем дело с одним из резервных хранилищ, построенных до Болезни.

– Значит, есть и еще шахты, – с уверенностью, которой не испытывала, тихонечко констатировала Настя. – Давайте осмотримся? Все равно надо выбираться...

И они по очереди пролезли в приоткрытые двери кабины, завертели головами и стали снаружи изучать шахту Рифмователя. Неровной бугристой спицей она убегала к далекому темному потолку, издали похожая на одну из природных колонн. Стекающий по ее стенам соляной раствор за годы затвердел, превратившись в грубую шероховатую броню, покрытую мерцающими пятнами грибка.

Вокруг входа, как оказалось, росли коралловые деревья – судя по виду, их плотные ряды обступили колонну давным-давно. Расчищая себе место, Димка небрежно смахнул несколько веток, и они с мелодичным хрустом упали на укрепленную бетоном площадку.

– Выходит, мы все-таки под Заботинском... – устало произнес Виктор, обхватывая себя за плечи и стараясь не наступать на хрупкие стекловидные ветки. – Осталось понять, как глубоко...

И он, чуть шевеля губами, принялся подсчитывать в уме время, потраченное на спуск, и примерную скорость кабины, с которой та совершала падение. Глаза его за стеклами очков округлились, и он пересчитал еще раз, подставив в уравнение более щадящие условия. Однако и после этого получившаяся цифра настолько потрясла мальчика, что он даже не осмелился произнести ее вслух.

– Не томи, Витек, – заметив его неуверенность, негромко попросил брат. – Далеко занесло?

– Очень, – только и смог ответить тот. – Считайте, что спуск от Заботинска на Реакторную Станцию был прогулкой в соседний двор...

Димка побелел, а Настя прикусила дрогнувшую губу. Если в прошлом судьба забросила их далеко от дома, но хотя бы в пределах родного города, то случившееся этим днем вообще не укладывалось в голову. Витя вздохнул, всматриваясь в мрачные недра Рифмователя.

– Выходит, Багряный Протокол предусматривает спуск в подземелья Спасгорода? – предположила Анастасия, ежась от гудящего в коралловых кронах прохладного ветерка. – Причем только после исполнения протокола «Возрождение»?

– Вероятно, да, – ответил Виктор, привставая на цыпочки и пытаясь осмотреться вокруг, чтобы понять, как далеко простирается окружившая шахту роща. – Неужели тут когда-то тоже жили люди?..

– Вон ответы, на стенах паром шипят... – Дима усмехнулся, привычно маскируя нервность бравадой. – Труженики разработали Трансформацию так, чтобы поляны опустились на заранее подготовленные позиции, где Лифты смогли вступить в контакт с новыми шахтами...

– ...о существовании которых, – закончил за него Витя, – если верить Сумраку, знают только избранные Смотрители. А их как раз пересажали в тюрьмы.

– Если эти предположения верны, – задумчиво произнесла Настя, переминаясь с ноги на ногу, – должны быть и другие шахты. Может, такие же, как эта: незаметные и похожие на

природные столбы.

– Значит, – в Димкином голосе наконец-то зазвучала настоящая уверенность, – остается их найти!

И он активнее захрустел ветками, нещадно обламывая изящные наросты в поисках пригодного прохода через чащу. Настя, поморщившись от громкого треска, настороженно заозиралась – опыт прежних посещений запретных полян и сопряженные с этим опасности давали о себе знать...

– Вот! Можно здесь пролезть, – забрасывая на плечи ранец, констатировал мальчик. – Только куртки не порвите, эти кусты очень колкие, я уже палец порезал...

– А может, нам все же... – Настя осеклась на полуслове.

Девочка знала, что оттягивать путешествие в глубь таинственной пещеры можно бесконечно. Но раз уж решение принято, отступать поздно. Все трое понимали: когда обнаружат их исчезновение и отсутствие сигнала браслетов, первым делом бросятся прочесывать дикие леса вокруг города. И вряд ли кому-то придет в голову, что дети в прямом смысле слова провалились сквозь землю.

А потому разбитую кабину придется оставить и все делать самим. Как раньше, когда от их поступков зависела жизнь... Настя помотала головой – забудьте, братики, не важно – и, скрепя сердце, двинулась за Дмитрием. Вдруг остановилась и резко обернулась:

– Вить, ты только ключ не забудь, ради Всесильных Процессоров!

Брат, вовремя спохватившись, вернулся в кабину, боязливо и настороженно, словно входил не в Лифт, который они покинули пять минут назад, а в логово чудища, где может поджидать нечто страшное. В тусклом свете аварийных ламп (почти погасших, батареи разряжались на глазах) мальчик добрался до пульта и осторожно вынул ключ-карту.

– До свиданья, Рифмователь, – прошептал он в микрофоны планшета, точно зная, что приятель-стихоплет его не слышит. – Держись. Мы обязательно приведем помощь...

И поспешил за остальными, уже начавшими продираться через колючие заросли. Димка, умудрившийся-таки изорвать куртку, шел первым, натянув капюшон и всем телом расчищая проход. Настя двигалась следом, аккуратно обламывая мешавшие веточки. Витя, в последний раз обернувшись на разбитый Лифт, тоже направился в рошу.

Кораллы были невысокими, едва ли в рост взрослого мужчины. Но для нашей троицы они несколько утомительных минут казались непроходимыми дебрями, в которых можно запутаться без шансов на освобождение. Однако в конце тоннеля рано или поздно всегда брезжит свет, согласны? И вот уже Дима шумно вывалился на открытое пространство. Отряхнувшись, отцепляя от волос мелкие коралловые веточки и оттирая со щек пятнышки липкой прозрачной смолы, сочащейся из словов.

«Лесок», как оказалось, покрывал вершину покатого холма, в макушку которого и упиралась массивная шахта Рифмователя. Открывшийся с его высоты вид впечатлил ребят еще сильнее, заставив застыть и даже приоткрыть рты. Казалось, они угодили в кусок нормального застенного мира, по какой-то непонятной причине накрытого каменной полусферой...

Неподалеку слева шумел водопад, пенно рушась в небольшое озерцо. Из него к центру грота устремлялась вертлявая речушка, то и дело сверкавшая меж серых скал. Переливающиеся фиолетовым и охровым рощи кораллов на склонах пульсировали волшебными волнами. Стайка летучих зверушек, бледно-черных, кожистых и большеухих, со свистом пронеслась над головами ребят. Уселась на ветках ближайшего леса и принялась с интересом и без страха рассматривать чужаков.

Удивительные просторы гигантского подземного грота казались непривычно первозданными – даже несмотря на паровые машины и иные следы цивилизации, – без резино-асфальта под ногами, многочисленных предупредительных надписей и аббревиатур, вышек аварийного оповещения или потолочной системы Светоча они выглядели забытыми, дикими и словно обнаженными.

– Тут действительно красиво, – завороченно пробормотала Настя, но Димка одернул

сестру, не позволив в полной мере насладиться величием пещеры.

– На Радиаторе тоже было красиво, – угрюмо хмыкнул он, посасывая уколотый палец. – Предлагаю идти вон на ту колонну. Может, это тоже замаскированная временем шахта?

– Остается надеяться, – негромко прокомментировал Витя, печально ссутулившись (он понимал, что катастрофа произошла во многом по его вине, и никак не мог избавиться от этого гнетущего чувства), – что древние механизмы вызова еще работают и подчиняются современным протоколам...

Сестра вздрогнула, с предельной горечью осознав, что единственным выходом из сложившейся ситуации стал бы контакт с исправным Лифтом, готовым подчиниться приказу ключ-карты. О том, что случится, если такого Лифта в подземелье больше нет или он откажется спускаться за пассажирами, девочка не хотела даже думать...

Уходить, оставляя за спиной коралловую рощицу и распахнутые, словно рот в немом крике, двери Рифмователя, было по-настоящему жутко. Пусть кабина Лифта стала темной, разгромленной и молчаливой, но она все еще являлась кусочком родного мира, к которому так привыкли трое юных заботинцев. Удаляясь от шахты, с каждым шагом они все острее ощущали, как теряют что-то личное, любимое и безопасное, пусть даже эта безопасность обманчива...

Вообще-то за последние месяцы дети несколько раз выбирались с отцом за пределы Нового Спасгорода. Ходили на экскурсию в один из колонизационных лагерей, где велись работы по приручению диких лошадей, заполонивших ближайшие равнины. Ребята до сих пор помнили тот страх *пересечения границы*, тот холод в животе, то оцепенение и фатальное ощущение, что привычный мир окончательно изменился. Сейчас, вышагивая цепочкой по склону холма и стараясь не оступиться, все трое единодушно согласились, что пережитый тогда страх был полной ерундой по сравнению с тем, что окутывал их сейчас.

Но они были обязаны двигаться вперед.

И поэтому шагали сосредоточенно и молча, как идущие на битву солдаты.

Шумела речка. У подножий коралловых деревьев росли плантации грибов с широкими мясистыми шляпками, бледных и неприятных на вид. Пересвистывались в полете маневренные крылатые зверьки, одновременно похожие и не похожие на птиц. При виде их по спинам наших героев бежали мурашки – ведь врожденный генетический страх спасгородцев перед летунами невозможно искоренить за несколько месяцев робкого обитания вне стен...

Влажная затхлость молниеносно сменялась прохладой, когда через пещеру проносился порыв ветра. Покачивались и хрустели ветки кустов. В их обманчивых полутемных зарослях время от времени мелькали юркие животные, которых Витя определил как «что-то вроде крыс» (в биологическом смысле слова, а не том, что до недавнего времени соответствовал обитателям Спасгородской Свалки). Дважды путешественники перепрыгивали через звонкие ручьи, впадавшие в реку, теперь текущую справа от ребят. Дно пещеры местами казалось твердым, как железная плита, но кое-где подошвы ботинок увязали в рыхлой глине светло-коричневого цвета. Над головами нежными волнами переливались сказочные колонии плесени.

– Ни в коем случае не шумите, – предупредил Виктор, когда они сделали короткий привал, чтобы перевести дух и осмотреться. – Наличие летучих зверьков говорит о существовании подземной фауны. А в ней, как мы все знаем из уроков биологии, могут встречаться хищники...

Настя вздрогнула, в волнении затеребив кончик косы. Димка взглянул на густую стену коралловых деревьев так, словно оттуда на него собирался броситься незнакомый зверь. С тем, что нужно вести себя тихо и незаметно, были согласны все – предыдущие приключения, в большинстве своем крайне опасные, приучили близнецов к тишине и аккуратности. Особенно в чужом месте, таком необычном и непредсказуемом.

Передохнув, ребята медленно двинулись дальше, ориентируясь на выбранную Димой

бугристую колонну, возвышающуюся впереди. И буквально через три минуты похода смогли убедиться, что Витькины слова про подземных хищников оказались по-настоящему пророческими...

– Святы-платы, – охнул Димка, шагавший первым. И рывком отпрянул, запоздало утягивая брата и сестру в густую тень кораллового кустарника. – Вы видели?!

Да, они успели заметить, хоть и мельком, – и круглую прогалину, окруженную скалами, и необычно-массивное для кораллов дерево, изогнувшее хрупкий ствол под весом ноши, и веревочную сеть, грубую и прочную, и необычного полосатого зверя, обернутого этой сетью и подвешенного в паре метров над землей. Опускаясь на корточки и отползая с поляны, куда их вывела тропа, заботинцы обменялись красноречивыми взглядами.

– Даем деру? – прошипел Дима, оглядываясь и деловито выбирая путь отступления.

– Поздно... – Настя прислушалась к протяжному скрипу веревок, натянутых под весом лохматого пленника. – Оно нас заметило!

– Это то, что мне показалось? – потрясенный Витя наконец обрел дар речи, осторожно выглядывая на поляну. – Димка, это же силок! Точно он! Смотри, настоящая охотничья ловушка!

Теперь это стало очевидно и для остальных. Сетка, до поры замаскированная пылью и обломками кустов, в свое время лежала на земле под массивным деревом, удерживаемая хитроумной системой веревок и пружинящих ветвей. Когда зверь вошел в ее границы и тронул приманку, ловушка взлетела в воздух, пленив животное, заставив его сложиться почти вдвое и лишив подвижности...

Оно, кстати, как и предположила девочка, на самом деле учуяло ребят. Изворачиваясь и раскачивая веревочный мешок, животное тонко заскулило, косясь на людей. Лапы зверя были неудобно поджаты, равно как и пушистый хвост, лишь самый кончик которого смог высвободиться из мягкой клетки и теперь яростно хлестал воздух. Узник все порывался выпустить внушительные когти и дотянуться ими до пут, но лишь сильнее затягивал сеть. Вертикальные зрачки миндалевидных ярко-зеленых глаз расширились, будто животное пыталось что-то сказать.

– Точно заметило нас... – пробубнил Димка. Осмотрелся, не заметив ни охотников, выставивших силок, ни другой дичи. Встал в полный рост и бесстрашно подмигнул животному. – Вон как пырится, аж жуть берет...

– Что это за зверь такой? – с интересом протянул Витя, обращаясь к самому себе. Он украдкой выбрался на поляну вслед за братом и принялся разглядывать крепкое полосатое туловище, туго перетянутое веревками. – Похож на кошку. Вроде рыси, которую колонисты в лесах нашли...

– Только больше втрое. И еще клыки у твоей кошечки до груди. И раскраска полосами, чтобы в скалах маскироваться, – с иронией, за которой скрывались неуверенность и опаска, хмыкнула сестра, тоже выходя из кустов. – А взгляд такой добрый-добрый, прямо лапочка...

Зверь, белоснежные клыки которого действительно весьма агрессивно выступали за нижнюю челюсть, вдруг снова заскулил. Словно пытался подтвердить сказанное девочкой, отчего Насте сделалось не по себе.

– Я, знаешь ли, и не говорил, что оно неопасно. – Витька показал сестре язык. – Просто подвид какой-то необычный, я такого даже на картинках не видел. На тигра похож из каталога вымерших животных, но отдаленно...

– Конечно, оно опасно, – Димка дернул подбородком, разглядывая остальных так, словно сомневался в их умственном здоровье. – А чего бы иначе его связали, да так плотно?

Животное, покачиваясь в сетчатом коконе, застонало с жалобными, почти человеческими интонациями. Настя поежилась, отказываясь верить ушам, а мальчишки обошли поляну, стараясь выдерживать дистанцию и не приближаться к силку ближе необходимого.

– Аккуратней, Витек, – со знанием дела произнес Дима, рассматривая почву перед каждым новым шагом. – Вдруг тут еще ловуш... Ух ты, смотрите!

И он торопливо нагнулся, поднимая из-под ноги предмет определенно рукотворного происхождения. Вернулся к остальным, с гордостью протягивая находку – потертый черный ремень, на внутренней стороне которого крепился пяток странных круглых датчиков, а возле пряжки располагался жестяной динамик с облезлой краской. Виктор, выхватив пояс у брата, тут же принялся с горящими глазами изучать трофей.

– Любопытная конструкция, – задумчиво пробормотал он, ковыряя датчики ногтем и прощупывая внутреннюю начинку устройства. – Совсем не похоже на изделия спассгородских заводов. Но и своеобразного изящества не лишено...

Поднес ремень к глазам, приспуская очки на переносице, и в этот момент Настя потянула его за рукав:

– Витенька... посмотри-ка на нее! – И мягко развернула брата лицом к здоровенной кошке, засунутой в столь же здоровую авоську. Извиваясь так, что веревки обдирали ей морду, зверюга с мольбой взглянула на мальчика... на прибор в его руках, а затем коротко и звонко твякнула. – Мамачка родная... Она что, понимает нас?

Кошка твякнула еще раз – глухо и жалобно. Димка недоверчиво отступил к тропе, а Витька чуть не выронил ремень. Какое-то время на пещерной поляне стояла тишина, в которой было слышно, как скрипят веревки и насвистывает ветер, прячущийся в потолочных каменных сосульках.

– Ты нас действительно понимаешь? – наконец спросил Витя, не отрывая взгляда от изумрудных глаз животного. Кошка попыталась кивнуть, но вместо этого лишь еще сильнее закрутила сеть.

– Это невозможно... – прошептала девочка.

– Мы, сестренка, такое повидали... – так же негромко ответил ей брат, заметив, как чутко встрепенились мохнатые уши пленницы. – Оно тоже невозможным считалось. Димка, тебе тоже кажется, что это животное умоляет его освободить?

– Кажется, – сдерживая дрожь в голосе, ответил брат. – Но кто на его месте не умолял бы?

– Неразумный зверь, – задумчиво пробормотал Виктор. – Помнишь рысь, что поймали колонизаторы? Она забилась в клетку и только шипела. Никакой мольбы, никакого желания идти на контакт. Ты ведь не такая, верно?

Последний вопрос предназначался саблезубой узнице, подвешенной над землей. Та дождалась, пока сеть раскрутится так, чтобы было снова видно людей, и кивнула, сделав это до того осмысленно, что детей пробил озноб.

– И если мы тебя отпустим, ты не причинишь нам вреда, верно? – настойчиво спросил Витя у животного, не обращая внимания, как негодуяще зашипела сестра.

– Ты спятил, Витек? – Димка фыркнул. – Ради чего такой риск вообще? Или ты клыков не заметил?

– Риск ради нашего спасения. – Сказано было спокойно и громко, чтобы слышали все четверо. – Потому что, если мои догадки верны и это существо разумно, оно может помочь нам выбраться отсюда. Это правда?

И снова последний вопрос адресовался зверю. И снова тот кивнул, едва слышно мяукнув. Настя охнула, отходя на пару шагов и теребя завязки на вороте куртки.

– И ты ей веришь? – горячо прошептала она, стараясь не встречаться с кошкой глазами.

– У нас нет выбора, – покачивая в ладони необычный ремень с динамиком, подытожил Витя. – Это первое разумное существо, встреченное после катастрофы. Причем попавшее в беду. Можем установить контакт. Или встретиться с теми, кто придумал силок...

Услышав последнюю фразу, мохнатый комок в веревочной тюрьме задергался так сильно, что чуть не задушил сам себя. Тяжело дыша, кошка прекратила попытки вырваться, глядя на людей с печальной обреченностью.

– М-да... охотников зверушка по понятным причинам недолюбливает. И нам, кажется, советует относиться к ним так же. И все равно, не доверяю я ей... – Дима неспешно обошел вокруг силка, рассматривая его со всех сторон и будто бы выискивая подтверждения своему

недоверию. – Вот скажи, Витек, ты про разумных кошек что-то слышал вообще?

– Я и про оборотней до недавнего времени не слышал. – Брат продолжал упорно гнуть свою линию, все еще взвешивая необычное ремнеподобное устройство в руке. – Димка, мы сможем развязать веревки?

– Сможем-сможем. – Мальчик взлохматил шевелюру, неохотно сбрасывая заплечную ношу и откидывая черно-желтую крышку ранца. – Настюха, ты бы пока за кусты спряталась. – Он поковырялся в ранце, вынул вторую ключ-карту и решительно протянул ее девочке. – Если что, беги куда планировали, ладно?

Но та лишь смерила его испепеляющим взглядом, в котором явственно читалось, что она такая же участница событий, как и мальчишки, и совсем не нуждается в излишней опеке. Даже если решение Витьки приведет к неприятным последствиям...

– Ну что, ты точно знаешь, что делаешь? – спросил Дима у брата, доставая из недр ранца завернутый в полотенце кухонный нож, благоразумно прихваченный из обеденной зоны разбитого Рифмователя.

– А хочешь сам принять решение? – вопросом на вопрос ответил Витя, вытирая вспотевшую ладонь о штанину и стараясь унять дрожь в коленках. – Бросить зверя умирать или освободить, а?

– Нельзя его бросать, – негромко и жалобно вставила Настя из-за их спин. – Мы и так Рифмователя оставили, мне до сих пор не по себе...

– Ну и славно, – проворчал Дмитрий, поудобнее перехватывая нож и подступаясь к веревкам, уходящим в коралловую крону. – Опять двое против одного, меня не спросили. В общем, товарищи, я вас предупредил – потом не жаловаться...

И не успели ребята передумать или ответить, а разумная кошка сгруппироваться, как мальчик привстал на цыпочки и ударил лезвием по натянутым веревкам, рассекая силок. Раздался хруст, затрещали ветки. Мешок и угодившее в него животное грохнулись на твердую почву, подняв облако пыли. Наблюдая, как зверь поднимается на ноги, разминая затекшие мышцы, дети невольно подались в стороны. Предположение о том, что пленник понимает человеческую речь и только поэтому будет готов помочь путешественникам, уже не казалось таким логичным и привлекательным...

Грациозно, как умеют только представители семейства кошачьих, саблезубая зверюга выскользнула из разрезанного мешка. Встряхнулась, не очень-то довольно махнув пушистым хвостом.

Вблизи стало заметно, что шерсть зверя серо-коричневая, с частыми змеевидными полосами на спине и плечах. В холке он почти доходил до подбородка любому из близнецов. Освобожденный обвел оцепеневших ребят взглядом завораживающих зеленых глаз... и вдруг поклонился Витьке, вытянув передние лапы и низко склонив лобастую голову.

– Чего это он? – прошептал Димка, все еще выставив перед собой нож, которым перерубил веревку.

– Как «чего»? – с восхищением в голосе ответила сестра, вцепляясь в его свободную руку. – Видишь, он же благодарит! Витя был прав, животное разумно!

Завершив царственный поклон, гигантская кошка медленно, чтобы не спугнуть освободителей излишне резким движением, опустилась на задние лапы, плавно обернув их хвостом. Неспешно, с легкой насмешкой покосилась на Диму и Настю, а затем внимательно уставилась на ремень в руке Виктора. И легко махнула левой передней лапой – совсем как наши с вами домашние кошки, когда хотят поиграть. Мальчик оставался неподвижен, все еще не веря случившемуся.

– Витек... – просипел его брат, у которого мгновенно пересохло в горле. – Кажется, ему нужна эта штуковина...

– Ну конечно! – наконец сообразил тот, взглянув на найденный под кустом прибор изумленно и восторженно, словно впервые. – Это вовсе не ремень. Это ошейник!

Кошка, сидевшая возле распутанного веревочного мешка, важно кивнула, подтверждая догадку. Привстала, сделала несколько мягких шагов вперед и демонстративно наклонила

голову, повторно подставляя загривок. Задержав дыхание от страха и торжественности происходящего, Витя подался навстречу животному.

Стараясь не дергаться и не дрожать, надел ошейник, не без опаски залез руками под вытянутый подбородок зверя (и даже ненароком коснулся длинных клыков), где торопливо застегнул пряжку. От животного пахло дико, непривычно, но приятно, а вблизи шерсть оказалась настолько мягкой и шелковистой, что так и манила погладить.

– Ты этого хотела? – негромко спросил мальчик, отодвигаясь и косясь на брата и сестру, бледных от переживания. – Вот твой ошейник. Довольна?

Зверюга, снова усевшись и обернув лапы хвостом, открыла пасть, словно намеревалась широко, во все громадные зубы улыбнуться мальчику. И вдруг проворчала, утробно, гулко – звуки мужского голоса катились прямо из звериного горла, пробиваясь в динамики ошейника:

– Вообще-то Крумм самец. – Голос был не очень выразительный, будто у некачественно настроенного Лифта, но приятный и негромкий, идеально соответствующий мягким повадкам ее обладателя. – Крумм, называйте меня так.

Настя и Дима вздрогнули, чуть не закричав, а Витька пошатнулся, от неожиданности едва не грохнувшись на пятую точку. Чудовищным усилием воли он заставил себя сохранять спокойствие, стоя напротив странного животного и старательно не отводя взгляда.

– Еще раз благодарю за помощь! – Крумм повернул голову и осмотрел детей, прижимая уши и щурясь. – Вы сделали верный выбор, разрезав пути Глиняных. Спасли Крумма от беды! Но сейчас...

– Кто ты вообще такой? – не желая верить ушам, глазам и помутившемуся рассудку, спросил Витя, совершенно невоспитанно перебивая гигантского говорящего саблезубого кота. – Что это за место? Кто поставил на тебя капкан? Как нам выбраться наверх?..

– Ой! – вполне по-человечески хмыкнул полосатый хищник, отпрянув так, словно ему подули на жесткую щетку длинных желтых усов. – Потихе, молодой арсилит! Крумм, конечно же, звероморф. Неужели не заметно? Занятно, что ты спрашиваешь. Это игра? С удовольствием бы сыграл. Крумм уважает кланы. Даже незнакомые... Но есть важное дело – слышал, как сестра тоже угодила в ловушку Глиняных. А потому должен спешить, чтобы...

Он вдруг замолчал, прищурившись в пустоту так, что Витьке стало не по себе – зверюга будто собиралась броситься в атаку. А когда на тебя вот-вот накинется существо с клыками в длину ладони, становится очень неудобно...

Словно испугавшись этого пристального взгляда, из-под куста, тоненько просвистев, рванулось прочь что-то маленькое и юркое. Кот дернулся было догнать, но затем смиренно вздохнул и только покачал головой. Дмитрий и Настя, наблюдавшие за зверем и братом с другого конца прогалины, молчали, вытаращив глаза.

– Шпионское отродье... – протянул Крумм, а затем переключил внимание на мальчика. – Ты ведь не арсилит, верно? – Он вытянул шею, деликатно принюхиваясь. В его изумрудных глазах плясали смешливые искорки. – Вы все не арсилиты. И не гулы. Вот же новость...

– Не очень понимаю, о чем ты. – Витя нашел мужество, чтобы хмыкнуть как ни в чем не бывало и одернуть школьную куртку. – Мы заботинцы, а никакие не гулы. Причем *те самые* заботинцы, если тут внизу слышали про Трансформацию. Так ты расскажешь, что это за место и как отсюда выбраться?

Крумм поочередно осмотрел всю троицу, прикидывая что-то в уме (если великанские зубастые коты вообще умеют прикидывать что-то в уме). Наши герои стояли, не шевелясь и боясь лишний раз вздохнуть, и даже отважный Дима не был уверен, что ему хватит храбрости сразиться со зверем, если тот задумал недоброе. Затем клыкастый заговорил, приоткрыв пасть и транслируя речь через ошейник.

– Это каверна Переливчатые Заросли, из числа нейтральных, – с интонациями музейного экскурсовода произнес он, легко хлопнув хвостом по земле. – Не принадлежит ни

одной из сторон. Но на деле является угождями клана Глиняных Следопытов... Впрочем, если вы *чужеродцы*, можете этого и не знать...

– Чужаки мы или нет, – вдруг вмешался Дмитрий, с вызовом вздернув подбородок, – а жизнь тебе спасли! Значит, и ты обязан помочь... – И когда Крумм обернулся к нему, плотоядно осмотрев его с ног до головы, добавил уже чуть тише и без прежнего задора: – Оказать нам ответную услугу... Разве нет?

– Рассуждаешь верно, юный недоарселит... – Над прогалиной пронесли несколько угольно-черных крылатых существ, и кисточки на ушах звероморфа затрепетали от мелодичного свиста летунов. – Но Крумм уже предупредил, что сначала должен...

Кот вдруг вскочил на все четыре лапы, развернувшись в сторону скал, топорща уши и поджав хвост. И пусть спасгородцы были незнакомы с повадками диких животных, одна эта поза вызвала в их душах что-то первобытное, всколыхнувшее память пугливых пещерных предков, заставив насторожиться и ждать беды.

– Следопыты здесь, – с рычанием пробилось через динамики ошейника, а губы хищника поползли вверх, обнажая клыки. Глаза превратились в щелки. Но затем мышцы зверя обмякли, и он обернулся к детям: – Вы правы, буду обязан отплатить за спасение. Но не сейчас. Слышу гулов-охотников, а открытого боя Глиняным не рискнет дать даже Крумм.

Близнецы переглянулись, уже догадываясь, что произойдет в следующую минуту. Настя вздохнула, смиряясь с неизбежным, и доверху застегнула куртку. Димка, хозяйственный и дальновидный даже в минуты приближающейся паники, без лишних вопросов нагнулся, пряча нож и забрасывая ранец за спину.

А через секунду полосатый котьяра подтвердил опасения наших странников.

– Нужно бежать! – протяжно прорычал он. – Есть место, где найдем временное убежище. Пойдете следом, отвечу на вопросы. Останетесь... и тогда никто не поручится за вашу безопасность.

Глава третья, в которой воскресают забытые обиды, а кое-кто попадает за решетку и ест торт

Однако перед тем как броситься по тропе сквозь заросли коралловых деревьев, Крумм вдруг подобрался к нависающей над рощей скале. В несколько грациозных, мягких прыжков взобрался по выступам, осторожно высунулся из-за края.

Витя и Настя, не сговариваясь, тут же полезли за ним, правда не столь бесшумно и аккуратно. Кот покосился на них через плечо, фыркнул с легким презрением, но ничего не сказал. Когда дети достигли вершины, он демонстративно мотнул головой, указывая в сторону водопада:

– Смотрите... – И непроизвольно зашипел (точь-в-точь как наши домашние кошки, когда их что-то сильно раздражает). – Воины клана Глиняных Следопытов, пусть своды каверн обрушатся на голову их вожака...

Димка, замешкавшись внизу, отчего-то не торопился подниматься за остальными. Но брат и сестра были настолько поражены открывшейся картиной, что даже позабыли поторопить мальчика...

Потому что взглянуть было на что – по длинной ложбине на противоположном берегу реки шла конная процессия. Точнее, это сначала ребятам показалось, что двенадцать всадников восседают на механических жеребцах. Приглядевшись, они обнаружили, что те едут на двуногих шагающих машинах (нам с вами эти агрегаты в первую очередь напомнили бы австралийских страусов). Там, где у двуногого коня должна была располагаться голова, виднелся руль, отдаленно похожий на велосипедный. Суставчатые ноги оканчивались мощными стальными когтями, обеспечивавшими хорошее сцепление с дном каверны. Тонкие жестяные перья «крыльев» по бокам машин выступали в роли гибких

щитов, прикрывающих бедра всадников.

Сами гулы издали весьма напоминали людей (Настя едва не вскрикнула в изумлении, она ожидала чего-то гораздо более жуткого.) Но и эта иллюзия разбилась в прах: подбородки охотников оказались значительно массивнее и шире, чем у любого спасгородца; глубоко посаженные глаза сверкали, как у ночных животных; уши были неестественно длинными и вытянутыми назад, они едва ли не соприкасались друг с другом на лысых затылках.

Одевались Глиняные Следопыты как попало и без вкуса – в грубую кожаную одежду без рукавов, хаотично украшенную самоцветами и ржавыми железными пластинками. Многие носили в ушах и носу серьги с камнями, на запястьях сверкали тяжелые серебристые браслеты. А еще стало понятно, почему клан имеет такое необычное название: на лицах большинства гулов виднелись уродливые глиняные маски, а у троих из-за спины торчали древки, увенчанные глиняными же тотемами. Все до одного охотники были широкоплечими и мускулистыми, а на седлах механических ходунов ребята рассмотрели притороченные копы, бумеранги и короткие арбалеты...

Наконец на скалу забрался и Димка. Подложил под грудь школьный ранец, странным образом потолстевший. Молча проследил за жестом брата, беззвучно присвистнул, покачал головой. Если мальчик и испугался кровожадного вида охотников, то предпочел не показывать этого, изучая отряд с видом бывшего генерала, оценивающего противника перед битвой.

Убедившись, что кавалькада направляется к броду, чтобы перебраться на другой берег, Крумм бесшумно сполз в прогалину. Хвост его бил по полосатым бокам, выдавая раздражение и злость. Заботинцы, в последний раз взглянув на необычных людей-гулов, тоже последовали вниз.

– Это и есть гулы? – тихонько, будто его могли расслышать у реки, спросил Витька, потирая переносицу.

– Они самые... – проскрипел динамик на шее Крумма. – Видали самого здорового? В маске со стальными шипами. Это вожак клана, Бордим Измельчитель, пусть никогда не будет счастлива его жена!

– Я не заметила других звероморфов, – осторожно вставила Настя, искоса поглядывая на кота. – Может, твоей сестре все же удалось спастись?

– Нет! – отрубил Крумм. И пояснил, показывая, что не хотел обидеть девочку резким ответом: – Запах. Ментальный след. Крумм чувствует Киртану – она в лагере, который гулы разбили за Шершавыми Скалами. Она в плену...

– Зачем гулам охотиться на звероморфов? – поинтересовался Витя, отцепляя от рукава коралловую колючку. Он был задумчив и подавлен. – Вы враждуете?

– Глиняные Следопыты враждуют с большинством кланов, – глухо ответил Крумм, пройдясь по кругу и нюхая пыльную землю. – А звероморфов ловят, чтобы подавлять волю. Превращать в боевых животных без разума. Затем использовать в набегах на соседей. Очень ходовой товар на Торжище...

Дети обменялись короткими тревожными взглядами. Значит, кланов много, и они совсем не дружелюбны друг к другу – говорил этот обмен мыслями. Значит, мир подземелья под Спасгородом не так прост, как могло показаться сначала. А еще это значит, что найти исправный Лифт, возможно, будет не так легко, как представлялось всем троим после крушения...

– А что это вообще за гулы? – задал свой вопрос и Дима, закидывая пузатый ранец на спину. – На людей даже похожи. Если издали...

Кот смерил его внимательным взглядом, словно заподозрил в издевательствах. Но все же ответил, одновременно прислушиваясь к звукам переправы.

– Генетически Усиленные Люди, – произнес хищник, раскрывая пасть в коротком беззвучном шипении. – Те, кто выбрал путь физического укрепления организма. Столетия назад. Пожертвовал разумом и интеллектом. Но не стоит недооценивать гулов – при всей их тупости они изобретательны и коварны. Хотя не все стали такими жестокими. Среди гулских кланов встречаются друзья звероморфов.

– Многие столетия назад? – Витя встрепенулся, словно услышал что-то интересное. Поправил очки. – До Болезни? До строительства Спасгорода?

– А мне-то почем знать? – Теперь Крумм повернулся ко второму мальчику. – Об истории кланов расспросите у Сильнейших...

И не успел Витя поинтересоваться, кто же такие эти Сильнейшие, зверюга крутанулась на месте, взяв курс на малозаметную тропу.

– Нужно уходить, – решительно повторила она. – Любовью атакой Киртану не спасти. Вы со мной?

Близнецы вздохнули в трех разных тональностях: Витька обреченно, все еще не в силах упорядочить в уме поток новых знаний; Настя – шумно и судорожно, стараясь отогнать дурные мысли; Димка – уверенно и глубоко, прочищая легкие перед маршем. Когда звероморф отдалился от ребят на десяток метров, девочка тихонечко спросила:

– Мы можем ему доверять?

Если зверь и услышал, то не отреагировал, продолжая изучать проход сквозь заросли.

– Выбора, как ты понимаешь, у нас нет, – так же тихо ответил сестре Дима.

Это была правда, пусть и довольно жестокая. Случившееся с Рифмователем и его пассажирами казалось ужасной несправедливостью, в который раз оторвавшей их от родного дома. И близнецы планировали снова обсудить это, не щадя чувств Виктора. Но явно не сейчас, а лишь после того, как вернутся. Если вообще вернутся...

А еще я считаю нужным напомнить, что, проведя всю жизнь в изоляции Спасгорода, наши герои имели весьма смутное представление о хищниках и их повадках. А умение кота-переростка говорить и разумно излагать мысли пересиливало опасения, что Крумм может оказаться опасен по одной лишь своей звериной природе.

Все эти соображения за остальных озвучил Витька, но не голосом, а жестами – демонстративно всплеснул руками, предлагая еще раз осознать, в какое необычное место их угораздило попасть. И первым двинулся за звероморфом.

– Куда ты собираешься нас отвести? – прямо спросил он проводника, уже шагнувшего под сень деревьев.

Тот склонил голову набок, но шага не замедлил.

– Слышали поговорку, что враг моего врага является другом? – бросил Крумм через плечо, едва заметно оскалившись. – Неподалеку есть каверна, где можно найти убежище. Следопыты не сунутся. Там помогут. Крумм будет просить спасти сестру. Вам тоже могут помочь. Князь умный. Он придумает, как вернуть вас домой.

Заботинцы зашагали за разумным зверем, выстроившись в цепочку и стараясь не задевать куртками кусты. Сам Крумм в кусачие дебри проскальзывал, будто не замечая их. Замыкающим вызвался быть Димка, едва заметно припадавший на ушибленную ногу. Напоследок он внимательно осмотрел пустую прогалину и на всякий случай подмел их следы разлапистой веткой (впрочем, не особенно рассчитывая, что сможет обмануть существ, которых называли Следопытами).

– Значит, каверна не одна? – стараясь не обращать внимания на тычущие в лицо ветви, попытался разузнать Витя, бредущий сразу за звероморфом.

– Конечно нет, – ответил тот, прислушиваясь. – Их великое множество.

– И кто живет там, куда мы направляемся?

– Клан арсилитов. – Мальчик невольно приободрился, вспомнив, что изначально говорящее животное приняло чужаков именно за арсилитов. – Увидите сами. Мы в дружбе. Надеюсь, Славород согласится помочь...

Затем оба замолчали: хвостатый – с чувством выполненного долга, а его собеседник – с недоумением и кучей неразрешенных вопросов. Проткнув заросли, тропа углубилась в ущелье, образованное блестящими, словно мокрыми валунами величиной с грузовой самокат. Светящейся плесени в узком каньоне было не очень много. Но долетавшие с потолка каверны блики заставляли стены каменного мешка переливаться и сверкать.

Насколько могли сориентироваться странники, выбранная ими в качестве стартовой

цели колонна осталась по правую руку (врожденное спасгородское чувство ориентации в пространстве не подвело). Рифмователь с его распахнутой дверью, через которую внутрь уже наверняка проникли шустрые крылатые зверьки, – слева и далеко позади.

Путешествие продолжалось...

Крумм вышагивал во главе цепи, помахивая хвостом и почти не оборачиваясь (лишь время от времени приподнимая уши). Ребята, стараясь не отставать, наступали друг другу на пятки и негромко ворчали в полумраке. Хаотичный нерукотворный мир, окруживший их, казался настолько *неупорядоченным* по сравнению с любой из полян родного города, что кружилась голова. Но близнецы стискивали зубы, заставляя себя думать только о благополучном исходе странствия. И стойко двигались вперед (еще они думали о родителях, но от таких воспоминаний стискивало горло, а глаза щипало, что мешало выдерживать ритм марша).

Вскоре тропа начала подниматься, а стены ущелья – становиться все ниже и ниже. Еще через пару минут процессия выбралась на открытое плато. С него стало заметно, что внешние стены гигантского грота вовсе не такие монолитные, как представлялось с места крушения Лифта.

То здесь, то там (безусловно, подальше от сдерживающих горную породу паровых машин и всевозможных прессовочных поршней) их полотно было прорвано черными тоннелями, уводившими вовне. Местами к темным порталам вели пологие, основательно утопанные дороги; местами – самые разнообразные лестницы, вырубленные прямо в скальных склонах, или едва заметные тропинки, взобраться по которым мог лишь ловкий звероморф.

– Отдохните, – приказал Крумм, усаживаясь к людям спиной и всматриваясь в просторную чашу каверны, которую они прошли почти насквозь.

Устроившись поудобнее, кот принялся вылизывать лапу. Но кисточки на его ушах при этом чутко подрагивали, что означало – я на страже. Настя опустила на валун, растирая левое плечо, потянутое при аварии. Димка задрал голову, разглядывая светящиеся облака, образованные колониями грибка. Негромко присвистнул, подергал брата за рукав.

Витя, придерживая очки, тоже уставился вверх, с немалым удивлением обнаружив над собой скопление черных металлических канатов, держащихся на специальных потолочных крепежах. Выбегая из одного портала, они пересекали каверну, исчезая в другом, и это чем-то напомнило мальчишкам паутинную систему пневмопочтовых труб Спасгорода.

– Как вы думаете, почему гулы *такие* ? – спросила Настя, массируя натруженные ходьбой ноги. – Вроде люди, но...

– Видали и пострашнее, – отмахнулся Дима (на самом деле он просто не знал, что ответить), а Витька задумчиво поскреб подбородок:

– Посуди сама: Спасгороду уже не одна сотня лет, верно? Багряный Протокол был создан примерно... в общем, если кратко, то мне кажется, что архитектура шахт позволяет утверждать: эти катакомбы – ровесники города. Это, в свою очередь, означает, – он утомленно вздохнул, все же проговорив очевидное, но от этого не менее пугающее, – что, пока наши предки прятались за стенами города от Птицы и большой войны, кто-то ушел под землю, не в состоянии защитить себя ни от Болезни, ни от невидимого смертоносного излучения бомб. Вероятно, именно время и мутации сделали гулов такими...

Уши Крумма мелко подрагивали – если проводник и слышал разговор, то предпочитал в него не вступать. Но едва Витя закончил, клыкастый обернулся, оценивая всех взглядом – готовы продолжать? И они двинулись дальше.

Вперед и вверх, по пыльной накатанной дороге, нырявшей в темный овал пролома. Во тьму, за бесстрашно ступавшим звероморфом, вздрагивая и невольно пригибаясь каждый раз, когда над головой проносились стайки летучих зверьков.

А потом тоннель (в нем почти не было мерцающей плесени) закончился, и они вдруг оказались на краю очередной каменной тарелки, из которой впору есть только великанам. Формой, диаметром и наличием древних сдерживателей на стенах новый грот напоминал

покинутые путешественниками Переливчатые Заросли. Но на этом сходство заканчивалось – вместо буйных лесов, изломанных каньонов и шустрых рек центр пещеры занимал многоэтажный город.

Сейчас крохотный отряд находился немного выше уровня поселка, а потому мог в полной мере насладиться выверенной геометрией улиц, изяществом бледно-желтых строений и бирюзой коралловых аллей парка, окружавшего городок. Крумм вальяжно двинулся вниз по дороге, и не подумав замедлить шаг, а наши герои не удержались – застыли на месте, охая и без стеснения поражаясь буйству жизни, о существовании которой не знал ни один спасгородец.

– Колонны, – наконец смог выдохнуть Витя, любовавшийся ажурными мостками, поверх проспектов соединявшими дома в многоуровневые жилые блоки.

Остальные тихо угукнули, конечно же заметив и невольно пересчитав великанские столбы (в каждом из которых теоретически могла скрываться шахта Лифта), подпиравшие каменный небосклон. Там, где неохватные колонны попадали в городскую черту, к их бугристым стенкам были пристроены балконы, лестницы и эркеры, превратившие природные нагромождения в произведения архитектурного искусства.

– Чего прилипли? – Крумм, вернувшись к своим неподвижным спутникам, нахмурился, что выглядело очень по-человечески и поэтому забавно. – Стража уже заметила, чую.

При упоминании о страже дети мигом помрачнели.

Раскинувшийся впереди городишко, размерами сопоставимый с поселком любой жилой поляны, вмиг перестал казаться им красочным и изящным. Светящиеся пятна подземной плесени будто потемнели, перестав пульсировать; шипение настенных приборов обернулось резкой и неприятной какофонией. Ветер, рвущийся из порталов в стенах каверны и ткущий паутину воздушных течений в ее центре, стал злым и кусачим.

С одной стороны, взрослые могли распутать неприятную историю, в которую влипла троица. С другой – за спинами юных путешественников был богатый опыт встреч со взрослыми, которые отнюдь не являлись друзьями. Да и гулы, если подумать, издали тоже были похожи на вполне обычных людей...

Тем временем на дороге, шагах в тридцати впереди, действительно появилась стража. Двое мужчин (высоких, но по виду неотличимых от обычных спасгородцев) в шлемах и плотных кожаных доспехах вышли из укрытия, замаскированного в ближайшей рощице кораллов. Их сопровождал старший, восседавший верхом. При виде механического скакуна близнецы машинально подались назад. Но затем рассмотрели, что этот ходун выполнен с воистину ювелирным изяществом и вовсе не напоминает грубые машины Следопытов...

– Ждите, – коротко рыкнул Крумм, устремляясь к солдатам.

Сбившись в кучку, ребята с трепетом дожидались окончания переговоров. Вот мужчина в седле покосился на них, впрочем без особенного интереса. Вот один из пехотинцев о чем-то спросил звероморфа. Потом дозорные спустились на обочину и исчезали в схроне, а кот приподнялся на задние лапы и неловко хлопнул передними.

– Идемте! – мямкнул он, затрусив к поселку.

Троица ускорила шаг. Место, где прятались стражники, они постарались миновать с максимально возможной скоростью, но все же не срываясь на бег. Догнав Крумма, Витька опасно покосился назад:

– Это были арсилиты?

– Кто ж еще?

– А что это за место вообще?

– Средоточие Покоя, – мягко вышагивая сбоку от мальчика, ответил полосатый звероморф. – Обитель клана Сильнейших, дом князя.

И хотя на языках близняшек вертелась добрая тысяча вопросов, зверь всем своим видом дал понять, что не настроен на дальнейший разговор. Витя насупился, Настя ободряюще потрепала его по плечу. А Димка на всякий случай подступил к краю дороги. Задержавшись на несколько секунд, он придирчиво осмотрелся, оценив, можно ли обогнуть

бирюзовое кольцо парка. Да так, чтобы в случае чего тайком добраться до тоннелей в стенах грота и миновать дороги, сходящиеся к его центру...

Там, где границы каверны не имели порталов, виднелись отдельно стоящие домики, вокруг которых под светом специальных ламп росла хилая рожь. Несколько мужчин (ни одежды, ни лиц с такого расстояния было не разглядеть) бродили по окраинной коралловой роше – судя по всему, они собирали валежник (если опавшие коралловые ветви можно так назвать).

В отличие от диких Зарослей, в Средоточии Покоя микроскопические волокнистые колонии на потолке пульсировали синхронно, словно по команде. Сейчас они затухали на глазах, что вызвало у заботинцев ассоциации с искусственной сменой дня и ночи, управляемой Светочем.

Чем ближе отряд подходил к поселку, тем больше подробностей удавалось разглядеть. Настя обратила внимание на искусную резьбу, украшавшую костяные оконные наличники. Димка поразился обманчивой хрупкости вышек, доминирующих даже над четырехэтажными зданиями, торчавшими тут и там. А Витя первым заметил обтекаемые кабины, к этим вышкам швартующиеся.

Тут же стало понятно назначение канатных дорог, растянутых под потолками гротов – по одной из них, покачиваясь и гудя, неспешно полз эллипс монорельсового вагона. Пыхтя струями пара, он втиснулся в специальный «загон» одной из металлических мачт. Дверь в его боку приоткрылась, и наружу выбрались несколько человеческих фигурок.

– Потолочные самокаты! – воскликнул Димка, присвистнув и вздохматив свою несуразную шевелюру.

– Монорельс, – подтвердил брат, протирая очки платком и бережно пряча его в карман штанов. – Любопытно только, на каком типе энергии он работает...

– На синдринии, – вдруг ответил обоим Крумм, сверкнув зеленым глазом и тоже задрав голову на прибывший вагончик. – Его добывают все – и гулы, и арсилиты.

– А в чем, кстати, отличие? – невольно вырвалось у Насти, которая тут же зарделась, вежливо добавив: – Если, конечно, позволишь узнать, уважаемый Крумм...

Тот повернул голову, поведя усами так, словно откровенно недоумевал – как это его жизнь умудрилась спасти три недоразвитых малька, ничего не знающие ни о кавернах, ни о драгоценной руде, ни о подземных кланах? Но ответить девочке все же соизволил:

– Арсилитами себя называют Адаптировавшие Разум и Сознание Интеллектуалы, Локально Изолированные Трансгуманисты, – произнес кот, не без труда выговорив набор сложных слов и в очередной раз проявив остроту ума, нехарактерную для обычного животного. – На Развилке Идентичности они свернули... в иную от гулов сторону. Предпочли развивать мозги, а не мускулы...

Настя так и стояла с открытым от недоумения ртом. Немало удивились и мальчишки. Подумать только – еще сегодня утром они и подумать не могли, что за пределами Спасгорода вообще сохранилась разумная жизнь. Но когда на поверхности наступил вечер, троица успела узнать аж про две неизвестные расы, обитавшие глубоко под землей...

– Умный редко бывает жестоким, верно? – неуверенно прошептал Дима, в первую очередь обращаясь к более начитанному брату. – Если арсилиты такие головастые и развитые, они нам помогут. Что скажешь?

– Возможно... – Витя покачал головой, заставив сердце Насти оледенеть от предчувствия. – Но я бы не обольщался. Вспомните, что самые кровожадные тираны прошлого как раз являлись очень-очень умными людьми... Кроме этого, – он понизил голос, хоть и не был уверен, что беседа укроется от тончайшего слуха Крумма, – звероморф сказал, что Средоточием Покоя правит князь. Скорее всего, это значит, что город живет при феодальном строе. А это, само собой, означает, что нам нужно помалкивать, быть предельно аккуратными и готовыми ко всему...

И первым, подавая остальным пример, натянул капюшон школьной куртки.

Увы, Виктор был совершенно прав. В сравнении со взвешенным и расчетливым

мироустройством Спасгорода (пусть и безобразно искаженным Смотрителями за последнюю сотню лет) любые феодальные законы, о которых дети узнавали на уроках истории, могли оказаться жесткими, крайне неприятными и даже опасными для жизни или свободы...

В это время Крумм, перешептывания детей игнорировавший излишне демонстративно, приблизился к границе кольцевого парка, окружавшего поселок. Четверо стражников – точные копии солдат, встреченных на краю каверны, – равнодушно осмотрели гостей. Они даже не прервали азартной игры в пирамидальные каменные бруски.

Умолкнув, ребята низко опустили головы и устремились за звероморфом, вступая в переменчивую тень коралловых насаждений. Совсем скоро ровные ряды кустарников окончились, и их встретил мерный гул Средоточия Покоя.

В принципе, поселок оправдывал свое название.

Жители его передвигались по улицам чинно и неспешно. Многие улыбались и болтали друг с другом, на крохотных рынках торговали ароматной едой и удобной одеждой. Чем быстрее меркли потолочные колонии подземного грота, тем ярче разгорались фонари на столбах вдоль проспектов – в них пытливый взгляд Витьки распознал скопления светящихся насекомых, загнанных в стеклянные колбы. В их бледно-желтом, чуть дрожащем свете стало возможно получше разглядеть и обитателей Средоточия – таинственных Изолированных Интеллектуалов.

Как и гулы, те напоминали людей лишь издали – две руки, туловище и две ноги, голова на привычном месте, равно как и нос или глаза. Отличия же состояли в том, что арсилиты (как мужчины, так и женщины) имели непропорционально высокие лбы, а бледно-серые волосы их росли только на затылках, отчего самой распространенной прической средоточинцев являлась тонкая полупрозрачная коса.

Узкие стреловидные уши напомнили детям о Следопытах. Но, в отличие от силачей, у обитателей поселка они торчали вверх. Крепкими фигуры местных назвать бы не решился даже распоследний физкультурник-двоечник Заботинска, встреченные на улицах существа казались хрупкими, словно тростник. Одежду здесь шили из ткани, напоминавшей плотную полупрозрачную паутину, в расцветках которой преобладали темно-фиолетовые и оранжевые цвета.

Сколь ни печально, но подтверждение Вити относительно социального устройства подтвердилось почти сразу. Как и в любом феодальном обществе, арсилиты делились на господ и слуг – пока первые важно вышагивали по проспектам, задрав носы, их неотступные тени-лакеи таскали тяжести или прибирались в квартирах. Из подворотен блестели глазами малолетние беспризорники. Их более обеспеченные сверстники играли в белый мяч, лениво перебрасывая его друг другу с помощью изогнутой коралловой ветви (на какой-то момент чужакам показалось, что мяч и вовсе не касается клюшки, подчиняясь лишь мысленному велению игроков). С балконов надменно посматривали дамы, скрывавшие лица под вуалями.

– Мне кажется, на нас тут из всех щелей косятся, – недовольно пробурчал Димка, еще ниже опуская голову и натягивая край капюшона.

И пусть мальчик преувеличивал, на странную процессию, состоящую из звероморфа и троих подростков, действительно начинали посматривать все чаще. Без страха или напряжения – в конце концов, вооруженная стража никогда не пропустила бы опасность в самое сердце Средоточия, – но с интересом и легким недоумением.

– Тихо ты! – звенящим шепотом одернула его сестра. – Все лучше, чем попасть в лапы к Глиняным...

Однако тревога не отпускала.

Чем дальше углублялись они за Круммом внутрь изящного и красивого поселка, тем очевиднее становилось, что каменные колонны вокруг, увы, вовсе не являются шахтами Лифтов. А вот внимание местных росло. И совсем скоро вслед за их отрядом неспешным прогулочным шагом направились несколько дворян, переговаривающихся и задумчиво потирающих острые подбородки.

От этого липкого внимания становилось донельзя неуютно (заботинцам казалось, что

даже кабина монорельса *наблюдает* за ними наравне с арсилитами). Неуверенность пробуждала только одно иррациональное желание – бежать прочь. Но куда? Куда бежать, когда единственный друг держится столь уверенно и смело?

Звероморф же на взгляды со стороны не обращал ни малейшего внимания – весьма самоуверенно вышагивал вперед, время от времени кивая знакомым. Кроме Крумма ребята заметили других разумных животных с «разговорниками» на шеях: в основном копытных и рогатых, тучных и поросших жесткой черной шерстью. Те на клыкастого кота смотрели без приязни, но работы – перевозки грузовых телег – не бросали.

– Уважаемый Крумм, – спросила Настя, ускоряя шаг и ровняясь со зверем, – а вы точно уверены, что тут нам будут ра...

Но девочка не договорила, потому что их крохотная процессия добралась до центральной площади Средоточия. Тут хвостатый проводник остановился, решая, куда двинуться дальше.

Впереди возвышалось подобие Ратуши. Точнее, здание больше напоминало дворец, но очевидным было одно – это главный дом всего поселка. Пятиэтажный, увенчанный башенками и балконами, он нависал над площадью, пестрый и жизнерадостный от покрывавших крыши флагов и многочисленных фонарей.

На ступенях парадного крыльца застыли стражники – тоже облаченные в кожаные латы, несуразно смотревшиеся на их тощих телах, и вооруженные арбалетами и необычного вида ружьями. Поднимаясь из-под земли (дна каверны), в блоки дворца убежали трубы, по которым циркулировала горячая вода, нагретая природными источниками. Слева возвышалась еще одна швартовочная мачта, поднимавшаяся к блестящим ниткам монорельса в вышине.

– Дом князя, – негромко промурлыкал Крумм, усаживаясь прямо на брусчатку площади и придиричиво осматривая лапу – вылизывать или удовлетвориться ее чистотой? – Соваться внутрь не позволяет этикет. Но я уверен, что скоро гостей заметят. И окажут помощь.

С одной стороны, звероморф оказался прав – их и правда заметили очень быстро. С другой стороны, его ожидания оправдались совсем не так, как на это рассчитывали его спутники в черно-желтых школьных куртках...

Из бокового флигеля вдруг выбежали полдюжины солдат в сопровождении офицера в шлеме, украшенном коралловой ветвью. Построившись в колонну, военные направились прямо к ребятам, заставив Димку охнуть, а его сестру застонать. Предчувствия, кажется, снова сбывались...

– Служба княжеского дознания не сумела установить название вашего клана, – негромко произнес офицер в глухом шлеме, из-под которого виднелись лишь его раскосые глаза. А затем распорядился спокойно и властно: – Назовите себя и цель визита в Средоточие Покоя.

В другое время певучий говор подземного воителя показался бы необычным и интересным. Но сейчас его акцент лишь дополнял набор крохотных различий, подчеркивающих инородность местных жителей.

Дети, пряча лица в тени капюшонов, онемели, сбившись в кучку и лихорадочно соображая, что сказать. А кот, все-таки передумав вылизывать лапу, произнес с важностью урожденного аристократа:

– Крумм свободен и не принадлежит ни к одному из кланов. – Зубастый повернулся, не меняя позы, и смерил людей взглядом зеленых глаз. – Это друзья, спасшие Крумма из ловушки Глиняных Следопытов. Они все еще могут гнаться за нами. Ищем покровительства князя.

– Вот как? – офицер определенно удивился.

А затем уставился на гостей так, словно хотел передать какой-то мысленный вопрос (Настя в этот момент почувствовала что-то необычное, словно по шее провели тонюсенькой проволочкой). Простояв неподвижно несколько секунд, вояка нахмурился, но выводы сделал:

– Вы не арсилиты...

– Нет, – подтвердил полосатый, лениво озираясь. На улочках вокруг площади собиралась толпа зевак. – Они не арсилиты.

– Но и на гулов не похожи, – продолжал гнуть свое стражник, а подчиненные и зрители за его спиной взволнованно зашептались.

– Посмотрите на их уродливые уши! – свистящим шепотом загуляло по толпе. – А какие крохотные головы... Мне показалось или они говорят на старом наречии? Как много ужасных желтых волос. Будто пакля! Что за безобразные существа... Неужели Артефициалия решила породить новый вид?

– Они и не гулы, – так же снисходительно согласился Крумм. – Это...

Но Витя уже устал от того, что за них разглагольствует животное (пусть и весьма разумное). Собравшись с духом, он сделал шаг вперед. Откинул капюшон, постаравшись не вздрогнуть, когда по колонне военных пронесся вздох изумления.

– Вы правы, уважаемый стражник, – сказал мальчик, слыша за плечом возмущенное шипение брата. – Мы не гулы. И не арсилиты. Мы вообще не состоим в клане, а являемся жителями поляны Заботинск. Сюда угодили по чистой случайности и хотели просить уважаемого князя помочь нам вернуться домой...

Крумм покосился на храбреца со смесью осуждения и интереса.

«Молодец, конечно, но кто тебя за язык тянул?» – означала его звериная гримаса.

Однако не успел кот что-то добавить, а старший стражник открыть рот, чтобы переспросить, не послышалось ли ему, как над площадью прокатился еще один голос. Сильный, глубокий голос мужчины, привыкшего повелевать:

– Если вы не гулы и не арсилиты, кто же вы такие? И что за Заботинск был упомянут?

Офицер, запоздало обернувшись, вздрогнул и выругался сквозь зубы. А потом торопливо перехватил арбалет «на караул», гаркнув так, что у ребят зазвенело в ушах:

– Приветствуйте князя Славорода, повелителя Средоточия Покоя, главу клана Сильнейших и покровителя Альянса Трех Каверн!

Зеваки на окрестных улочках (а их все прибывало) покорно опустили на одно колено, почтительно склонив головы. Воины – как стоявшие перед чужаками, так и охранявшие крыльцо – вытянулись в струнку, салютуя правителю оружием. Немногочисленные звероморфы, в числе которых оказался и Крумм, улеглись на животы, уперев морды между лап и подставив загривки. И только наши герои, окончательно сбитые с толку происходящим, стояли тремя столбиками, недоумевающие и перепуганные.

– Святые-платы, – наконец просипел Димка, первым заметив князя. – На балконе!

Все трое повернулись, заметив яркую свиту, заполонившую главный балкон на третьем этаже дворцового комплекса. На заднем фоне толпились советники и слуги, разодетые изящно и нарядно. У самих же резных перил замер князь Славород собственной персоной, болезненно-бледный, но величественный и статный.

На вид правителю было лет 60 (хотя как именно измерялась продолжительность жизни арсилитов, чужакам, конечно, было неизвестно). Лицо Славорода было вытянутым, подбородок острым. Царственно-высокий лоб венчала корона, украшенная блескучими самоцветами. Вытянутые вверх уши оттягивали десятки сверкающих серег, длинные пальцы украшали несколько перстней. На поясе висел изукрашенный кинжал, а на груди – золотистая цепь. Жидкие усы и борода были заплетены в косички, как и белоснежные волосы. В левой руке властитель держал металлический скипетр, осыпанный драгоценностями.

Заметив замешательство ребят, один из стражников стал бочком приближаться к ним, вполне красноречиво приподнимая копьё. Но Витя сообразил раньше, чем получил затрещину, – схватил остальных за рукава, заставив поклониться и опуститься на одно колено. Воин, недовольно фыркнув, все же вернулся в строй.

– Я никогда не слышал о каверне под названием Заботинск, – в наступившей на площади тишине повторил Славород, задумчиво побарабанив кончиком жезла по перилам

балкона. – Поднимитесь...

По площади пронесся негромкий шуршащий вихрь – сотни арсилитов и звероморфов вставали на ноги. Последовали их примеру и юные путешественники.

– Откуда вы явились в Средоточие? – лениво поинтересовался князь.

– Лучше ответить, – не разжимая челюстей, произнес Крумм, и в его модулированном голосе послышалось неуместное веселье. – Этикет, знаете ли...

Витька, получивший в бок тычок от брата, вскинул голову и рассеянно поправил очки. Подземный князь казался настолько же хрупким, насколько и грозным, и всемогущим. Мальчик облизнул пересохшие губы, умоляя голос не дрожать, и ответил правителю:

– Из Зарослей, спасаясь от гулов. Но Заботинск не каверна, уважаемый князь. – Толпа арсилитов ответила новой волной вздохов. – Мы прибыли сверху, с *поверхности*. Из Спасгорода, одним из уровней которого является наш поселок. Может быть, вы сможете помочь нам вернуться домой, ваше величество?

Конечно, Витька не знал, какое в точности обращение предусматривает этикет для обращения к князю (в нашем с вами мире к ним чаще всего принято обращаться «ваше сиятельство»). Но заблуждение молодого чужака определенно польстило Славороду, и тот с довольным видом огладил бородку.

– Я способен помочь врагам гулов. Помочь каждому, кто чтит законы Альянса, – величественно кивнул глава клана.

И уже собиравшийся сказать пришельцам что-то еще, как вдруг за его плечом появилась новая фигура. Не менее высокая, чем князь, но сутулая, намеренно старавшаяся казаться ниже правителя.

Рыжие волосы мужчины (не такие ярко-рыжие, как у Каната, но и не бледно-молочные, как у большинства арсилитов) были распущены и лежали на плечах. Ни усов, ни бороды он не носил. Одежда отличалась простотой и вкусом: длинный черный сюртук, черные же обтягивающие штаны и высокие серые сапоги, заметные сквозь ажурные перила. Возраст придворного определить было непросто, но интуиция подсказывала ребятам, что со Славородом они как минимум ровесники. Украшений не было, но на шее незнакомца висело несколько бесхитростных ожерелий, собранных из шестеренок и деталей, когда-то, без сомнения, принадлежавших механизмам высшего порядка...

– Взяли моду, – с презрением прошипел Димка, сразу вспомнив и полоумного Карла, и чудовищного Мглистого, тешивших себя воспоминаниями об утилизированных приборах.

– Тише, братик! – так же бесшумно взмолилась Настя, косясь на грозную стражу. – Не сейчас...

В отличие от остальной свиты Славорода, незнакомец в черном сюртуке отнюдь не стремился сохранять вежливую дистанцию. Он нашептывал правителю прямо в длинное ухо, что выдавало в нем персону важную и максимально приближенную к трону.

Витька, кусая губы и выдумывая наиболее витиеватые и льстивые формулировки, ждал развития событий. А над его головой на длинном открытом балконе все сильнее хмурился князь Сильнейших...

Вот лицо владыки клана стало задумчивым. Затем удивленным. Он снова уставился на чужаков, словно увидев их впервые. Опять задумался, прислушиваясь к шепоту в ухо. И наконец сдвинул брови, небрежным жестом отослав приближенного прочь. Тот попробовал возражать, но почти сразу спасовал под недобрый взгляд Славорода. Сам же повелитель подался вперед всем телом и грозно навис над перилами.

– Значит, с *поверхности*? – переспросил князь, шурясь и покачивая скипетром, будто хотел его зашвырнуть. Арсилит в черных одеждах поник и отступил еще на шаг, разглядывая близнецов с печальным интересом.

Димка шикнул на брата – если монарх задал вопрос, на него стоило ответить. Вон и стражники снова перехватили копыя, готовые помочь молчунам разговориться. Витя, сглотнув комок и уже не радуясь, что выступил переговорщиком от лица всех троих, поспешно уточнил:

– Да, уважаемый князь, мы с поверхности... – По толпе снова загуляли шепотки и недовольные охи, заставив мальчика запинаться. – Как я уже ск-казал, мы из Спасгорода. Он был башней, но сейчас уже не башня... Это нелепое стечение обстоятельств, п-поверьте... Мы попали сюда сл-случайно, а нужно вернуться наверх, понимаете? Нас наверняка потеряли и уже ищут, п-поэтому...

– Никто не будет искать чужеродцев! – вдруг выкрикнул Славород, и к его бледному лицу прилила кровь, да так стремительно и ярко, что Витька ужаснулся. – Окружить шпионов!

Настя ойкнула, пошатнувшись, и вцепилась в рукав Дмитрия. Тот скрипнул зубами, непроизвольно сжав кулаки, и исподлобья осмотрел площадь, выбирая, куда дать деру. Витя же сначала не совсем понял, о чем толкует глава клана. И до последнего отказывался верить ушам, пока солдаты не оттеснили Крумма, окружив тройняшек кольцом из копий и арбалетов.

– Но, ваше величество, – пробормотал он. – Вероятно, это какая-то ошибка. Мы совсем не шпионы, а обыкновенные школьники, которым...

– Молчать! – почти сорвавшись на фальцет, оборвал его Славород резким выкриком. Рыжий арсилит за его спиной поджал бескровную губу, озабоченно наблюдая за реакцией властителя. – Сколько дерзости и нахальства нужно иметь, чтобы заявиться к моему двору после того, что верхушечники сделали с кланами Катакомбурга?!

– О-о, – горестно протянул Димка, начиная соображать что к чему.

Полосатый звероморф, послушно убравшийся из-под ног стражи, далеко предпочел не уходить, за диалогом наблюдая с деланой невозмутимостью (только подрагивающий кончик хвоста выдавал, что Крумм нервничает и переживает). Витька же попробовал еще раз образумить взбудораженного Славорода:

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, уважаемый князь... Мы обычные дети, и не...

– Вы дети тех, кто столетия назад бросил наши народы умирать, – отрезал тот, и глаза на его узком лице загорелись, словно у хищного зверя. – Без солнечного света! В просторных каменных мешках, совершенно непригодных для противодействия эпидемии! В гротах, которые нам пришлось обустраивать самим! Пока мы боролись за выживание, вы, – его тонкий палец с массивным алым перстнем обвинительно нацелился на Виктора, – избранные баловни судьбы, жировали за крепкими стенами убежища!

Теперь арсилиты, ставшие невольными свидетелями переговоров владыки и странных чужаков, смотрели на ребят совершенно иначе. Злобно, недоверчиво, напряженно, а по их рядам то и дело проносилось:

– Значит, люди уцелели... Наверху есть жизнь! Покровитель позволил им спуститься... Как такое вообще возможно? Они правда послали шпионов? Древние пророчества не лгут! Поверить не могу, что эти малолетки – вестники конца...

Разговоры о пророчествах и *конце* сразу всколыхнули в наших героях воспоминания об Апокалипсисе и его одурманенной пастве. От этого на душе стало тяжело, а и без того слабый свет грибковых пятен на потолке каверны показался еще более тусклым.

– Нет прощения тем, кто посчитал себя избранными, бросив тысячи соплеменников на верную гибель! – обеими руками вцепившись в княжеский жезл, отрезал Славород. Обернулся на мужчину в черном, словно ища поддержки, но лицо придворного арсилита оставалось неподвижным. Тогда глава Сильнейших снова повернулся к площади. – Схватить шпионов!

– Мамочка! – пискнула Настя, когда на ее плечо легла рука ближайшего стражника.

– А ну не тронь! – огрызнулся Димка, пытаясь вырваться, но его скрутили сразу двое копеечников. – Ах вы гады! Отпустите!

Витька же ничего не сказал, подавленный и сокрушенный таким поворотом событий. За его спиной тоже вырос солдат, хватая за плечо и бестактно толкая вперед.

– В клетки их, – распорядился Славород, взмахнув скипетром. – Шпионы поверхности будут осуждены в соответствии с законами клана...

– Могучий князь! – Крумм, до этого момента наблюдавший за происходящим, поднялся на все четыре лапы, резко махнув хвостом. – Чужаки спасли Крумма от Глиняных Следопытов! Крумм требует милосердия!

– Отойди, киска, – с угрозой в голосе посоветовал звероморфу офицер в глухом шлеме. – Не знаю, что связывает тебя с этими верхушечниками, но приказы князя не обсуждаются...

Двое арбалетчиков на всякий случай повернулись к зверю. И тот предпочел отступить, поглядывая то на детей, то на воинов, то на княжеский балкон. Верхняя губа его приподнялась, обнажая двадцатисантиметровые клыки.

– Не стоит! – еще раз предостерег его командир стражи. – Мы соблюдаем мир со свободными звероморфами, но сейчас ты лезешь не в свое дело. Отступись.

И Крумм отступился.

Отошел на несколько шагов, сел на брусчатку, провожая пленников недобрым прищуром зеленых глаз. Казалось, внутри его бурлит настоящий вулкан, так быстро и ритмично вздымалась широкая кошачья грудь.

А что же наши герои?

Они тоже были вынуждены подчиниться. Под злобными взглядами толпы, понукаемые стражниками, все трое направились к правому крылу княжеского дворца, лишённые возможности перекинуться даже словечком.

Славород и его свита покинули балкон, скрывшись в недрах дома. В каверне продолжало темнеть, на улицах загорались новые фонари. Вслед за солдатами и их пленниками устремилась стайка местных детей – коротко стриженных и длинноухих. Выкрикивая что-то обидное, они даже бросили в близнецов несколько камешков из мостовой (к счастью, промахнувшись) и гнилых грибов (попавших в Витю, на это не отреагировавшего). Затем офицер прикрикнул на хулиганов, и забияки ретировались.

В гробовом молчании заботинцы и их конвой обогнули дворец. Было слышно лишь, как побряцывает армейская амуниция да сопит и ругается Дима, все еще удерживаемый двумя арсилитами. А потом чужакам открылась картина, неприятная настолько, что у Насти подкосились ноги, и Витьке пришлось поддержать сестру под локоть.

На каменном возвышении, с которого открывался неплохой вид на часть Средоточия, были установлены пять каменных столбов. В их верхней части крепились выступающие вбок штанги, к которым на цепях подвешивались клетки – узкие, высокие, с дощатым дном и прутьями из коралловых ветвей, укрепленных специальным зеленоватым раствором. На дверце каждой из клеток висел угрожающего вида замок.

Солдаты остановились. Четверо остались охранять пленников, а остальные направились к столбам, отпирая засовы. Затем обвиняемых подхватили под мышки, довольно бесцеремонно забрасывая каждого в отдельную, прозрачную темницу, и замки лязгнули повторно. Офицер лично убедился, что двери надежно заперты, после чего перестроил свое небольшое подразделение в колонну и увел за угол дворца. Ребята остались одни.

– Вот влипли... – Ворочаясь в тесноте клетки, Димка кое-как скинул ранец. Уселся на него, рассматривая близлежащую стену княжеского дома – глухую и почти лишенную окон и балконов. – Это ж настоящие варвары, я про такое на истории читал! Видали слуг арсилитских? Забитые, запуганные. Князь небось из нас тоже рабов хочет сделать. Говорил же, нельзя этой кошке драной верить...

Настя, сидящая в центральной клетке между братьями, ничего не ответила и лишь всхлипнула, вспомнив о маме и родном доме. Но плакать девочка не стала – глубоко продышалась, вытерла влажные глаза и принялась изучать, насколько крепки колючие прутья и как устроен замок. Заметила небольшую старинную амбикамеру, нацеленную на тюремный помост, и расстроилась еще сильнее. Витя, опустившись на потертый пол персональной тюрьмы, просунул ноги наружу, покачиваясь туда-сюда.

– Не думаю, что это вина Крумма, – тусклым голосом произнес он, глядя в пустоту. –

Если я верно понял Славорода, у арсилитов к спасгородцам о-о-очень давняя неприязнь. Нам же лишь «повезло» оказаться в нужное время в нужном месте...

– Это все ты, Витек! – продолжал озлобленно бормотать Димка. – «Давайте спасем бедное животное... Давайте его послушаемся...» Нужно было идти к колонне, которую сразу выбрали. Уверен на все сто – внутри была шахта... А от гулов бы спрятались.

– А давайте не будем ссориться! – неожиданно строго и спокойно осекла его Настя, так и не обнаружив в устройстве клетки слабых или уязвимых мест. – Лучше посмотрим в глаза фактам. Так, Витенька? Мы все еще вместе, это раз. Мы живы и здоровы, это два. Нужно бежать отсюда подальше – это три, а умением сбегать в прошлом мы овладели в совершенстве. Дима, твой ножик сможет перепилить решетку?

Димка вздохнул, соглашаясь с предложением сестры, и потрогал прут:

– Сомневаюсь, тут лак какой-то... – Но он все равно повернулся к амбикамере спиной, залез в ранец за оружием и ковырнул коралловую ветвь лезвием. – Даже корку не царапает... Крепкая, зараза...

– Грустно, – подытожила девочка, прислоняясь к решетке, и невольно раскачала висячую тюрьму. – И есть уже охота, хоть вой...

– С этим как раз помочь могу, – хмурый Димка снова поковырялся в ранце, вынул два куска торта, завернутые в салфетки, аккуратно разделил на три части. – Вот, передай нашему умнику.

– Ой, братик, какой же ты все-таки запасливый! – Настя приободрилась, дотягиваясь, хоть и с трудом, до пальцев мальчика. – Ага, взяла. Витя, держи! Спасибо тебе, Димка!

– Да не меня благодари, а Рифмователя и его поэтов, – отмахнулся тот, облизывая пальцы.

При упоминании о разбившемся Лифте все помрачнели. И без того погруженный в себя Виктор и вовсе посерел лицом. Но еду принял, съев торопливо и без удовольствия. В каверне холодало, словно часть вырабатывавших тепло приборов переходила в спящий режим. Настя, вытащив из своего ранца припасенный плед, зябко закуталась.

– А вы ничего не слышите? – через какое-то время спросила она, задирая голову.

Димка и Витька, угрюмо молчавшие в боковых клетках, покосились на сестру. Висячую тюрьму из пяти камер окружала тишина – со всех сторон обступали глухие стены домов и дворца, и только где-то вдали плакал ребенок.

– Не-а, – ответил Дима.

– Как же так? – удивилась Настя. – Будто кто-то шепчется неподалеку... Нас обсуждают, поверхность, Спасгород... Неужели не слышите?

– Успокойся, сестренка, – наконец подал голос Витя, последние несколько минут сидевший без очков и с закрытыми глазами. – Постарайся вздремнуть, нам понадобятся силы. Никаких голосов нет, это последствия стресса, вызванного аварией, новыми впечатлениями и очередным пленом...

– Возможно, молодой человек, ваша сестра не так уж и права, – вдруг раздался голос от подножия постамента, на котором были установлены столбы.

Наши герои вздрогнули, похолодев так, что не спасали ни куртки, ни плед. Димка вскочил на ноги, машинально нащупывая спрятанный в кармане кухонный нож. Настя отшатнулась так, что ее клетка принялась вертеться вокруг своей оси. Заскрипела цепь. И только Виктор на голос обернулся без энтузиазма, сонно и неохотно.

У стены княжеского дворца стоял арсилит в черном сюртуке, которого все трое видели за спиной владыки Славорода. Мужчина прятался в густой тени, позволявшей разглядеть лишь его бледное лицо в ореоле светло-рыжих волос.

– Кто вы такой?! – вскрикнула Настя, пытаясь удержать равновесие в крутящейся клетке.

– Меня зовут Гладауд, – с легким поклоном ответил мужчина, словно находился не возле тюрьмы, а на дворянском балу. – На молодом наречии это означает Прозорливый. Я первый советник князя Славорода. Фиксирующая аппаратура отключена, Чуткие

Надсмотрщики отвлечены. А я здесь, чтобы спасти вас.

Настя ойкнула. Чуть не шлепнулась на пятую точку, ухватившись за прутья и уколов ладонь. Димка втянул голову в плечи, уставившись на советника хмуро и с недоверием, а Витя осторожно поднялся на ноги.

– Под спасением вы подразумеваете чистосердечное признание? – едко поинтересовался он, надевая очки. – Мы не можем сознаться в том, в чем не виноваты... Собираетесь вести допрос? Ваш князь вообще отдает себе отчет, что случится, когда о нашем захвате узнает КорКом? Когда там выяснят, что свободных спасгородцев бросили в клетки, словно взбесившихся звероморфов?

Гладауд задумчиво потер подбородок. Затем неторопливо поднялся на возвышение, остановившись напротив центральной клетки с девочкой внутри. В свете уличных фонарей блеснули ожерелья из микросхем, украшавшие грудь высокопоставленного арсилита. Снова вспомнив Карла и Мглистого, Димка чертыхнулся сквозь зубы.

– Полагаю, юноша, – ответил советник, сцепляя руки на груди, – что это приведет к неприятностям. Может быть, даже к войне между нашими народами. Вы это хотели сказать?

Витька медленно кивнул, а его брат фыркнул, прижимаясь к решетке и наклонив клетку.

– Вот именно! – вставил он. – И тогда вам не поздоровится – с вашими-то копьями и луками против наших автоматов и штыков!

– Прошу говорить тише, – поправил его Гладауд, оглядываясь. Очевидно, разговор с пленниками был чем-то не совсем пристойным и его могли поймать за этим неблагоприятным занятием. – Вы правы, это ужасно...

– Тогда убедите в этом своего князя, – произнес Витя, потирая переносицу. – Он тоже должен понимать всю глубину последствий...

– Увы, – пожал плечами арсилит, – это не так просто, хоть я и старался. Как только я понял, кто именно стоит перед дворцом, я сделал все возможное, чтобы уберечь вас от гнева владыки. Мы не имеем права начинать контакт с поверхностью с такого ужасного инцидента! Но повелитель не желает и слушать, его разум затянут пеленой. – Он взглянул на мальчика, пытливо и внимательно, а Настя опять почувствовала, словно ей по шее провели холодной острой проволокой. – Не совсем понимаю, как вам удалось проникнуть в пределы Катакомбурга, – продолжил придворный, – но это определенно неспроста. *Что-то* приближается, я полагаю. Что-то предсказанное, способное изменить мир... Вы чувствуете?

Девочка хотела было ответить, что да, она что-то ощущает! Но в последний момент передумала и лишь молча уставилась на братьев в поисках поддержки. Витька же решил, что самое время перейти в наступление, способное принести свободу.

– Тогда отпустите нас, – предложил он, стараясь говорить спокойно и взвешенно. – И мы сможем убедить взрослых, что арсилиты не являются врагами Спасгорода.

– Отпустить? – Гладауд поклат слово на языке, словно оно было леденцом. – *Официально* это невозможно. В ярости князь жесток, и это может привести к большой беде, но...

А затем арсилит вдруг замолчал, но близнецы все равно слышали его голос – прямо в своих головах. Негромкий, вкрадчивый, но реальный и разборчивый. У Димки сразу заломило виски, отчего он поморщился. У его брата чуть не пошла носом кровь. И только Настя выслушивала ментальный голос советника спокойно, словно они вели самую обычную беседу.

– Моя помощь вам будет нелегальной, – мысленно передал Гладауд, даже не дав времени удивиться этому необычному способу общения. – Сейчас Цикл Засыпания войдет в глубокую фазу, и я открою клетки...

Глава четвертая, в которой появляется дальний родственник Лифтов, а кое-кто заключает сделку

Тишина стала звенящей, едкой, закладывающей уши.

Заметив недоверие на лицах пленников, придворный опустил руку в карман черного сюртука, демонстративно звякнув чем-то металлическим. Застонав, Дима опустился на ранец, а Витька потер лоб, пытаясь избавиться от подступающей головной боли. Он первым догадался, что отвечать советнику князя тоже лучше беззвучно, чтобы не подслушали случайные свидетели.

«Вы разумный чело... арсилит, уважаемый Гладауд, – подумал он, глядя на высокого рыжего мужчину сверху вниз. – Мы не хотим враждовать с вами. Да что там – еще утром мы и не подозревали о вашем существовании! То, что наши предки так радикально разделились с вашими, не является виной современных спасгородцев».

«Я понимаю, – мысленно согласился советник, медленно кивнув. – Дети не несут ответственности за деяния своих отцов».

«Именно! – Димке наконец удалось сформулировать свои мысли, вклинившись в этот необычный разговор. Настя, все это время чувствующая себя лучше остальных, лишь наблюдала, не спеша говорить ни вслух, ни ментально. – Так вы нас выпустите?»

«Да, конечно... – Гладауд извлек из кармана ключ, подступил к клетке с девочкой и осторожно, без лишнего лязга, отомкнул замок. – Но пока оставайтесь на месте. Дождитесь, когда на главной башне погасят фонари, и только потом уходите. Вы меня хорошо поняли?»

Близнецы одновременно кивнули, все еще пораженные умением Изолированного Трансгуманиста обмениваться мыслями. Дмитрий начал возиться с лямками ранца, а Настя свернула плед. Гладауд отпер остальные клетки, предупреждаясь воздев палец к потолку грота.

«Вы меня не видели, а этого разговора не было! – предупредил арсилит, спускаясь с постамента и отступая в тень. – Идите вон по той улице, – он указал рукой, – там я видел вашего друга по имени Крумм. Он ждет за городом, на границе парка, и все еще настроен вернуть долг...»

А затем добавил, переходя на обычную речь, чтобы сбить с толку тех, кто мог случайно или преднамеренно подслушать беседу:

– Суд князя Славорода справедлив и беспристрастен, и никто не будет осужден без вины...

Промолвив это, советник растворился на фоне стены. Какое-то время в полумраке виднелось рыжеватое облако его распущенных волос, но вскоре исчезло и оно – либо Гладауд бесшумно ушел, либо воспользовался одной из тайных дворцовых дверей.

– Поверить не могу, – выдохнул Димка, переходя на шепот. – Хоть один благоразумный человек в этом царстве безумия... Ну что, валим?

– Нужно ждать, – рассудительно возразил ему брат, посматривая на главную башню, где понемногу начинали гаснуть фонари. Дiod на амбикамере слежения перестал подмигивать еще до появления советника. – Скоро, но без спешки.

Ожидание, как мы с вами знаем, утомительное занятие. И одно дело, когда, например, стоишь в очереди, и совсем другое – когда заперт в клетке из шлифованных коралловых прутьев и дожидаясь возможности удрать.

Минуты тянулись так, словно были сделаны из резины для траволатора – неохотно, медленно, вальяжно. Дима аж весь извелся, уже не раз проверив, легко ли открывается дверь его камеры. Настя пребывала в задумчивой сосредоточенности, словно перехватив эстафету у Вити. Тот оставался терпелив и неподвижен – сидел на полу, свесив ноги наружу, и считал монотонные секунды. Наконец он еще раз взглянул на башню и кивнул:

– Пора.

Близнецы осторожно выбрались из клеток, постаравшись не скрипеть цепями, на которых те были подвешены. Спрыгнули на каменное возвышение. Так же быстро и осторожно спустились с него, юркнув в ближайший проулок.

Средоточие Покоя погрузилось в Цикл Засыпания, схожий с искусственной

спасгородской ночью. Улицы поселка опустели, двери домов закрылись. Лишь расхаживала по башням сонная стража да несли свою вахту Чуткие Надсмотрщики княжеского дворца. Держась в тени, наши герои торопливо удалялись от тюрьмы, стараясь придерживаться указанного Гладаудом направления.

– А мне этот рыжий не понравился, – вдруг прошептала девочка, когда троица устроилась на привал, выбирая дальнейший путь отступления. Братья вытаращились на нее с плохо скрываемым удивлением.

– Ты чего, Настюха? – изумился Димка. – Он же нас спас, дуреха! Этот советник, считай, настоящую войну остановил. Представь, что было бы, если...

– И все равно, – уперлась сестра, теребя завязки на капюшоне куртки. – Какой-то он *не такой*. Мне трудно объяснить, но когда он говорил с нами мыслями...

Она замолчала, не зная, как подобрать слова. Какое-то время мальчишки смотрели на нее с непониманием, но не дождались продолжения и двинулись дальше. Витька, шедший первым, не переставал оглядываться на Настю, пытаясь угадать, что же она имела в виду...

Троица миновала главные улицы Средоточия. Свернула в переулки, считавшиеся окраиной. Углубилась в бирюзовый парк – природную стену городка, оберегавшую его от набегов воинственных гулов. А затем выбралась и из него, оказавшись на коричневой каменистой пустоши, с которой к порталам грота уводило несколько дорог. Неподалеку возвышалась швартовочная мачта монорельса (изрядно проржавевшая), тяжело гудели старинные механизмы в стенах каверны.

Фосфоресцирующие колонии на потолке почти не давали света, отчего дети начали спотыкаться и натекаться друг на друга. И не успели они отойти от границ поселка даже на сотню шагов, как дорогу им преградила невысокая широкая тень.

– Кто тут шляется? – с глухим недовольным рычанием поинтересовался Крумм, блеснув клыками. – О, да это спасители Крумма!

Ночное зрение животного позволило ему без труда узнать своих освободителей, облегченно вздохнувших – они изрядно испугались внезапного появления звероморфа. Тот приблизился, настороженно обнюхивая детей.

– Крумм думал, вам конец, – честно сознался он, кивнув. – Крумм радуется. Гладауд не обманул.

– Он нас освободил, – зачем-то сказал Дима, хотя зверь, вероятнее всего, и так знал это. – Сказал, ты нас ждешь.

– Кстати, зачем? – вдруг спросил Витька, не спеша демонстрировать радость от появления четвероногого знакомого. – Ты давно мог уйти искать сестру, верно?

Кот лениво зевнул, обнажив устрашающего вида клыки. А затем лизнул лапу и снисходительно пояснил:

– Крумм не уходит. Крумм ищет возможность отдать долг. – Речевой модулятор на его полосатой шее почти не передавал интонации, но этот пробел зверюга восполнял гортанным рычанием и богатой мимикой. – Не в этот раз, маленькие чужаки. Крумм видит, вы справились сами.

Близнецы переглянулись. Несмотря на то что им удалось выбраться из темницы Средоточия Покоя, главная задача – возвращение на поверхность – так и не была решена. Однако всех троих одолевали определенные сомнения, высказать которые решила Настя.

– Если дальше мы снова пойдем вместе, – деликатно начала она, – то что произойдет, когда ты проголодаешься, уважаемый Крумм?

И замолчала, словно этим бестактным вопросом могла обидеть разумное животное. Ее братья насторожились – когда опасения были высказаны вслух, они будто заново увидели, что именно представляет собой спасенный из сетей зверь. Димка снова нащупал нож, хотя и не понимал, как тот сможет помочь в схватке со столь сильным противником.

Крумм, впрочем, и не подумал обижаться. Снова зевнул, сладко и протяжно, отчего заботинцев тоже потянуло в сон, и цокнул языком.

– Нет причин волноваться, – ответил он, – Крумм уже поужинал, хватит надолго.

И вообще – ни один уважающий себя морф не подвергнет угрозе своего друга.

Настя задумчиво вздохнула, не особенно удовлетворенная услышанным, а Витя перехватил инициативу:

– А мы друзья, уважаемый Крумм?

– Да, – последовал новый ответ, уверенный и быстрый.

– Но ведь это ты завел нас к арсилитам, которые бросили нас за решетку!

– Все ошибаются. Крумм не знал, что Славород так зол на чужеродцев... – Кот вскинул голову, широко распахнув глаза, и весомо добавил: – Вы спасли Крумма. Поможете спасти Киртану. За это Крумм поможет вам вернуться домой.

Ребята снова переглянулись. И хотя над пустошью царила темень, они уловили взгляды друг друга. Взгляды, в которых смешались неуверенность, отчаянье и едва теплящаяся надежда.

– Что ты имеешь в виду? – за всех спросил Витя, поправляя очки.

– Вы верхушечники, – подтверждая свои слова, звероморф посмотрел на высокий потолок каверны. – Крумм слышал про один из необычных Локо. Должен ходить не по струнам, а вверх-вниз, только никогда этого не делал. Он в одной из удаленных каверн, называется Околица. Долгий путь. Но если сестра будет спасена, Крумм ответит.

Витя, Настя и Дима едва сдержали громкие вздохи облегчения. Подумать только – тут, внизу, глубоко под Спасгородом не только находились новые шахты, входившие в систему Багряного Протокола, но и обитал самый настоящий Лифт!

Первой не удержалась девочка – бросилась к братьям, обняла крепко-крепко, радостно подвывая. Те тоже улыбнулись, обнадеженные новостью, и вот уже все трое прыгали на месте, сцепившись в клубок и негромко похохатывая. Крумм, наблюдавший за ликованием заботинцев, превратился в статую.

– Погодите... – Витя решил прервать веселье, на всякий случай обернувшись к поселку – не услышала ли стража Сильнейших? – Радоваться рано, друзья. Если Лифт застрял тут со времен строительства Спасгорода, он может оказаться неисправен.

– Но это лучше, чем ничего! – не согласился с ним брат, дышащий так часто, будто пробежал стометровку. – Выше нос, братишка, мы выберемся!

– Но для этого... – многозначительно прошептала Настя, мотнув головой в сторону звероморфа.

– ...нам нужно помочь Крумму, – закончил за нее Витя, часто и нетерпеливо кивая. – Крумм, а как ты вообще представляешь себе наше участие в освобождении твоей сестры? Мы ведь не можем атаковать Следопытов.

– Крумм понимает, – важно кивнул тот. – Но Крумм лишь звероморф. А вы – среднее между гулами и арсилитами. У вас есть руки, изворотливость и острый ум. Вы придумаете, Крумм верит.

Какое-то время дети молчали, пытаясь, по примеру советника Гладауда, обменяться мыслями, хоть и безуспешно. Затем Дмитрий шагнул к коту, задумчиво потирая ладони.

– Тогда мы предлагаем Крумму сделку, – сказал он, глядя животному прямо в глаза (сейчас голова зверя находилась на одном уровне с головой мальчика). – Ты покажешь нам исправный Лифт, который сможет нас поднять, а после этого мы идем выручать твою сестру. Согласен?

Теперь задумался полосатый хищник. Не мигая, смотрел он на мальчика, словно испытывал и хотел переиграть в гляделки. А затем кивнул и протянул ему тяжелую правую лапу.

– Крумм принимает сделку, – донеслось из ошейника звероморфа. – Крумм не лжет. Вы спасете Киртану. Потом домой.

Димка, не без опаски ухватившись за лапу, пожал ее, почувствовав, какие страшные когти скрывает пушистый мех. Витя и Настя кивнули, соглашаясь со справедливостью заключенного договора.

– А как нам попасть к этому Лифту? – спросила девочка.

– На Околицу можно пешком через каверны. – Крумм поднялся, встряхнувшись от макушки до кончика хвоста. – Но это долго. Опасно. Лавовые реки и провалы. Ядовитый газ. Не каждый дойдет. Можно на Локо, ближайший находится у Крумма за спиной.

Ребята дружно посмотрели на швартовочную мачту, темневшую неподалеку. Переглянулись в третий раз. И облегченно вздохнули, приободренные столь удачным поворотом событий. Казалось, еще чуть-чуть – и об арсилитском плене можно будет благополучно забыть как о страшном сне!

Угадав их намерения, кот развернулся и направился к вышке, уверенно выбирая тропу среди валунов и невысоких колючих кустарников. Ребята последовали за ним, бросив последний взгляд на Средоточие Покоя, и не подозревавшее, что его пленники ускользнули...

Подножия мачты они достигли только через четверть часа – высокое сооружение оказалось дальше, чем это представлялось от границ поселка. Решетчатая металлическая конструкция, сужавшаяся к вершине, возвышалась над ними грозным перстом, почти касаясь потолочных канатов, исчезавших в проломах-порталах. Теперь стала заметна и обтекаемая кабина компактного одновагонного монорельса, пришвартованного к верхней пассажирской площадке. К ней вела длинная зигзагообразная лестница, забранная в страховочную сетку. С другой стороны массивного основания расположились блочные грузовые подъемники на ручной тяге.

– Ты не идешь? – удивился Витя, первым ставя ногу на железную ступень и берясь за перила. Крумм же, покрутившись на месте, улегся меж камней, вальяжно скрестив передние лапы.

– Вы должны узнать лично... Звероморфы моего вида легко забираются наверх. Но спускаться нам тяжело, – ответил зверь, глядя в сторону. – Если переговоры пройдут успешно, я догоню.

– Переговоры? – нахмурился мальчик, ошарашенно глядя на остальных.

Неужели Крумм подразумевал, что с каким-то вагоном монорельса людям придется договариваться словно с полноценным Лифтом? Димка же, изнывая от нетерпения, отодвинул брата, и через секунду его башмаки гулко застучали по пролетам лестницы. Настя бросилась за ним. Витя, задумавшийся над последними словами зверя, поспешил следом...

Подъем оказался трудным и длительным, но зато согрел беглецов, позволив забыть о холоде уснувшей каверны. Площадка, венчавшая мачту, оказалась просторной, уютной и заботливо обнесенной надежной оградой. Синяя краска на поручнях почти стерлась, уступив ржавчине, металл охлаждал пальцы.

Обогнув ряды скамеек, на которых пассажиры дожидались прибытия вагона, ребята миновали площадку для складирования грузов и приблизились к борту темно-фиолетового эллипса, в котором угадывались очертания прямоугольной двустворчатой двери. Сбоку и чуть в стороне темнела угловатая панель, усыпанная несколькими рядами кнопок, напротив большинства из которых располагались застекленные надписи: «Задавака», «Шустрик», «Толстячок», «Все-на-борт», «Милашка» и многие другие.

– А где Крумм? – спросила Настя, оглядываясь на лестницу (у нас с вами от одного вида на грот с такой высоты закружилась бы голова). – Он что, остался внизу? – искренне удивилась она.

Девочка попыталась разглядеть у подножия серо-желтое пятнышко, но окрас кошачьей шкуры идеально сливался с фоном равнины. Витя молча кивнул, рассматривая подписанные кнопочки и не спеша озвучивать невеселые предположения. А Дима уже ковырялся в пульте открывания дверей, ворча что-то себе под нос.

– Где же тут протокольная комбинация? – забубнил он, нажимая наугад несколько кнопок. – А, кажется, вот актив...

И вдруг отскочил от борта, потому что фиолетовый бок вздрогнул, как у пробуждающегося животного, а над входом вспыхнули лиловые диоды.

– Что за безобразие? – сонным голосом осведомился Локо, заставив детей пооткрывать

рты. – Ты, гул немый, куда лезешь своими тыкалками?!

Из планшета протокольного доступа (отдаленно напоминавшего привычные планшеты любого Лифта) выдвинулась крохотная гибкая амбикамера и уставилась на Димку. Динамики кабины прокашлялись, к глубокому сожалению Виктора, подтверждая его опасения.

– Ну-ка, брысь, нищелюды! – Локо повысил голос. – Штепсель задарма не возит, сколько можно повторять?

Дети опешили. Все трое никак не ожидали услышать связную речь от механизма, который посчитали послушной потолочной вагонеткой. Неужели у подземных родичей спасгородских Лифтов было так много общего? Судя по прежним приключениям, это могло стать проблемой. Возвращение домой, казавшееся таким легкодостижимым, вдруг подернулось дымкой неопределенности и возможных трудностей. Настя и Димка уставились на брата, призывая его интеллект включиться и побыстрее найти ответы на их невысказанные вопросы.

– Здравствуйте, – неуверенно произнес мальчик, – вы нас понимаете?

– Чего бы не понимать? – недовольно и удивленно переспросил Локо, внутри которого мягко зашуршали активированные моторы. – Шляются тут всякие, подбросить умоляют, правила нарушают. Чего нужно?

– Нам бы воспользоваться вашими услугами и добраться до дальней каверны, которую называют Околица, – подступив поближе к планшету, очень вежливо продолжил Витя. Горячка подъема на мачту отступала, и гулявшие под потолком сквозняки начинали забираться под куртку, неприятно холодя кожу. – Какой протокол нам для этого нужно использовать?

– Протокол? – окончательно проснувшись, хмыкнул Локо. – Давненько такого слова не слышал... Рассуждаешь, молодой гул, будто верхушечник из прошлого. Хотя вы ж на ум туговаты, что с вас взять... До Околицы, говоришь? Могу подбросить, точно так. Но повторюсь – задарма не вожу. Давайте четыре полновесных кристалла, и в путь.

В планшете тут же приоткрылся небольшой овальный лючок, из которого плавно выдвинулась пластина. Будто кабина протягивала нашим героям ладонь. Те же, не понимая, чего хочет Штепсель, оторопело уставились на приемник.

– Каких кристаллов? – подавленно спросил за всех Виктор, даже не успев тщательно сформулировать мысль.

– Ага... – понимающе констатировал Локо, с шипением втягивая пластину и захлопывая люк. – Значит, все-таки попрошайки. Так, гулы мои разлюбезные... валите-ка отсюда подобру-поздорову. Нет синдрия – нет рейса! А теперь – кыш.

Витька чуть не задохнулся от бестактности вагона. И уже собирался возразить, как его опередил Димка. Брат решительно подступил к планшету, вынимая из ранца универсальную ключ-карту и потрясая ею перед объективом камеры.

– Не советую спорить, Штепсель! – лицо разозленного мальчика покраснелось, а губы подрагивали. – Мы обладаем всеми необходимыми полномочиями, а уровень доступа позволяет активировать любые протоколы, даже «Багратион»!

– «Багратион»? – насмешливо осведомился Штепсель, переводя «взгляд» на Диму. – Что-то знакомое, из древности... Право слово, какие вы забавные. Кичатся тут побрякушками, обдурить хотят. Твою карту, юный гул, только под ножку стола подкладывать, чтобы не качался. Нет ей цены. А теперь – брысь. Найдете синдрия, тогда и поговорим...

Диоды Штепселя разом погасли, а шнур амбикамеры проворно втянулся в обтекаемый и потертый борт кабины. На мачте воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Димки. Мальчик сунулся было к планшету, но Витя мягко ухватил его под локоть. Потянул к лестнице, покачав головой – не стоит, брат, гнев тут не поможет.

Спускались в молчании, тяжелом настолько, что казалось, будто им на плечи взвалили по мешку с гайками. Настя с мольбой посматривала на Витю, догадавшись, что тот первым

разгадал необычное поведение механизма. Димка пыхтел от злости, как закипающий чайник. Крумм, отметив возвращение ребят открытием одного зеленого глаза, даже не повернул головы.

– Ты не сказал, что для поездки на Локо нам понадобится какой-то там синдриний! – сдерживаясь, чтобы не повысить голос, упрекнул его Виктор, нависая над разлегшимся котом. – Ты знал, что «переговоры» зайдут в тупик!

– Вы должны были убедиться лично, – спокойно ответил тот, широко зевая, потягиваясь и мягко поднимаясь на лапы. – Крумма никто не спрашивал про синдриний.

– А может, – подозрительно вставил Дмитрий, – ты не хочешь выполнить свою часть уговора и сначала показать нам Ли... то есть Локо?

– Крумм хочет. Но теперь вы знаете, что без камней это невозможно. И все же забытый Локо существует. Могу поклясться...

Витька фыркнул, готовый к взрыву, и даже не заметил, что на носу покосились очки. Сделка, предложенная хвостатым обитателем подземелий, начиналась с нарушения первого пункта...

– Зачем же ты погнал нас наверх?

– Показывал, как все устроено. А еще пропускал патруль, – все так же неспешно ответил человеку звероморф. – Крумм указал Сильнейшим, что видел подозрительных гулов на южной окраине каверны. Теперь портал на Цветокамень открыт.

Виктор замер с отвисшей челюстью. Осмотрелся, словно арсилиты могли неожиданно вернуться. Закрыл рот, шумно втянув воздух носом. Его праведный гнев был охлажден так изящно и небрежно, что у мальчишки заболел живот. Димка, наконец распознавший хитрость зверя, взлохматил волосы, насупился и проворчал:

– Спасибо... Значит, ты заранее знал, что нам придется идти в Цветокамень?

Кот кивнул, томно прищурившись.

– Эту каверну населяют гулы-рудокобы, – произнес он, неспешно обходя людей по кругу. Заметив, как напряглись их плечи при упоминании о гулах, добавил: – Не такие, как клан Бордима Измельчителя. Сильные, но миролюбивые. В большинстве. Если искать синдриний, то у них – первым делом.

Настя, тихонько наблюдавшая за переговорами, с облегчением выпустила кончик косы, которую теребила вот уже несколько минут. Крумм на деле доказал, что не выдаст заботинцев арсилитам, и в ее сердце ожила надежда.

– Идите за мной, пока солдаты не вернулись на дорогу, – распорядился морф, грациозно прыгая по валунам в сторону ближайшей стены каверны. – И не отставайте. Привал будет только после портала...

Вытянувшись в цепочку, трое детей и ведущее их разумное животное двинулись вперед. Несмотря на то что зачастую им приходилось петлять (огибая отдельно стоящие домики местных), курс выдерживался строго на одну из пещер, темневших в стене грота. Чем ближе подбирались четверо к внешней границе, тем пронзительнее становилось шипение пара, а мерный *вжух-фшиш-бум* трамбовочных машин гулко отдавался в диафрагмах.

Звероморф не обманул – торговый тракт, уведивший прочь из Средоточия Покоя, оказался пуст, как и замаскированное в кораллах укрытие дорожной стражи. Миновав блокпост со всей возможной скоростью и осторожностью, путешественники взобрались на подъем... и скрылись в широком тоннеле, наконец-то покинув обитель Славорода.

Здесь оказалось значительно холоднее и темнее, чем в каверне, – на потолке не было заметно ни одной светящейся колонии, даже задремавшей. Взявшись за руки, ребята сбавили скорость, беспрестанно спотыкаясь и стараясь не ойкать, когда кто-то из них норовил упасть.

Крумм, заметив беспомощность человечков, позволил Насте положить руку ему на загривок, из проводника превратившись в поводыря. Девочка послушалась, хоть и не без испуга, но совсем скоро успокоилась – перекачивание мускулов животного под мягкой шкурой умиротворяло и вселяло уверенность. Однако когда особенных плодов не принесла и

эта тактика (троица по-прежнему рисковала вывихнуть лодыжки), хвостатый отвел отряд к стене портала, подальше от наезженной тележной колеи.

– Придется переждать, иначе друзья Крумма переломают ноги, – негромко промурчал он. – Укладывайтесь и отдохните. Мы войдем в Цветокамень с началом Цикла Бодрствования.

И принялся моститься сам, совершенно невидимый в темноте – лишь долетало до лиц его теплое влажное дыхание. Дети опустили на четвереньки, послушно выискивая на земле площадку поровнее и стараясь не оцарапать ладони. Анастасия вынула плед, под головы подложили ранцы. Сбившись в плотную кучку, все трое улеглись бок о бок, дрожа от усталости и холода. Они были так измотаны, что даже не нашли в себе сил на новые расспросы...

Димка отключился без промедления. Настя, лежавшая в середине, сперва мысленно помолилась Всемогушим Процессорам за здоровье мамы и папы, а также за благополучное возвращение домой. И только Витька, неохотно проваливаясь в мир грез, все продолжал размышлять, что Локо являются по сути архаичными предшественниками Лифтов, более простыми и давно не калиброванными. И даже выглядят похоже – те же обтекаемые цилиндры, только положенные набок и подвешенные на потолочный рельс...

Когда близнецы окончательно заснули, мелко вздрагивая и постукивая зубами, Крумм поднял голову и с недовольством осмотрел бивак. Затем неохотно поднялся со своего места. Обнюхав всех троих, покачал головой и передвинулся поближе, бесшумно улегшись так, чтобы маленькие беглецы оказались у него прямо под теплым боком...

Пробуждение оказалось неприятным – несмотря на несколько часов отдыха, мышцы заботинцев задеревенели, а суставы ныли.

Первым глаза открыл Димка. Вздрогнул всем телом, приподнялся и потер глаза, в первые секунды бодрствования даже не сообразив, где находится. Крумм, заблаговременно отодвинувшийся подальше, как ни в чем не бывало вылизывал заднюю лапу, искоса поглядывая на двуногих. Светящиеся пятна на потолке портала-тоннеля разгорались все ярче; по одной из черных железных струн с лязгом, дребезжанием и свистом пролетела кабина незнакомого Локо. Мир Катакомбурга просыпался, возвращаясь к повседневным делам и даже не подозревая, что в его недрах ищут дорогу домой три маленьких инородных существа.

Вслед за братом глаза открыла Настя, затем и Витя.

– Мне снилось что-то мягкое и безопасное, – со смущением поделилась девочка, будто оправдываясь, что ей спалось комфортнее всех.

Но мальчишки посмотрели на нее с недоумением – их сны спокойными или безопасными назвать было никак нельзя. Само же «мягкое и безопасное», весь Цикл Засыпания оберегавшее покой странников, никак не прокомментировало слова человека, продолжая умыться. В отличие от людей, умный зверь каверн был лишен тщеславия, предпочитая заботу о товарищах держать в секрете.

– А вам что-нибудь снилось? – поинтересовалась сестра.

– Рифмователь, – с грустью признался Витя. – Обездвиженный и разбитый. В нем поселились крохотные летающие зверьки, и это было ужасно.

– Мне ничего не снилось, – слишком поспешно отозвался Дмитрий.

На самом деле он просто не спешил делиться своими снами. Во-первых, потому, что считал подобные разговоры уделом девчонок, недостойным настоящего мужчины. А во-вторых, потому, что во время отдыха мальчику приснились Летяга Младшая и полет на дельтаплане Ходящих, и он не хотел снова становиться объектом насмешек, пусть даже дружелюбных...

Сотрясаемые ознобом, близнецы поднялись на ноги и торопливо собрали импровизированный лагерь, разбитый меж бугристых валунов. Сделали энергичную зарядку, пытаясь хоть как-то согреться, после чего выжидающе уставились на звероморфа.

– Друзья Крумма готовы идти? – без эмоций произнес кошачий ошейник, транслируя

мысленные конструкции животного.

В ответ все трое кивнули, с опаской поглядывая в сторону Средоточия Покоя. Над головой, теперь в обратную сторону, прокатился еще один Локо, увесисто покачиваясь на тугой струне.

Димка нахмурился, полагая, что их могли заметить сквозь овальные иллюминаторы кабины. Виктор при этом с сожалением вздохнул: он вспомнил, что заветный Лифт был так близок, но при этом оставался недостижимым...

Морф вышел на дорогу, осматриваясь и нюхая воздух.

Из Цветокамня в Средоточие медленно прокатилась массивная жестяная телега на паровом ходу. Самокатная коробка на шести ребристых колесах была глухо задраена со всех сторон, не позволяя рассмотреть сидящих внутри. Узкие запертые окна больше напоминали стрелковые бойницы. Но Крумм беспокойства не проявил, и ребята тоже остались на месте, несколько раз чихнув от мороси окутавшего их пара. Затем, держась колеи, они цепочкой затопали за саблезубым котом, все еще поеживаясь и бесконечно тоскуя по дому...

Димкино отбитое колено опять заныло, но мальчик не подавал виду. Витя время от времени тихонько покашливал, доказывая, что ночевка на голой земле не прошла бесследно.

Вскоре впереди показался выход из тоннеля – неровный овальный пролом, по краям укрепленный тяжеленными металлическими скобами. За ним виднелся простор очередной каверны, освещенной бледно-розовым, отчего казалось, что путники и их проводник шагают напрямик в остывающий кузнечный горн. Чем ближе подходили они к гроту, который Крумм называл Цветокамнем, тем теплее становилось, и заботинцы даже расстегнули куртки. На границе портала звероморф замедлился, давая возможность насладиться картиной и привыкнуть к красноватому освещению, рожденному потолочными колониями плесени...

Эта каверна оказалась просторной, как и встреченные ранее. Тарелкообразный центр был заселен, а покатые края плавно перетекали во внешние стены-границы, укрепленные знакомыми приборами для контроля и сдерживания подземной породы. В них виднелись уже ставшие привычными провалы порталов-тоннелей; наверху поблескивали в красном свечении струны разумных Локо. Главным же отличием Цветокамня от Средоточия являлось то, что грот не был занят единым поселением.

Дальнюю часть каверны (примерно треть) занимал просторный карьер, выкопанный прямо в дне. По спиралевидным дорогам его стен-ярусов медленно и упрямо ползли груженные рудой паровые телеги и повозки, запряженные рогатыми звероморфами. С легкостью преодолевая немалое расстояние, до ребят долетали мерное *уух-бабац-уух-бабац* пневматических молотков и задорный лязг обыкновенных ручных кирок.

В ближней части пещеры разместился компактный городок – сам Цветокамень, как пояснил Крумм. На его окраинах высились сортировочные базы и склады, но жилые кварталы и узкие улочки казались самыми что ни на есть обыкновенными, очень похожими на поселки Спасгорода. За исключением того, что местные жители строили свои дома из натурального камня, придавая им форму массивную, тяжеловесную и разительно отличающуюся от приторно-легкой арсилитской архитектуры.

Рассмотрели близнецы и колонии светящейся плесени на потолке грота (преобладали, как было видно еще из тоннеля, оттенки красного), и подпиравшие потолок колонны, и швартовочные мачты суетливых Локо, разбросанные по всей каверне. Над карьером висело густое серо-желтое облако, неспешно втягиваемое в массивные установки по очистке воздуха. Допотопные предшественники Потока дрожали, гремели и дребезжали, грозя развалиться с минуты на минуту. Но с задачей пока справлялись, исправно всасывая вихрящиеся струи каменной пыли...

Постояв пару минут, Крумм шагнул на дорогу, уводящую к поселку. Переглянувшись, наши герои поспешили за ним, все еще приходя в себя – ну кто в здравом уме и трезвой памяти вообще поверит им, когда они расскажут, что под Спасгородом творится *такое* ?!

Идти стало легче – теперь тройняшки и зверь двигались под уклон.

Настя украдкой осматривалась. Витя пальцем чертил на ладони мудреную схему,

пытаясь хотя бы примерно предположить (впрочем, безрезультатно), под какой из полян города они оказались теперь. И только Дима вертел головой во все стороны, даже забыв про больную ногу. Заметил шагающие машины, очень похожие на ходунов Глиняных Следопытов (те волокли невысокие тачки с грузами или пассажирами), а также несколько наглухо обшитых листовым железом самокатов, пробиравшихся сквозь коралловые рощи на окраинах грота в окружении белоснежных облаков пара. Он же первым обратил внимание, что дома местных гулов больше напоминают армейские бункеры, а Цветокамень совсем не имеет ни городских стен, ни дозорных вышек.

– Поля... то есть каверна, конечно же... – обратился он к четвероногому проводнику, – эта каверна вообще не охраняется?

– Гулов Цветокамня невыгодно трогать, – охотно ответил Крумм, глядя на дорогу и помахивая хвостом. Казалось, после того как они покинули владения арсилитов, кот немного успокоился и перестал все время держаться настороже. – Они самые талантливые шахтеры и добытчики во всем Катакомбурге. Ограбить их – плюнуть в лицо всем кланам. А войн на истребление здесь почти не ведут. Противостояния сводятся к редким набегам на враждебных соседей. Или честным судебным схваткам... Если, конечно, Крумм не вспомнит Чистку Первой Трансмутации. Но этого Крумм помнить не может.

– Значит, гулы Цветокамня – мирный клан? – недоверчиво уточнил Витя, всматриваясь в узкие, будто бойницы, окна городских домов и щелевидные иллюминаторы самокатов.

– Верно, – важно кивнул звероморф. – А если доходит до набега обезумевших от жадности соседей, – добавил он, словно проследив за взглядом мальчика, – то каждый дом поселка превращается в неприступную крепость.

– Почему же тогда арсилиты Славорода обнесли свой город колючками и выставляют дозоры? – удивилась Настя, включаясь в разговор. – Они чего-то боятся?

– Все дело в мозгах, – фыркнул Крумм так, будто откусил что-то кислое или протухшее. – Агрессия, зависть, тщеславие. Такими их создала Мать Природа после Развилки Идентичности. А еще Славород постепенно подминает под себя кланы сородичей. Крумм на его месте тоже был бы постоянно готов к ответному удару.

Поселок приближался.

Мимо путешественников оглушительно прогремел открытый самокат со здоровенной цистерной в задней части. На водительском сиденье восседал крепкий бритоголовый мужичок, покрытый татуировками. Выступающей вперед челюстью и вытянутыми ушами водовоз сразу напомнил ребятам воинственных Следопытов, но на этом сходство заканчивалось, и они облегченно выдохнули.

Подземный ветер все чаще бросал в лицо пыль, принесенную с карьера. Красное свечение, падавшее с потолка каверны, окутывало Цветокамень таинственными и мрачноватыми красками, заставляя вспомнить о системах аварийного освещения родного Спасгорода.

– А местные не выдадут нас арсилитам князя? – пытаюсь просчитать все последствия их визита в поселок, спросил Виктор, поправляя треснувшие очки.

– Нет. – Крумм игриво поддел когтем лежащий на дороге камень, отправляя его в коралловый куст. – Гулам Цветокамня нет дела до клана Сильнейших. Грот остается символом нейтралитета между двумя расами. Даже если шпионы Славорода заметят Крумма и его друзей, напасть не решатся.

– Побоятся?

– Не захотят портить отношения с купцами. Обитателей Цветокамня интересуют только самоцветы. И торговля. Они вообще что угодно готовы продать или купить. Могут и собственный дом, если устроит цена. Но только не рабов и не пленников. Брезгуют.

Такое объяснение определенно успокоило тройняшек, и они зашагали чуть бодрее. Димка даже начал легкомысленно насвистывать, теперь изучая местных жителей без опаски, с откровенным интересом. А посмотреть было на что...

Как и Глиняные, цветокаменцы оказались коренасты, невысоки и широкоплечи. Кожа

их потемнела от въевшейся карьерной пыли, став темно-коричневой. Одежда (в основном песочного цвета) отличалась простотой и надежностью; многие встречные были вооружены кинжалами, причудливыми пистолетами и боевыми палицами. Как знак некоего социального отличия, часть мужчин носили длинные грубые перчатки из желтого материала, похожего на брезент; на запястьях плотно сбитых женщин виднелись желтые и белые браслеты, позвякивающие при ходьбе. Немало мелькало и упомянутых ранее самоцветов: как качественно оправленных в драгоценные металлы, так и простеньких, собранных в бусы, серьги или подвески.

Также одним из самых распространенных украшений гулов были татуировки. Они густо украшали не только руки, но даже шеи, лица и бритые затылки. А еще, и это первым заметил Витька, особенным почетом в данном клане пользовались волосы. Однако не свои...

Дело в том, что сами гулы-шахтеры пышными шевелюрами похвастаться не могли. У мужчин почти не росли ни усы, ни борода, а макушки свои они выскабливали гладко, до блеска. И даже женские прически казались жиденькими и бедными. А вот париков (самых разнообразных и подчас очень забавных), накладных бород, косичек и просто подвешенных к одежде пучков-султанов тут хватало в избытке.

Как пояснил Крумм, к гулской коже их приклеивали специальным составом, основным компонентом которого была коралловая смола. И одного взгляда на эти диковинные аксессуары хватало, чтобы определить уровень достатка цветокаменца или его положение в обществе.

Кроме местных жителей, Цветокамень наполняли гости из самых разных каверн. Были тут и арсилиты, носящие эмблемы незнакомых кланов, и другие гулы, узнавать которых ребята уже научились по их богатырскому телосложению. Послы, шпионы, разнорабочие, шахтеры, ювелиры, торговцы и просто гуляки задавали каменному поселению своеобразный пульсирующий ритм, общаясь, заключая сделки, жарко споря или попивая грибной отвар на открытых террасах таверн. Над городком то и дело проносились кабинки Локо.

– Знаете... а мне страшно, – тихонько призналась Настя, и мальчишки обменялись тревожными взглядами.

Они не хотели подтверждать слова сестры, но были с ними согласны. Все трое уже не раз переступали через собственный страх. Но одно дело быть схваченными, например, бригадой червяков – пусть ужасных, но *своих*, спасгородских, когда вокруг надежные стены. И совсем другое – угодить в мир настолько чужой, непохожий на все, что они видели ранее...

Крумм, не обращая внимания на уличную толчею, вел их в центр поселка. Домики, издали казавшиеся угрюмыми монолитами, вблизи предстали чуть иными – наличники узких окон украшала каменная вязь; на столбах виднелись фонари в стеклянных колпаках, под которыми крылись лампы незнакомой формы. Брусчатка под ногами была подогнана плотно-плотно, с любовью и заботой, а между терракоотовыми булыжниками не пролезла бы и игла.

В центре Цветокамня, как и в большинстве знакомых близнецам поселений, обнаружилась просторная площадь. Часть ее занимал рынок (здесь гомон и гул сделались еще громче), часть была отведена под угрюмый дом старейшины клана. Изысками тот не блистал, больше напоминая пирамиду из здоровенных кирпичей, но впечатление неприступности создавал исправно. На аллее перед фортом князя к потолку каверны поднималась дюжина каменных четырехгранных столбов, украшенных резьбой и огромным количеством самоцветов.

– Ух ты, как красиво! – Димка покачал головой с таким знанием дела, будто всю жизнь имел дело с драгоценными камнями. – Впечатляет. Скажи, Вить?

Тот покивал, не сводя настороженного взгляда с толпы. Ему казалось, что за чужаками наблюдают, причем совсем не дружелюбно. Да, окружавшие их существа выглядели работающими, улыбчивыми и незлобными. Допустим, тут чужаков даже принимали за каких-то не совсем обычных арсилитов. Но взгляды, бросаемые местными на сестру, отчего-то не давали покоя – взгляды любопытные, жадные, наполненные неприкрытого восхищения...

Крумм уселся у входа в торговый ряд, а девочка приблизилась к одной из резных стел.

– Это памятники? – спросила она звероморфа. – Как наш Штык Свободы?

– Крумм не знает, что такое Штык Свободы, – ответил хвостатый, прикрыв глаза и разглядывая прохожих через крохотные щелки. – Шахтеры Цветокамня называют их Столбами Возвеличивания. Они вставляют в них самые красивые и редкие камни, найденные под землей. А у центральной колонны гости клана любят загадывать желания.

– И что, желания сбываются? – удивилась Настя. С одной стороны, она совсем не верила в подобные предрассудки. Однако частичка ее души вдруг захотела прикоснуться и загадать.

– Крумм не пробовал.

В стелы кольцевого периметра были густо вмонтированы самые яркие и памятные сокровища клана – гостью со всех сторон окружали камни различных размеров и цветов: кроваво-алые, глубоко-ультрамариновые, нестерпимо-зеленые, солнечно-оранжевые и даже полосатые; заботливо ограненные и вмурованные в бронзовые оправки в своем изначальном виде. Определенно, рудокопы Цветокамня были усердными и умелыми добытчиками! Однако внимание девочки привлек простой, безупречно-гладкий овальный голыш, пронизанный полупрозрачными сине-изумрудными полосами – вроде и не самая бросающаяся драгоценность в экспозиции, но отчего-то так захотелось прижать его к груди...

Косясь на «полосатика», Настя прошла внутрь круга, внимательно осматривая главный столб, «отвечающий за желания». Над камнями центральной колонны располагались примитивные резные картинки, доступно поясняющие, что красный продолговатый рубин поможет в военных делах; а нежно-синий кристалл поспособствует укреплению семьи; иные самоцветы отвечали за любовь, здоровье, удачу или мудрость.

Поразмыслив и выбрав нужную пиктограмму (не без смущения, потому что братья наблюдали с плохо скрываемым скепсисом), девочка потянулась вверх, коснулась бирюзовой звездочки и прошептала:

– Хочу, чтобы у папы и мамы все было хорошо и чтобы они не болели.

И отошла, виновато глядя на Крумма. Однако тот казался равнодушным, никак не отреагировав. А вот Витя вдруг усмехнулся.

– Почему бы и нет? – спросил он сам себя, тоже входя в хоровод Столбов Возвеличивания.

Мальчик решительно не верил в их магическую силу. Но хотел поддержать сестру. Выбрал нужный камень, положил на него ладонь.

– Хочу благополучного и скорейшего возвращения домой, – негромко сказал он, ощутив, какой пронзительно-холодной и безжизненной может оказаться прекрасная на вид вещь.

Настя улыбнулась, а затем, подняв бровь, выжидающе уставилась на Димку. Тот, фыркнув так, будто его заставляли делать что-то совсем уж непотребное, тоже приблизился. Выбрал талисман, дотронулся пальцами. Задумался, что-то пробормотал и вдруг покраснел.

– Что ты загадал? – поинтересовалась девочка.

– Да так... – Димка облизнул пересохшие губы, мысленно поклявшись, что никогда не расскажет о загаданном, даже под страхом смерти.

– Ну скажи...

– Настюха, не донимай...

– Крумм полагает, что нужно двигаться дальше, – вдруг сказал кот, прерывая диалог. – Ряды, где торгуют синдринием, находятся за спиной Крумма. Идите за мной.

Покинул кольцо каменных колонн и целенаправленно устремился в глубь рынка. Ребята поспешили следом, сразу угодив в ущелье из глиняных палаток, откуда их зазывали попробовать новый вид рыбы или похлебку с грибами, купить платок, кольцо или новую рессору для самоката. Сначала дети попытались отнекиваться, вежливо кивая каждому торговцу на своем пути. Но Крумм смерил их таким многозначительным взглядом, что они потупились и дальше топали молча.

– А вообще они милые, – прошептала Настя, когда братья оказались близко. – Трудяги, сразу видно. И не злые совсем.

Звероморф, важно вышагивавший впереди, дернул ушами и вдруг остановился. Сел, развернувшись к близнецам, и глаза его недобро сверкнули.

– Да, цветокаменцы мирный и открытый клан, юная верхушечница, – негромко проурчал он. Посетители рынка вежливо обходили кота, стараясь не наступить ему на хвост. – Но Крумм на вашем месте не стал бы обольщаться. Когда речь заходит о камнях или ценностях, любой гул из этого города просто... как вы обычно говорите?... да, теряет голову. Помните об этом, друзья.

И двинулся дальше, оставив ребят в недоумении от этого предостережения. Впрочем, звероморф был прав – может, после Средоточия Покоя поселок гулов и казался безопасным местом. Но странники до сих пор пребывали на чужой земле и не имели права терять бдительность.

Наконец все четверо вышли к рядам, где торговали таинственным синдринием. Тот оказался бледно-зеленым полупрозрачным кристаллом, похожим на куски крупной спрессованной соли. Витька заметно оживился, с интересом рассматривая незнакомый минерал, который ему прямо-таки не терпелось подержать в руках. Фрагменты синдриния самых разных размеров заполняли прилавки слева и справа. Самые крупные обломки лежали на лучших местах, товар подешевле (часто в виде крошек или перетертой в пыль породы) был разложен поодаль. Покупатели шли валом, что подтверждало популярность и востребованность странного элемента, необходимого для переговоров с Локо.

– Штепсель просил четыре кристалла... Столько нужно для поездки к Лифту? – озабоченно поинтересовалась Настя, наблюдая, как двое арсилитов в длинных фиолетовых одеждах торгуются с приземистым бритоголовым гулом.

– Все зависит от места отбытия, – ответил Крумм. – Спросите продавцов, звероморфы редко пользуются потолочниками...

Витька отчего-то засмутился, вмиг растеряв привычное красноречие, но их выручил Димка. Взлохматил волосы, собираясь с духом. Затем с видом бывалого покупателя подошел к ближайшему прилавку, за которым сидел молодой гул с тремя жидкими косичками, приклеенными к щекам и гладкому подбородку. Заметив интерес чужака, он сразу взялся нахваливать товар:

– Самый чистый и качественный синдриний! – Шахтер обвел свои богатства рукой, любовно прикасаясь к самым крупным и ярким кристаллам. – Совсем не разбавленный! Есть транспортный, есть оружейный! Для минимальной поездки хватит всего пары граммов!

– Почему? – вздернув подбородок, с деланным равнодушием спросил Дмитрий. Из-за невысокого роста цветокаменцев прилавков доходил ему до груди, не вынуждая вставать на цыпочки.

– Сорок арсилитских сребров. Если платите местной чеканкой, то отдам за двадцать пять. Если нужен разменник, мой дядя держит пункт переоценки, я могу отправить слугу произвести конвертацию. – Продавец многозначительно посмотрел направо в конец ряда, где виднелась отдельно стоящая будка предприимчивого родственника.

– Поня-атно, – протянул мальчик, отступая от прилавка.

Цветокаменец сразу приуныл, забормотав, что готов торговаться и уступить пару сребров. Но заметив, что посетитель не собирается ничего покупать, поморщился и сделал пальцами знак, оберегающий его торговую удачу.

– Цена удовлетворительная, – прокомментировал Крумм, кивнув Димке.

– А какая разница? – раздраженно отмахнулся тот. – У нас все равно нет местных денег. У нас никаких денег нет.

– И вообще ничего ценного, – вздохнула Настя. – Может, он возьмет браслет контроля над Карлом? Или плед из Рифмователя? Он почти целый...

– Да-да, я готов к натуральному обмену! – радостно донеслось из полумрака лавки. – Сторгуемся!

Дети переглянулись, взяв на заметку, что у гулов очень тонкий слух. Они вдруг осознали, что им действительно нечего предложить за кристаллы, запрошенные Штепселем. А продавец, поглаживая искусственные косички и вертя золоченые кольца на толстых пальцах, невозмутимо продолжал:

– Я уверен, что у вас есть ценности, которые можно обменять на синдрий! – молодой гул расплылся в улыбке, будто ребята были его давними друзьями, наконец-то заглянувшими в гости. – При обоюдовыгодном торге останутся довольны обе стороны!

– Что ты имеешь в виду? – осторожно поинтересовался Дмитрий, и все трое подступили поближе. Крумм остался на прежнем месте, молча наблюдая за разговором. – Тебе правда нужен наш плед?

– Нет-нет, благодарю покорно, – коротышка поклонился, приложив огромную ладонь к широкой груди. – Но если бы юная арсилитка согласилась срезать свои чудесные волосы, я мог бы отдать за них полкило самых чистых камней!

Димка собрался что-то сказать торговцу, да так и замер с полуоткрытым ртом. Витька икнул, не совсем понимая, о чем толкует местный. А Настя побледнела, вцепившись в кончик косы так, будто ее собирались отрезать силой.

– Чего-о? – выдавил наконец Дмитрий, не веря своим ушам.

– Волосы, – терпеливо повторил торговец, тыча пальцем в девочку. – Эти шикарные волосы юной арсилитки, если благородные господа понимают, о чем я толкую. Шесть сотен граммов лучшего синдрия за срезанную косу, и бьем по рукам!

И он принялся тут же перебирать кристаллы, откладывая в сторону крупные обломки (однако далеко не самые прозрачные). На прилавке, будто сделка уже состоялась, появились примитивные чашечные весы из желтого металла, счеты, ворох бумаг и мешок для упаковки.

– Так что? – весело осведомился рудокоп. – Вам выдать ножницы или бритву? А быть может, благородные арсилиты желают посетить парикмахерский салон моей кузины? Это всего через три ряда отсюда, и если...

– Не пытайся облапошить моих друзей, – вдруг сказал Крумм, поднимаясь на лапы и приближаясь к торговой палатке. Улыбка вмиг исчезла со скуластого лица гула. Ребята, не поспевавшие за разворачивающимися событиями, молча наблюдали. – Волосы этой госпожи стоят всей твоей лавки, продавец...

Тот помрачнел. Злобно посмотрел на разумного кота, вмешавшегося в торг, но настаивать не стал. Что-то пробормотал под нос, вернув кристаллы в общую кучу. Но спор прекратил и насупился, даже не пытаясь оспорить факт, что хотел одурачить покупателей. Весы и костяные счеты исчезли под прилавком.

– Ему нужны мои волосы? – ошеломленно прошептала Настя, нервно пряча косу под воротник куртки и испуганно натягивая капюшон. – Как же так?

– Неужели не заметили? – с недовольством осведомился Крумм. – Волосы почти не растут на гулах, но являются главным символом достатка и процветания. За твою косу, девочка, можно купить половину этого рынка...

Витя потер переносицу – теперь ему стало понятно, почему на чужаков с густыми светлыми волосами так пристально смотрели при входе в поселок. А они-то и предположить не могли, что носят на макушках такое богатство...

– Никому я косу не отдам! – с дрожью в голосе, но твердо ответила Настя, затягивая завязки на шее и теребя узелки на шнурках. – Вот еще удумали...

– Твое право, госпожа, – донеслось из-за прилавка. Торговец, чья уловка была сорвана звероморфом, почти потерял к ребятам интерес, но за беседой следил.

– Но может, тебя заинтересует то, что лежит у Димы в заплечной суме? – спросил его Крумм, осторожно втягивая воздух влажным носом.

– А что у него в сумке? – удивился Витя, поворачиваясь к брату.

Димка, дернув щекой, сбросил ранец под ноги. Открыв, вынул тонкую, но очень прочную охотничью сеть, в которую чуть раньше угодил звероморф.

– Прихватил, – сознался мальчик, пожимая плечами. – Думал, может, пригодится.

Виктор повернулся к прилавку, из-за которого за ними внимательно наблюдал гул-продавец. В его глазах снова зажегся интерес, а на лице расцветала знакомая «дружеская» улыбка.

– Феромоновая Петля! – ласково пробормотал он, огибая прилавок и выходя из лавки. Приблизился, бережно ощупывая силок Глиняных Следопытов. – Ловушка на звероморфов!

И ехидно покосился на Крумма, встретившего взгляд гула с непрошибаемой невозмутимостью. На сеть, однако же, морф смотреть не спешил, а уши его мелко подрагивали. Настя, вдруг сообразившая, что именно тяготило ее с момента встречи в Переливчатых Зарослях, шагнула к саблезубому, нагнувшись почти к самой морде.

– Крумм, – негромко позвала она, – не хочешь рассказать, как именно умный зверь вроде тебя мог угодить в такой простой капкан?

– Крумм не хочет, – ответил мохнатый, отворачиваясь и зевая.

– Это особенная сеть, – вместо животного ответил девочке рудокоп, продолжая поглаживать плетеный мешок. – Пропитанная специальным химическим составом, от которого звероморфы теряют самообладание. – Казалось, цветокаменец намеренно издевается над полосатым котом, сорвавшим его план по охмурению чужаков. – А теперь он предлагает вам получить синдриний, отдав мне оружие против своего собственного племени. Какая ирония, не находите?

– Не находим, – тихо произнес Крумм, и его спутникам стало заметно, что зверюгу потряхивает от переполнявшей его, но пока сдерживаемой злости. – Силок все равно бы забрали Следопыты. Конечно, юный господин Дмитрий мог бы уничтожить Петлю. Но пусть лучше она послужит во благо друзьям Крумма...

Гул замолчал, словно раздумывая – продолжить ли ему дразнить четвероногого или переходить к торгу. Выбрав более благоразумный вариант, он аккуратно свернул сеть и положил на прилавок. Рядом невесть как снова оказались весы. Выставив на одну чашку грузики, на другую шахтер принялся бросать зеленые кристаллы.

– Сто, сто десять... сто пятьдесят, – бормотал он, при этом загибая пальцы и другой рукой поглаживая силок, словно тот мог помочь установить финальную цену. – Я дам вам сто семьдесят граммов.

– Двести тридцать, – все еще не поворачиваясь к лавке, отрезал Крумм. – Торга не будет, или мы уходим к твоему соседу!

– Да это же грабеж! – всплеснул руками торговец. – Сто девяносто и мешочек!

– Пойдемте, друзья. – Звероморф медленно встал и лениво потянулся. – Господин Дмитрий, забери Петлю. Крумм уже видит торговца, пожирающего нас глазами. Уверен, он даст двести пятьдесят...

– Хорошо! – выпалил молодой гул со смешными косичками на подбородке и щеках. Покачал головой. – Не уходите... Вот ваш синдриний. Двести тридцать грамм.

И взялся бережно укладывать кристаллы в мешочек, сплетенный из очень плотной серой паутины. Феромоновая Петля, грузы и весы тут же исчезли в недрах палатки.

– Приходите еще! – почти искренне прокричал близнецам жуликоватый продавец, махая рукой, но ребята уже удалялись вслед за звероморфом, даже не попрощавшись.

Настя, теперь зная причину жадных взглядов со стороны, вжала голову в плечи, до хруста ткани натягивая капюшон. Димка на ходу прятал драгоценный товар в ранец, проверяя, надежно ли застегнуты замки. Виктор же глубоко задумался, верно предположив, что теперь им предстоит перейти к следующей части плана. Которого, по сути, и не существовало...

Они вернулись на площадь и аллею со Столбами Возвеличивания. Там Крумм, остановившись и уставившись на наших героев, поспешил тут же озвучить все Витькины опасения.

– Крумм помог добыть синдриний, чтобы добраться до Лифта. – Яркие-зеленые глаза звероморфа сверкали, как драгоценные камни; грудь мерно поднималась и опускалась, выдавая волнение. – Теперь пришел черед придумать, как вы спасете сестру Крумма.

Глава пятая, в которой алчность игнорирует установленные правила, а кое-кто участвует в настоящей гонке на Локо

Близнецы подавленно молчали.

Гомон подземных жителей, наполнявших центральную площадь Цветокамня, стал приглушенным, доносясь до ушей, как сквозь плотное одеяло. Красноватый потолочный свет сгустился, скрип многочисленных Локо по струнам зазвучал резко, пронзительно...

С одной стороны, они, конечно же, обещали помочь звероморфу. Да и поддержку Крумма в течение ближайших суток было трудно переоценить, что требовало отплаты... А каких терзаний тому стоило нахождение в считанных шагах от Петли, смазанной составом, затмевающим сознание? С другой стороны, саблезубый кот уже был обязан им своей свободой. За спиной Димки лежало нужное количество кристаллов, они примерно знали, где найти сговорчивый Локо и о чем его просить, и почти ничто не мешало отправиться домой...

Крумм, разгадав настроение тройняшек, не спускал с них пристального взгляда.

Конечно же, несмотря на соблазн, наши герои решились следовать данному ранее слову. И пусть сердца их в этот момент были тяжелы, а отсрочка возвращения невыносимо угнетала, они обменялись кивками и приняли окончательное решение...

– У тебя есть идеи, как мы можем выручить Киртану? – наконец спросил Витька, настороженно осматриваясь – не подслушивает ли кто? После того как Настя спрятала свои роскошные волосы под капюшоном, внимание местных ослабло, но мальчику все равно казалось, что за ними приглядывают. – Заручиться чьей-то помощью, может быть? Или призвать на подмогу других звероморфов?

– Крумм думал. – Казалось, ответ ребят успокоил животное – кончик хвоста перестал подрагивать, из глаз пропал лихорадочный блеск. – Пока друзья спали в портале, Крумм успел о многом подумать. Звероморфы не помогут: в отличие от кланов, мы живем малыми семьями. Многие ограничены в перемещениях. Помогать в освобождении нам никто не согласится.

– Что же остается? – Димка яростно потер подбородок, озвучив самый страшный вариант развития событий: – Хочешь, чтобы мы сражались с Глиняными Следопытами? Мало того что за нами гонятся арсилиты Славорода, так еще и оружия нет никакого... А эти гулы – воины, сразу заметно.

– Крумму и его друзьям не устоять в сражении, – согласился кот, покачав головой и прижимая уши. – Но они могут выкупить Киртану.

Дмитрий нахмурился, не совсем понимая мысль полосатого животного. Настя поджала губы, а Витя поднял бровь, ожидая продолжения.

– Скоро в каверне Торжище состоится традиционная сходка кланов, – негромко промурчал зубастый звероморф, окольцовывая себя хвостом. – Это время перемирия и запретов на драки. Время сбора делегаций и обмена ценными товарами. Скорее всего, Киртану поведут туда и будут продавать.

– Хм... – Виктор издал глухой неопределенный звук, в полной мере отразивший его мысленную борьбу. – Ты хочешь, чтобы мы выкупили у гулов-охотников твою сестру? Мы, едва сумевшие выторговать мешочек синдриния?

Крумм на это ничего не сказал. То ли полагался на изобретательность и находчивость новых друзей, то ли просто не хотел сотрясать воздух слишком очевидными ответами. Животное кротко вздохнуло, переминаясь с лапы на лапу, и выжидающе уставилось на людей.

– Сколько может стоять пленный звероморф? – вдруг подала голос Настя, заставив братьев удивленно оглянуться. – В сребрах или кристаллах... или что там вообще в ходу на вашем Торжище?

– Ты что это задумала, сестренка? – с недовольными отцовскими нотками осведомился

Димка.

Но девочка проигнорировала его, продолжая буравить взглядом морфа:

– Так сколько?

– По-разному. – Крумм был неподвижен, и лишь скудный подземный ветер едва заметно шевелил длинный песочный мех на его загравке. – Киртана молодая. Сильная. За нее попросят много.

– Сто сребров? Триста? Тысячу? – не унималась Настя, пока мальчики за ее спиной хмурились и пытались угадать, что же она задумала.

– Крумм не силен в ценах, – сознался котяра, опуская голову. Но добавил, покосившись на Столбы Возвеличивания: – Крумм знает, что за любой из подобных камней разбойники отдадут ему Киртану. Следопыты падки на драгоценности, они ведь тоже гулы...

Взгляды детей переместились на Столбы, где они совсем недавно загадывали заветные желания. Витя начал догадываться, что предлагала сестра, но Димка его опередил:

– Ладно... дело это, конечно, гадкое, – почти неслышно произнес он. – Но я согласен. Дождемся темноты, когда базар закроется и все уснут. Вернемся на площадь, и я украду один из камней Возвеличивания.

– Ты о чем вообще?! – шикнул на него брат, обернувшись так, словно их уже шли арестовывать за преступные мысли. – Воровать задумал?! С ума сошел? Мало того что нас за шпионов принимают, так еще и ворами прослыть осталось!

– Витя прав, – поддержала Настя, с укором глядя на покрасневшего близнеца, предложившего эффективный, но крайне бессовестный вариант решения проблемы. – Воровать очень, очень плохо. Даже во благо, даже когда других вариантов нет. Помнишь, как мама говорила? Воровством оскорбляешь не только того, у кого стащил, – ты оскорбляешь себя. Эту тяжесть с сердца потом не сбросить...

– Нашлись умники, тоже мне! – огрызнулся мальчик, рывком поправляя лямки полегчавшего ранца (ему вправду стало не по себе от зародившегося желания *украсть*). – Воровать им плохо... оскорбительно, видите ли... Значит, нужно было Петлю менять не на синдрий, а на самоцветы. А до Лифта пешком топать.

– Газовые карманы, – негромко напомнил проводник, но его не расслышали. – Расщелины с лавой. Можно погибнуть...

– У нас же больше ничего ценного нет, разве что очки Витьковские!

– Может, и нет, – с непередаваемой печалью сказала Настя, и от переполнявшей ее тоски у братьев защемило сердце. – А может, и есть...

– Если ты задумала то, что я предполагаю, – твердо, но постаравшись вложить в предостережение всю братскую любовь, прошептал Витя, – лучше молчи.

– Так нужно, – вымученно улыбнулась девочка.

Крумм, словно прочитав ее мысли, заинтересованно прищурился. Но не успел кот что-то сказать, как Настя вышла на середину пространства, занятого Столбами, и громко обратилась к местным шахтерам, о чем-то болтавшим неподалеку:

– Уважаемые цветокаменцы! С кем тут можно поторговаться, чтобы забрать один из этих прекрасных камней?

И подрагивающим чумазым пальцем указала на ближайший четырехгранный столб, украшенный самоцветами и резьбой. Глаза рудокопов полезли на лбы, татуировки на лицах задвигались, будто живые.

На площадь рухнула тишина, и даже шум карьерных работ стал не таким докучающим и громким. Замерли на своих местах рогатые звероморфы, впряженные в телеги. Остановились двуногие механические скакуны, на которых перемещались наиболее богатые гулы. Гости города удивленно рассматривали девочку, стоящую на алее среди Столбов, обмениваясь негромкими репликами.

Димка скрипнул зубами, а Витька застонал.

– Ты в своем уме, Настюха?! – прошипел он, не размыкая губ, но та только отмахнулась.

В это время трое крепышей-шахтеров направились к чужачке, посматривая то на нее, то на свои знаменитые каменные колонны. Тот, что шел первым (в смешном белом парике, так и норовившем сползти с крупной головы), подтянул желтые перчатки. Положил ладонь на рукоятку палицы на поясе и подбоченился.

– Ты нашла не самую удачную тему для шутки, юная арсилитка, – пробасил он в наступившей тишине, свободной рукой любовно похлопав по ближней стеле. – Чтобы говорить о покупке таких сокровищ, нужно быть или очень богатой, или сумасшедшей!

– Так проверьте меня! – с вызовом выкрикнула Настя.

Братья слышали напряжение, звенящее в ее голосе, и продолжали с опаской оглядываться. А что, если таким дерзким предложением они нарушают местные законы? Что, если за подобные вопросы гулы поколотят их или тоже бросят в тюрьму? Но как остановить сестру, в этот момент не знали ни Витя, ни Дмитрий. Крумм, почти не поменяв позы, обратился в статую.

Вокруг заботинцев (почти как в предыдущей каверне, когда переговоры завершились обвинением в шпионаже) стал собираться народ. Арсилиты молча переглядывались, словно умели общаться без слов, и корчили гримасы, самыми распространенными из которых были маски недоверия и сарказма. Гулы – и воины, и торговцы, и шахтеры басисто обсуждали выскочку, отчего к детям со всех сторон несло нестройное «бу-бу-бу».

И когда Вите показалось, что напряжение достигло апогея, ворота княжеского форта вдруг распахнулись, выплюнув ленту сверкающей процессии из двадцати цветокаменцев.

Большую часть отряда составляли солдаты-стражники – почти квадратные, тумбочкообразные бойцы, закованные в блестящую металлическую броню и с ружьями наперевес. Первыми же рука об руку вышагивали двое – невысокие мужчина и женщина, причем оба не уступали друг другу в богатырской стати и богатстве серебристых одеяний. На головах виднелись золотые короны.

Подбородок местного князя (а это, как догадались близнецы, был именно он) украшали сразу десять приклеенных косичек разного цвета, из-под венца свисали припудренные букли каштанового парика. Супруга князя тоже носила парик – длинный и блондинистый, а на ее перламутровом кафтане виднелись несколько пучков-султанов иссиня-черного цвета.

Процессия, направлявшаяся к Столбам Возвеличивания, казалась предельно грозной и сильной. Ручищи князя (в одной он нес резной посох, больше похожий на боевую палицу) были такими толстыми и огромными, что могли переломить каменную плиту. Воины в стальных латах были не менее сильны, а массивные взведенные ружья покачивались, предостерегая от поспешных и глупых поступков.

– Все, – поникнув, пробормотал Витька. – Ничем хорошим это не кончится...

Но благоразумно припал на колено, приветствуя князя и княгиню со всей возможной почтительностью и уважением. Хоть и запоздало, но рядом опустил брат. Настя низко поклонилась, не двигаясь с места. А Крумм, растянувшийся на брусчатке слева от мальчишек, опустил голову и негромко прошептал:

– Владыку Цветокамня зовут Коп-Коп... Друзья Крумма затеяли рискованную игру. Но если вашей сестре удастся то, что она задумала... – Он не договорил, подставляя загромок в жесте покорности, и лишь пошевелил длинными усами.

Поприветствовав главу своего клана, троица рудокопов вразвалочку приблизилась к Коп-Копу. Забормотали наперебой, время от времени косясь на девочку и тыча в ее сторону пальцами. Князь слушал молча, хмурясь и щурясь, а затем стукнул жезлом по брусчатке, отсылая подданных прочь, и лично вступил в переговоры.

– Значит, госпожа арсилитка, это ты баламутишь мой народ? – с забавным гортанным акцентом пробасил он, пальцами в белой перчатке барабана по резьбе посоха. – Утверждаешь, что способна купить камень со Столбов Возвеличивания?

Княгиня подняла руку к груди, задумчиво поглаживая висящее на цепи украшение – обломок детали со вставленным в него прозрачным камнем. Наши герои уже видели подобную вещицу у советника Гладауда и теперь предположили, что осколок прежнего

величия строителей подземных городов считается у гулов и арсилитов символом власти и расположения главы клана....

– Не смей даже пытаться читать мои мысли! – вдруг сварливо распорядилась повелительница, буравя Настю недружелюбным взглядом. – Спроси-ка ее, откуда такая взялась?

И толкнула мужа локтем в бок. Да так сильно, что тот чуть не потерял равновесие.

– Откуда происходит благородная арсилитка и ее родичи? – послушно пробасил Коп-Коп, переводя взгляд на «родичей» и с сомнением изучая их крохотные уши.

– Э-э... – протянула «арсилитка», чуть не растеряв весь свой воинственный настрой.

– Из клана Заботинцев, достопочтимый князь Коп-Коп! – Настя вдруг услышала над ухом уверенную скороговорку Витьки, выдохнула и даже покачнулась от облегчения. – С самой дальней окраины Катакомбурга мы прознали о величии Цветокамня и прибыли для приобретения одного из ваших красивых самоцветов...

Участники диалога обменялись многозначительными и красноречивыми взглядами. *Что еще за клан-то, почему не знаю?* – возмущенно нахмурилась жена владыки. *Ого, о нашем величии слышали на дальних окраинах!* – покрылся поволокой мечтательный взор Коп-Коп. *Ох, Витька, умеешь же ты ладно заливать, когда нужно!* – молчаливо поддержал брата Дима. *Надеюсь, сеструха, ты в самом деле знаешь, что собираешься сделать...* – тяжело вздохнул сам выдумщик, покосившись на девочку.

– И что же вы готовы предложить, юные арсилиты из клана Заботинцев? – предвкушая поживу, спросил князь, ласково постучав посохом по одному из Столбов Возвеличивания.

– Вот это! – И не успел Витя охнуть, как сестра сорвала со своей головы черно-желтый капюшон, вытягивая из-за ворота пшеничную косу и бережно укладывая ее на плечо. – Теперь вы видите, что я не сумасшедшая?

Над площадью пронеслось дружное *о-ох!* и *о-го-го!* Массивная челюсть хозяина каверны опустилась, а глаза княгини засверкали, не отрываясь от косы. И арсилиты, и гулы негромко комментировали богатство юной незнакомки с далеких окраин. Жуликоватый торговец, чей замысел был расстроен Круммом, в припадке злости рванул себя за приклеенные к щеке волосы, заверещав от боли...

Однако Коп-Коп неспроста стал владыкой клана добытчиков и торгашей. Он потер подбородок (показалось, что этим жестом гул прикрыл отвисшую челюсть) и будто бы задумался. На самом деле, как верно предположили близнецы, князь настраивался на торг и планировал, до какой степени может сбить цену на этот уникальный товар...

– Ну что ж, – наконец ответил он, толкнув супругу в бок и вынуждая отвести от девочки откровенно-жадный взгляд. – Полагаю, что за эти неплохие, в целом, волосы мой клан готов отдать вам, юные арсилиты...

Он выпустил руку княгини и задумчиво обошел вокруг пары колонн. Наконец ткнул жезлом в один из самых маленьких и невзрачных камешков, лишенных даже оправы.

– ...вот этот замечательный и блистательный во всех смыслах камень, найденный в недрах каверны еще моим прадедом Стук-Перестуком!

Торжественность, с которой Коп-Коп объявил о своем «щедром» решении, заставила скривиться даже бывалых рыночных торговцев. Крумм так и вовсе фыркнул, сделав вид, что чихает, но из его ошейника негромко прозвучало: «Скряга!»

Настя, совершенно не смутившись, улыбнулась князю и покачала головой.

– Полагая, что в дальних кавернах живут простаки, уважаемый Коп-Коп, вы основательно заблуждаетесь, – вежливо и спокойно сказала она с легким поклоном. Сделала несколько шагов вперед, взглядом выискивая камень, приглянувшийся ей с самого начала, и указала на него рукой. – За свои волосы я хочу вот этот самоцвет, ваше величество.

Князь, замечание девочки выслушав без эмоций, взглянул на сине-зеленый овал, такой гладкий и обтекаемый, что его прямо-таки подмывало подержать в руках. Княгиня что-то ожесточенно зашептала ему на ухо. Окружавшая площадь толпа начала негромко заключать пари на исход торга.

– А ты умеешь набивать цену, юная арсилитка... – Коп-Коп покачал крупной головой, поглаживая нелепые косички на подбородке.

– У меня хорошие родители, – негромко вставила Анастасия, а мальчики за ее спиной победно улыбнулись, – они меня многому научили.

– ...но я не готов отдать Отзвук Эха за предложенную тобой цену, – закончил фразу князь, бросив на чужачку короткий взгляд – оценивающий, проверяющий на крепость. – Тогда я предлагаю камень Девяносто Девяти Желаний, ставший причиной войны сразу трех кланов!

И указал на весьма блеклый, хоть и достаточно крупный рубин, часть медной оправы которого откололась давным-давно. По сравнению с первым предложением он, конечно, казался настоящим богатством. Но не мог тягаться даже с прядью волос девочки.

– Я понимаю ваши сомнения, благородный князь, – вдруг совершенно спокойно признала Настя, заставив Витьку обомлеть и побледнеть. Пригладила косу, готовясь спрятать ее под воротником куртки. – Очень жаль, что мы не смогли прийти к компромиссу. Всего вам наилучшего, ваше величество...

Димка что-то прошептал, хватая сестру за рукав, а глаза князя тем временем полезли на лоб. Жена его заламывала пальцы, едва ли не подпрыгивая на месте от нетерпения. Вытянувшиеся лица стражников были полны неприкрытого удивления.

– Стой! – поспешно выкрикнул Коп-Коп, ударив посохом по брусчатке. – Пусть никто не скажет, что хозяин Цветокамня жаден или беден! – Он с вызовом осмотрел стоящих в толпе арсилитов и гулов иных кланов, точно зная – его слова уже завтра разлетятся по ближайшим пещерам, создавая образ щедрого и справедливого правителя. – Ты получишь Отзвук Эха за свои волосы. Позовите ювелиров и парикмахеров!

И вот тогда Настю настигло понимание.

Все это действительно *случилось*, и князь Коп-Коп на самом деле желает обменять выбранный ею самоцвет на шикарную косу, истинную девчачью гордость. Братья тут же оказались близко-близко, поддерживая сестру с боков, чтобы она не упала в обморок. Было видно, что Настя готова вот-вот разрыдаться. Но последними усилиями воли девочка удерживала себя от этого поступка, продолжая казаться невозмутимой и сильной...

Вразвалку, но шустро через площадь прошли два ювелира в фартуках и смешных многослойных очках. Один из них, демонстрируя нечеловеческую силу, с легкостью нес на плече железную стремянку, которую не смогли бы и приподнять двое взрослых спасгородцев. Взобравшись к указанному полосатому голышу, мастера со всей возможной аккуратностью вынули камень из колонны. Одновременно с ними перед Настей возникли железный табурет, а также две гулские женщины с большими ножницами в руках.

– Пусть видят вековые своды, – торжественно подытожил князь, спешно заполняя договор на право собственности и оставляя на пергаменте отпечаток личного перстня, – что сделка совершена во славу предков и с соблюдением всех законов! Довольна ли ты теперь, юная арсилитка?

– Режьте! – вместо ответа распорядилась покупательница, покачнувшись, но самостоятельно усаживаясь перед парикмахершами.

Мальчишки, пораженные такой жертвой, по-прежнему не могли произнести ни слова. Лежащий сбоку Крумм только шурился и нюхал воздух.

Щелк! Не успела наша героиня даже попрощаться со своей толстой косой, как местные тетеньки ловко отчихали ее одним взмахом ножниц. Бережно уложив срезанные волосы на бархатную подложку, передали князю. И еще несколькими щелчками аккуратно подровняли остриженный по-мальчишечьи затылок Анастасии. Губы девочки дрожали, но из глаз не сорвалась ни одна слезинка.

Двое стражников уложили Отзвук Эха в подобающий случаю богато расшитый бархатный мешочек. Туда же спрятали купчую, с поклоном протянув приобретение Виктору. Тот взял мешочек обеими руками, ощущая ледяную увесистость самоцвета даже через ткань свертка, и поклонился Коп-Копу.

– Полагаю, сделка завершена, ваше величество? – спросил мальчик, но после подписания документа князь, казалось, вообще потерял интерес к происходящему на площади.

Склонившись над алой подложкой (Насте было очень больно видеть часть себя, отрезанную и перешедшую в чужое владение), владыка Цветокамня и его жена бережно гладили желтую косу, что-то бормоча и хихикая. Может быть, обсуждали, как легко смогли обдурить доверчивых арсилитов? Этого я знать не могу...

Даже не попрощавшись с заботинцами, глава клана и его бронированный отряд скрылись в недрах угловатого дворца. Толпа зевак вокруг Столбов Возвеличивания начала неспешно расходиться. Звероморф поднялся с брусчатки, мягко встряхнувшись. На его морде растянулась почти человеческая улыбка.

– Крумм знал, что друзья сделают правильно, – с грудным рокотанием проурчал он, подходя к девочке, и вдруг бережно (совсем как наши с вами домашние кошки) приласкался к ней в приступе благодарности. Прижался головой к груди, обойдя по кругу, потерся ухом о плечо. – Крумм принимает твою жертву, госпожа. И никогда этого не забудет!

Сначала Настя окаменела, испуганная эмоциями зверя. Но прикосновения шерсти были такими приятными и умиротворяющими, что она облегченно вздохнула. Невольно всхлипнула и даже робко погладила саблезубого по макушке.

– Да ладно, чего уж там... – Другой рукой она осторожно ощупала остриженный затылок. – Привыкну.

– Хм... а тебе даже идет, – со знанием дела пробормотал Димка и осторожно дотронулся до места, где еще десять минут назад была коса. – Стильно. Почти как у Ходящих По...

– Ой, Димка, лучше молчи! – Сестра не отреагировала на комплимент, отшатнувшись и спешно натягивая капюшон. – Твоих оценок не хватало...

Чуткий Виктор не говорил ни слова. Он очень сопереживал Насте и был подавлен ее жертвой. Но успел заметить, что площадь покинули далеко не все местные – многие остались стоять группками по два-три гула, шушукаясь и посматривая на новоиспеченных богачей.

– Уважаемый Крумм, – невольно понизив голос, обратился Витька к звероморфу. – Если выторгованного богатства хватит для спасения твоей сестры, может быть, нам пора двигаться на Торжище?

– Действительно, – подтвердил тот, в одно мгновение из огромной ласковой киски превращаясь в расчетливого и весьма опасного хищника. – Обратили внимание, как на вас смотрят? Гулы Цветокамня, как упоминал Крумм, весьма мирные существа. Но даже среди них могут найтись завистники. Или те, кто захочет лишить вас легкого богатства...

И он мотнул головой, приглашая немедленно уходить. Ребят, всполошенных такой перспективой, уговаривать не пришлось. Едва заперев Отзвук Эха в Димкином ранце, путники поспешили с площади прочь, поминутно оглядываясь и замечая на себе тяжелые взгляды коренастых рудокопов.

– Мне до сих пор кажется, что за нами следят... – пробормотал Витя, когда они начали петлять по извилистым улочкам городка, направляясь к окраинам.

– Тебе не кажется, – спокойно подтвердил Крумм, и сердца наших героев замерли.

– Прислужники Коп-Копы? – зло и деловито уточнил Димка. – Послал, чтобы отобрать камень?

– Насколько Крумм может судить по запахам, нет. За нами наблюдают две группы гулов. Обе принадлежат к клану Умелых... Впрочем, среди сородичей они больше известны под именем Нерях. За что бы ни брался этот клан – от выращивания гороха до рытья шахт, все у них получается через... не очень хорошо у них получается.

– И что же? – изумился Виктор. – Они заметили камень и решили нас ограбить?

– Еще не знаю, – через помехи в динамике ошейника ответил Крумм, при этом глухо зарывав. – Но мешкать нельзя!

И задрал голову, высматривая ближайшие мачты для швартовки Локо.

– Они смогут напасть на нас внутри города? – спросил Димка, нащупывая за поясом рукоять ножа, завернутого в полотенце.

– Вряд ли. – Саблезубый с недовольством вертел башкой, не находя свободной кабины. Хвост упруго хлестнул по полосатому боку. – Но поручиться Крумм не может. И наружу нельзя. Если нас правда преследуют грабители, они атакуют до того, как мы успеем миновать портал...

В ближнем переулке справа мелькнул необычный гул – не столь прилично одетый, как местные, и с другим типом татуировок на лбу. Его кожа была серой от грязи, фартук и перчатки прорвались во многих местах. При этом на сгибе локтя возлегал короткий арбалет, кажется, вполне исправный. Заметив, что его обнаружили, он тут же юркнул в красноватый полумрак, скрываясь из виду.

– А может, обратиться к местной страже? – предложила Настя, запыхавшаяся от быстрой ходьбы. – Они же преступники, верно?

– Стражники не помогут, – торопливо ответил Крумм, переходя на мелкую рысь и увлекая их на соседнюю улицу. – Не поверят. Вот когда грабеж состоится, клан Нерях объявят вне закона. Какое-то время их не будут пускать в Цветокамень. А пока нам лучше самим позаботиться о сохранности наших шкур...

На одной из колодезных площадей (колодец наверняка уводил к подземным рекам – он крайне заинтересовал Витю, но времени на его изучение не было) они снова приметили Нерях. Четверо гулов в проулке усиленно делали вид, что вообще не замечают подростков и звероморфа, но так и норовили глянуть в их сторону. Крумм тихонько зарычал, сворачивая к ближайшей швартовочной мачте.

Та оказалась массивной и не похожей на виденную в Средоточии. Стояла на каменном основании из крупных блоков песчаника, будто прорастая из них спиралевидным стеблем железного цветка. Забранные в металлическую сетку, наверх убегали кольца винтовой лестницы. Площадка для швартовки на вершине казалась неустойчивой, готовой вот-вот потерять равновесие и обрушиться на пригород Цветокамня. Саблезубый, коротко оглянувшись на преследователей, одним прыжком взмыл ко входу в конструкцию, бросив угрюмо:

– За мной!

– Мы что, собираемся воспользоваться Локо? – озадаченно спросила Настя, вслед за Витькой карабкаясь по каменным ступеням. – Он отвезет нас на Торжище?

– Сначала нужно оторваться от погони, – на ходу ответил ей зверь, осторожно, будто ступени были смазаны маслом, ступая на металлическую лестницу. Ребята, стараясь не отставать, бросились за ним. Димка запыхтел, а Витя начал покашливать. – По каверне нам уйти не дадут. За городом у бандитов наверняка припрятаны ходуны или колесница...

Теперь страх ворвался в сердца наших героев неприкрыто, властно, как полноправный хозяин. Застучал, заухал, погнал по венам горячую кровь. Заставил в очередной раз ощутить, что они тут чужие, уязвимые и могут в любой момент распрощаться с жизнью.

Полосатый кот, стараясь не смотреть вниз, шустро перебирал лапами, поскальзываясь, но продолжая упрямо карабкаться к швартовочной площадке. Близнецы спешили за ним, сосредоточенно уставившись под ноги. В какой-то момент Димка рискнул обернуться, чтобы оценить степень опасности.

На площадку с колодцем и Локо-мачтой выскочили трое Нерях. Почти не имевшие искусственных бород или косичек, с убогими неаккуратными татуировками на головах и предплечьях. Но вооруженные устрашающего вида пистолем, арбалетом и тесаком... Завертелись на месте, потеряв будущих жертв из виду, но затем один из них поднял голову, заметил фигуры на вышке и издал короткий возглас.

– Быстрее! – крикнул Дима, наступая на пятки сестре.

– Куда... мы... направляемся?! – испуганно спросил Витя, сопя и кашляя на каждом слове.

– Есть одна идея! – рыкнул Крумм.

– Со Славородом тоже была идея, – не преминул напомнить мальчик, окончательно сбивая дыхание. – И чем... это... закончилось?

– А ты, господин Виктор, никогда в жизни не ошибался? – парировал звероморф, прекращая бесплодный разговор. Его когти звонко лязгали по перфорированным металлическим ступеням, им аккомпанировал грохот школьных ботинок.

Миновав две трети пути, беглецы оказались над Цветокамнем и могли рассмотреть его улочки и плоские коричневые крыши с высоты пары десятков метров. Вдали, окутанный неподвижным облаком пыли, виднелся карьер, где шумела и ворчала добывающая техника. Увы, никто не обращал внимания на происходящее наверху. И только по центральной площади все еще бродили зеваки, обсуждая недавний торг с Коп-Копом и дополняя историю тут же сочиненными небылицами...

Троица гулов у каменного подножия мачты сначала бросилась следом за детьми. Но Димка, задержавшись на секунду, с грохотом закрыл решетчатую калитку, отсекавшую один уровень вышки от другого. Тогда старший что-то приказал, махнув налево, и они исчезли в переулке. Проследив за направлением их движения, Витька застонал: в соседнем квартале к красным сводам грота поднималась еще одна мачта. Тогда же мальчик заметил и второй отряд бандитов – четверо вооруженных гулов спешно штурмовали еще одну винтообразную башню на ближайшей оконечности городка.

– Теперь сомнений нет, это за нами... – устало и обреченно выдохнул Дима, проследив за взглядом брата. – У-у, сволочи!

– Ну что за напасть?! – испуганно воскликнула Настя. План, только что казавшийся безупречным и простым, трещал и грозил развалиться, как перегретый паровой котел. – Это несправедливо!

– Жизнь полна несправедливости! – излишне резко оборвал ее Крумм, выскакивая на верхнюю площадку. Здесь звероморф оскалился и припал к полу, словно даже слабый подземный ветер мог сдуть животное за край. – К кабине!

Локо, к счастью, действительно стоял на швартовке. Огибая скамьи и пустую будку механика-смотрителя, отряд устремился к бледно-желтой обтекаемой вагонетке. Кот при этом чуть ли не полз, распластавшись, выпустив когти и оставляя на жестяном покрытии площадки сверкающие полосы царапин.

Димка вцепился в шаткую ограду, рискованно наклоняясь и высматривая преследователей. Чертыхнулся: четверка уже добралась до верхушки. Локо там не оказалось, и теперь Неряхи спешно вызывали ближайшую свободную кабину. Трое оставшихся гулов все еще карабкались вверх. Однако же на площадке их, как ни жаль, дожидался потолочный транспорт...

– Что они задумали? – озадаченно прошептал мальчик.

– Догнать нас и отнять камень... – озвучила общие опасения Настя, качая головой. – А нашего синдриния точно хватит на несколько поездок?

Крумм не ответил, лишь коротко кивнул. Витька же, не теряя времени, подскочил к пульту, начиная простой (по сравнению с Лифтовым, конечно) протокол. Почти сразу Локо ожил – в его борту с жужжанием раскрылся сегментированный глазок амбикамеры.

– Привет, я Плясун! – прошелестели динамики над облезлой выпуклой дверью. По бокам зажглись нежно-желтые диоды. – Чем могу быть полезен?

– Открывай, железка! – прорычал Крумм, задние лапы которого заметно подрагивали, а хвост нервно метался из стороны в сторону. – Увози нас отсюда!

– Не хами, зверушка, – беззлобно хохотнул Плясун. – Кристаллами богаты?

– Да, у нас есть синдриний! – выпалил Витя, поглядывая на соседние решетчатые башни, уже захваченные грабителями. – Пожалуйста, впустите нас, мы обязательно рассчитаемся!

К четверке гулов, что одолели вершину первыми, по одной из струн уже скользила вызванная кабина (наверняка довольная предстоящим заказом – энергетический минерал

был у местных механизмов в особом почете вне зависимости от личности плательщика). Размахивая руками, оба отряда Нерях пытались скоординировать действия, уже не особенно смущаясь, что их потенциальные жертвы заметят неприкрытую подготовку к нападению. Димка стиснул зубы так, что заиграли желваки.

– А не обманете? – протянули динамики вагона.

– Нет! Честное слово, дяденька Локо! – выкрикнула Настя. И получилось это у нее так искренне и жалобно, что одностворчатая дверь тут же скользнула вбок с шипением пневматического доводчика. – Спасибо!

Звероморф и дети молнией влетели в кабину, напоминавшую вагон пассажирского самоката, развозящего заботинцев к шахтам Лифтов. Однако там, где у самоката располагалось место водителя, у Локо находилась глухая изогнутая стена с несколькими планшетами управления.

– Под вашу ответственность, молодые арсилиты, – с усмешкой проворчал Плясун. – Коли обманете, век не прощу. Куда едем-то?

– Подальше и живей! – проскулил Крумм.

Оттого что близнецы и кот вбежали внутрь кабины очень быстро, Локо начал неприятно раскачиваться на струне, и морфа замутило. Видимо, животные каверн и впрямь были не очень привычны к поездкам такого рода...

Витя притянул к себе брата. Развернул за плечи, заставив пригнуться. Не снимая с его спины, расстегнул школьный ранец. Затравленно оглянулся через плечо, заметив око внутренней амбикамеры, и принялся на ощупь, не вынимая, развязывать мешок с синдромом. Он не очень понимал почему, но совсем не хотел демонстрировать разумному механизму размеры их личных запасов...

Рука мальчика коснулась Отзвука Эха, мертвенно-холодного даже через бархат упаковки, – драгоценности, призванной спасти Киртану, но ставшей причиной еще одной очень серьезной проблемы. Наконец Витя запустил пальцы в рыночный узелок, оцарапавшись о драгоценный минерал. Надавил на излом, чуть не порезав ладонь, но сумел отколоть небольшой кусочек.

– Вот! – возликовал он, поднося зеленоватую пластинку к объективу. – Берите, и едем!

– Другое дело, – согласился Локо. Из панели под планшетом тут же выдвинулся контейнер, напоминавший открытую капсулу пневмопочты. Витька бросил осколок внутрь, обрадовавшись, что даже такой малой дозы хватило, чтобы заслужить благосклонность монорельса. – Маршрут укажете?

– На ходу! – жалобно простонали динамики кошачьего ошейника. На Крумма, непривычно перепуганного высотой и качкой, было жалко смотреть. – Вперед, Плясун, я объясню...

– Будет сделано! – Приемник синдриния защелкнулся с хлопком, и в потолочной части болида сразу ожили двигатели. Кабину наполнило желтоватое сияние, задвижки круглых иллюминаторов поползли вверх, а от наэлектризованности воздуха волосы у ребят встали дыбом. – Держитесь, отправляемся!

И Локо стартовал.

Не плавно, разгоняясь постепенно и чинно, а стремительно и бойко, чуть не посбивав пассажиров с ног. Крумм снова заскулил, прижал уши и закрыл глаза. Спасгородцы вскрикнули, хватаясь за поручни.

С одной стороны, нахождение внутри Плясуна напомнило им поездку на Лифте – то же ощущение безграничной свободы, то же замирание сердца, то же неумолимое стремление из точки А в точку Б. Но, с другой стороны, в отличие от герметичных кабин родного города они могли оценить огромную высоту полета через ряды небольших окон; к тому же вагон жутко мотало, что в сумме вызывало не самые приятные эмоции...

– Теперь понятно, почему его прозвали Плясуном... – чуть не прикусив язык, процедил Димка, кое-как мостясь на скамье, тянущейся вдоль стены, и помогая усесться сестре. – Это же ужас какой-то...

Локо действительно качался... Качался? Да что там – болтался! Сильно, из стороны в сторону, а еще взад-вперед, когда увеличивал или уменьшал скорость. Над потолком что-то скрипело и, судя по доносившимся звукам, щедро искрило. Сама кабина трещала, умоляя о ремонте; плохо закрепленные сиденья и поручни ходили ходуном.

Отдельного упоминания были достойны моменты, когда Плясун достигал развилок, в которых сходилась сразу несколько потолочных струн, и перепрыгивал на соседнюю, лязгая магнитными зажимами. В такие моменты ребят начинало откровенно подташнивать, а бедный звероморф и вовсе норовил забиться под лавку...

– Так что? – спросил Локо сквозь рокочущий шум моторов, питаемых синдринием. – Устраиваем экскурсионную поездку над Цветокамнем или зададите маршрут?

Крумм, преодолевая предательскую дрожь в лапах, подобрался к заднему окну – в отличие от других иллюминаторов, оно было продолговатым и охватывало всю заднюю часть вагонетки. Приподнявшись, полосатый выглянул наружу, непроизвольно скалясь.

– Сначала Крумм хочет, чтобы ты оторвался от погони, – негромко и сбивчиво прошипел его ошейник. – А уже потом Крумм укажет место...

А погоня и в самом деле продолжалась.

Набирая скорость, на их личную струну пристраивался другой Локо, в оконцах которого мелькала четверка гулов. По боковым веткам, словно заходя наперерез, неслась еще одна кабина, вызванная вторым отрядом грабителей.

Плясун, казалось, приказ Крумма воспринял с радостью. Скорость увеличил (хотя, казалось бы, куда еще?), теперь поскрипывая каждой без исключения деталью, а перекрестки начал менять с такой прытью, что Настя едва не свалилась со скамьи. Магнитные зажимы на крыше только и успевали лязгать.

Красноватый свет снаружи будто выключили, и Витька догадался, что они покинули каверну Коп-Копы, влетев в портал. Эхо работающих двигателей теперь стало глухим, громоздким, оно опутало кабину и накатывало, казалось, отовсюду.

Плясун зажег фары, высветив нагромождения сталактитов и решето потолочных нор, в которых гнездились зверьки с перепончатыми крыльями. Те, разбуженные скользким по струне Локо, взбудораженно окружили овальную кабину маленьким визгливым эскортом.

Снова посветлело – это вагонетка выскочила в новый грот. Однако рассматривать, что там, под ногами, не было ни времени, ни желания. Близнецы вцепились в поручни и друг в друга, стараясь не соскользнуть и не удариться.

Щелчок, новая струна, кабину трясет... Щелчок – это Локо опять меняет направление, зажимы едва успевают сомкнуться вокруг черной металлической струны... Ускорение, щелчок, замедление и новый рывок... Время от времени капсула пронзала облака белоснежного пара, рождаемые титаническими сдерживателями на стенах пещер.

Кабины, нанятые преступниками, хоть в скорости Плясуну и уступали, но были щедро оплачены синдринием, а потому даже не думали прекращать гонку. Когда кто-то из тройняшек поднимал голову, чтобы украдкой оглянуться, то мог заметить, как ловко и рискованно те меняют потолочные рельсы, двигаясь то следом, то сбоку, то чуть ниже. Иногда вперед вырывался Локо, перевозивший четверых бандитов; иногда он отставал, уступая лидерство второй машине.

– Мапочка! – вдруг выдохнула Настя, привставая с риском сверзиться на пол. – Они же прямо за нами!

И правда – в какой-то момент одна из кабин пристроилась точно на струну Плясуна, неспешно, но неотвратно сокращая разрыв. Крумм зарычал, брызжа слюной, но так и не смог заставить себя подняться. Рычал звероморф лежа, свернувшись в клубок и поджав хвост. Своим врожденным чутьем заботинцы почувствовали, что начинают стремительный, хоть и пологий спуск – вероятно, не все каверны подземного мира располагались на одном уровне...

Внезапно в преследующем наших героев Локо распахнулось бортовое окно. Высунувшись до пояса и свесившись так, что едва не выпадал, гул-Неряха поднял арбалет,

прицеливаясь в корму удирающего Плясуна. Дети лишились дара речи... Чтобы у них дома, в славном (хоть и беспокойном) Спасгороде один Лифт помогал пассажирам нанести вред другому?! Такого не было отродясь, это казалось неслыханным кощунством, и сей факт заставил всех троих упасть духом.

Второй транспорт гулов пропал из виду, устремившись к альтернативному пролому в стене безымянной каверны. Оставшийся в поле зрения все еще приближался, а на Плясуна по-прежнему был наведен арбалет.

Неряха выстрелил, когда желтый Локо и его преследователь двумя пулями влетели в очередной тоннель-портал. В наступившей темноте Витя, Настя и Дима слышали, как в корму вагонетки ударило что-то тяжелое, отчего кабину монорельса дернуло назад, а скорость упала. Кормовой иллюминатор выскочил из резиновых пазов, с хрустом раскололся на несколько кусков и бесшумно вывалился прочь.

Победный вопль Нерях, казалось, был слышен даже сквозь рев моторов и свист ветра. Настя застонала, вцепившись в Виткино плечо и закрыв глаза, а Димка снова выругался.

– Нас загарпунили! – прорычал Крумм, крупно дрожа. Его шерсть поблекла и опала, отчего кот казался худым и больным. – Плясун, ты должен их сбросить!

– За отдельную плату, зверушечка, я сделаю все, что пожелаете! – Казалось, Локо даже забавляет происходящее, и из-за дырки в собственном корпусе он не испытывает ни малейшего сожаления. – Держитесь!

И ринулся вперед так, будто презрел все законы физики и аэродинамики. Перескочил с одной струны на другую прямо по воздуху, даже не дожидаясь, пока зафиксируется фронтальной зажим. Подлетел так, что чуть не впечатался бортом в каменный потолок. И снова поддал газу. Звероморф, жалобно мявкнув, вцепился в скамью, а его задние лапы потащило к носу кабины будто по льду.

– Эй, зверушка! – как ни в чем не бывало прикрикнул на него Плясун, рассматривая пассажиров через неподвижную внутреннюю амбикамеру. – Попортишь мне внутренность – шкуру спущу!

Крумм хищно оскалился, ничего не ответив. Но когти все же втянул, передними лапами смешно и жалобно оббивая вертикальный железный поручень. Настя вскрикнула, у Вити с носа чуть не слетели очки. Локо же совершил еще один прыжок – на этот раз примагнитившись к специальной стреле потолочного подъемного крана. Заставил ее величественно провернуться вокруг своей оси, снова сиганул в пустоту, в последний момент перехватившись зажимом за новую струну.

За бортом послышался хруст раздираемой обшивки, и Димка восторженно завопил:

– Получили, гады! – Через заднее окно было видно, что тонкая цепь, с помощью которой Неряхи прицепились к беглецу, отпала и раскачивается под днищем вражеского Локо. – Выкусите!

– Я рад, что вы по достоинству оценили мой маневр, господи! – хохотнули динамики кабины, а свет в салоне заморгал, будто собираясь погаснуть. – Но выданный вами синдрийский подходит к концу... Еще немного, и я начну работать себе в убыток, тратя неприкосновенный запас. Поэтому прошу определиться с местом высадки, иначе...

Он не договорил, но все было понятно и без лишних слов. Плясун пересек еще одну просторную каверну, устремляясь в темный зев портала и распугивая летучих зверьков. Локо с преследователями отстал, но все еще виднелся среди серых струй пара. Вторая машина бандитов, скорее всего, неслась параллельным курсом и пока была невидима.

И когда Витка уже решился лезть в ранец за новой порцией кристалла (*«Добираться пешком до Лифта всяко лучше, чем попасться грабителям и потерять Отзвук Эха»*), – рассудил мальчик), Крумм поднял голову.

– Наседка! – твякнул он. – Это рядом.

– Ты уверена, зверушка? – недоверчиво уточнил Локо, с лихим заносом меняя направление на очередном перекрестке. – Там не рады арсилитам...

– Выполняй, железяка... – тихо подтвердил звероморф, закрывая глаза. – Выбора нет.

Ребята, не совсем понимавшие суть разговора, могли только слушать и молчать. Настя с мольбой взглянула на братьев, призывая их вмешаться, но те лишь одновременно пожали плечами. Если уж троица решилаверить свою судьбу спасенному хищнику, отступить было поздно...

Локо еще раз сменил курс.

Висевший на его хвосте преследователь сбросил скорость, нерешительно подбирая маршрут, позволявший продолжить погоню. Взревев моторами, Плясун шустро нырнул от него в узкий портал, сильно изгибавшийся вправо. Переводя дух, дети поднялись на ноги, всматриваясь во мглу за бортом. Через пару минут монорельс выскочил в просторную нежилую каверну, направляясь напрямик к месту швартовки.

– Где мы? – тихо спросила Настя, во все глаза рассматривая раскинувшийся внизу пейзаж, окрашенный всеми оттенками зеленого.

– На старых языках это место называют Артефициалия, – вздохнув, сообщил им Крумм, все еще подрагивая. – Но звероморфы предпочитают звать его просто Наседкой. Мы прибыли в место, откуда я родом...

Глава шестая, в которой зубастые дети защищают свою мать, а кое-кто катается верхом

Каверна, названная Наседкой-Артефициалией, была чуть меньше Средоточия Покоя, Зарослей или Цветокамня. Но огромной дискообразной котловиной все равно оставалась – ее дальний край терялся в мутной полупрозрачной пелене, в которой лениво шевелились темные силуэты машин, сдерживающих осадку грунта.

Все пространство под кабиной состояло из холмов и ложбин, напоминавших скомканное одеяло подземного великана. Во многих местах лабиринт холмов порос коралловыми деревьями, ковром мха и лишайника. Вместо природных каменных колонн, поддерживающих потолок, повсюду высились ржавые железные столбы диаметром с крупную шахту, определенно рукотворные.

Здоровенные кляксы настенной плесени здесь в основном были зелеными. Отчего казалось, что Локо привез ребят в мутный аквариум, в котором уже давно начали гнить водоросли...

Свернув к отвесной границе грота, Плясун сбросил скорость и плавно остановился на площадке, вырубленной прямо в скальной стене. Естественный балкон, на котором Локо высаживали своих пассажиров, выглядел диким и давно не используемым. Вышек-мачт, как в уже знакомых спасгородцам поселениях подземников, виднелось очень мало, и большая их часть была перекошена или вовсе подломилась.

Дверь кабины скользнула в сторону.

– Спасибо за поездку, – попрощался Локо, выключая освещение салона.

– Вам спасибо, уважаемый Плясун, – за всех четверых ответил ему Витя, настороженно выглядывая в зеленоватый туман. – Вы нас очень-очень выручили.

– Всегда рад помочь, обращайтесь!

Дождавшись, когда путешественники покинут вагон, монорельс с шипением прикрыл створку. Перехватываясь за струну магнитными зажимами на телескопических штангах, развернулся в обратном направлении. Загудел моторами и укатил прочь. Теперь стала видна дыра в его обшивке, из которой все еще торчал обломок толстой гулской стрелы...

Крумм, снова ощутив под собой незыблемую твердь, яростно встряхнулся, словно неприятные ощущения от поездки были липкой грязью. Он наконец перестал выглядеть побитой кошкой, и в неверном потолочном свете даже шерсть звероморфа заблестела совсем иначе. Наши герои же, не спеша приободряться, задумчиво разглядывали новую пещеру удивительного подземного мира...

Очертаниями она немало напоминала стандартную поляну Спасгорода – до того

крутыми, почти вертикальными оказались склоны ее границ, не потревоженные ни торговыми трактами, ни расчищенными дорогами для пешеходов. От швартовочных балконов и порталов вниз уводили каменные лестницы, хаотично огибавшие сдерживающие агрегаты из далекого прошлого. Ни страусовидных шагоходов, ни паровых колесниц заметно не было. Дно каверны (оно лежало метрах в тридцати под балконом) походило на волнистый ковер из зеленых мшистых холмов.

– Ух ты... – задумчиво произнес Виктор, одной многозначительной интонацией привлекая внимание остальных. – Кажется, отсюда не часто уезжают на Локо.

Сдвинув очки на кончик носа, мальчик смотрел на пульт вызова разумных монорельсов. На пульт, разбитый до основания и покрывшийся многолетним слоем пыли. Настя побледнела, вдруг сообразив, что заново призвать Плясуна они уже не смогут. Димка вопросительно повернулся к коту и поднял бровь, призывая того немедленно объясниться.

– Так вышло... – неохотно ответил Крумм, определенно смущенный замечанием одного брата и цепким взглядом другого. – Жители Катакомбурга не часто балуют Наседку своим вниманием. Да и сама она выходит из строя. Скоро износ основных блоков станет запредельным и...

Он не договорил, задумавшись о чем-то печальном, а Настя вдруг уловила хвостик мысли звероморфа.

– Ой, – неожиданно спохватилась девочка. – А ведь это не простые холмы, верно?

И даже присела на корточки, будто это позволяло ей лучше рассмотреть пространство грота. Мальчишки заинтересованно проследили за ее взглядом. По-новому посмотрели на каверну, на самом деле заметив, что холмы – это бывшие постройки, занесенные каменной пылью настолько, что превратились в бесформенные наросты, укрытые мохнатыми мшистыми пледами.

– Это город, верно? – сам себя спросил Витя, машинально потирая переносицу. – Нет, постойте... это какой-то комплекс, вроде Сонника или Штамповальни, да? Ну конечно! Смотрите, вся каверна – один большой комплекс!

И он, как вы можете догадаться, был совершенно прав.

Практически всю площадь грота занимала сложная, покрытая ковром коралловых наростов, лишайника и мха система разновысоких построек, и вправду напоминавшая устройство Сонника (таким тот мог бы стать лет через сто, если бы поляна не имела крыши и оказалась во власти природных стихий).

При внимательном изучении выяснилось, что немалая часть зданий, разместившихся меж железных колонн, развалилась или просела в почву. Крыши иных ссыпались внутрь стен, позволяя заглянуть в темные недра полых холмов. Для возведения Наседки ее строители использовали каленое стекло и гофрированную жести, укрепленную местной глиной. Именно она, желтыми пятнами проглядывавшая сквозь бледную зелень мха, сейчас создавала впечатление, что близнецы обнаружили примитивный город какого-то очень древнего народа...

– Что это вообще за место? – с опаской спросил Димка.

Он прислушался и внезапно понял, что каверна отнюдь не погружена в тишину – пустотелые «холмы» под каменным балконом негромко гудели, шипели, шелестели и скрежетали, словно внутри работала здоровенная машина.

– Это дом Крумма, – ответил звероморф. И, несмотря на то что ошейник зверя почти не умел передавать эмоций, в словах полосатого послышалась тоска. – Крумм расскажет, друзья. Но позже – первым делом нужно покинуть балкон...

И тут, будто подтверждая разумность предложения, в Артефициалию ворвался уже знакомый вражеский Локо. Далеко справа, из пролома-портала в отвесной скальной стене, скоростным болидом пробив облако пара под потолком. Одного взгляда на монорельс хватило, чтобы понять – это гулы-преследователи. Крумм глухо зарычал, ребята ринулись под гранитный навес... но кабина скользнула на удаленную развязку десятка струн, показав корму. Пришвартовалась у стены, выпуская наружу крохотные фигурки вооруженных

Нерях-Умелых.

Не успели наши герои спохватиться и придумать, что делать дальше, как в грот с посвистом вкатился и второй Локо, нанятый бандитами в Цветокамне. Этот направился к центру каверны. В его иллюминаторах были видны (даже с большого расстояния) лица гулов, прильнувших к стеклам и высматривавших добычу.

– Бегом, пока не заметили! – распорядился Крумм, первым ступив на вырубленную в скале лестницу. Шагал неуверенно, как спускающийся со шкафа наш с вами домашний кот. – Внизу нас будет труднее заметить...

Они поспешили по ступеням без перил, придерживаясь за стену (морфу было труднее остальных, он просто прижимался к скале) и стараясь не оступиться. Из-под ног сыпались мелкие камешки и пыль. От машин, выпирающих вдоль лестничных пролетов, веяло жаром и пахло ржавчиной.

– Почему ты решил остановиться именно тут? – тяжело дыша, спросил Витя, бросая недоверчивые взгляды на безжизненную и незаселенную пещеру. – Мы будем прятаться?

– Если Крумм найдет родных, – бросил саблезубый на ходу, – нам смогут помочь.

– А если нет? – спросила Настя, шедшая следом за братом и слышавшая разговор.

На это кот ничего не ответил. Поджав хвост, он сосредоточенно спускался со ступени на ступень. Балкон, на котором пришвартовался Локо с первой группой грабителей, пропал из виду, скрытый выступами и сдерживающими агрегатами. Второй монорельс покружил над центром каверны и пристал к одной из уцелевших вышек, по которой тут же шустро заскользили вниз три плечистые фигуры.

Достигнув дна, Крумм снова встряхнулся. Высота переносилась звероморфом без особенной радости, но он старался не демонстрировать друзьям ощущаемый дискомфорт. Дети сбились в кучку, ожидая дальнейших распоряжений. Проводник, спешно осмотревшись, повел их в глубь полых холмов, в недрах которых притаились блоки старинного фабричного комплекса.

– Так что это за сооружение? – уточнил Димка, постоянно оглядываясь на балкон, где высадился первый отряд гулов. – Питомник звероморфов?

– Не совсем, – ответил усатый проводник, выискивая тропу среди светло-зеленых кораллов. – Тут Наседка дает жизнь таким, как Крумм и Киртана...

Витька, воспользовавшись заминкой, приблизился к ближайшему холму справа. Высотой тот мог посоперничать с двухэтажным домом Заботинска. Но покатые стены скорее вызвали ассоциации с полуцилиндрическими бараками, в которых троица пряталась во время посещения Штамповальни. Внутри что-то гудело, вздымалось и опадало, словно там работал огромный травалатор. Выбрав место, где мох и побеги кораллов росли не очень густо, мальчик смахнул слой дерна рукавом куртки и обнаружил под ним фрагмент грязного, очень мутного окна.

– Ого! – только и смог выдавить Витя, приникая к толстому стеклу.

А удивляться действительно было чему.

За стенами из жести и каменно-твердой глины притаился настоящий цех. Судя по отсутствию арсилитов или гулов – полностью автоматизированный. По периметру вытянутого зала стояли огромные бочкообразные контейнеры, вдоль которых змеился медленный конвейер с дырявой армированной лентой. Лента была пуста, но время от времени на ее поверхность из бочек равномерно вываливались яйцевидные капсулы (они сразу напомнили Виктору ячейку от разведзонда, которую он вставил в Анализатор, только раз в сто больше). Покачиваясь на ленте транспортера, непрозрачные серые емкости отправлялись в глубину холма, где пропадали в подземном тоннеле. Большая часть их была заведомо разбита или искорежена...

– Наседка рождает звероморфов, – прокомментировал Крумм, когда в расчищенное окно заглянули все двуногие. – Уже очень давно... Первые поселенцы Катакомбурга создали машину себе в помощь. Говорят, в ее сердце хранится большущий банк данных. О животных, населявших мир до появления кланов. Научные разработки, информация о

генетике и материалы для производства...

– Штамповальня живых существ! – воскликнул Витя, на какое-то время даже забыв, что они спасаются бегством, а не посещают увлекательную школьную экскурсию. – Фабрика по клонированию, как на Фермах у мамы!

Близнецы восторженно переглянулись, только теперь догадавшись, что имел в виду саблезубый проводник, когда говорил, что привел их в место, откуда был родом. Несмотря на все уже виденные чудеса подземного мира, огромная машина для клонирования казалась заботинцам просто невероятной.

– Крумм не понял Виктора. – Звероморф повел усами, словно собирался чихнуть. – Но чувствует, что друзья уловили смысл... Сначала первые кланы освоили созидание морфов в новых условиях. Потом приступили к экспериментам по скрещиванию видов. И развитию мозговой деятельности...

Очевидно, гигантскому коту было не очень просто проговаривать столь заумную речь. Но сияющие глаза мальчика, ждавшего продолжения рассказа, заставляли прилагать усилия и на все сто процентов оправдывать словосочетание «разумное животное».

– Так появились новые породы на основании самых сильных видов. Многие не уцелели. Многих выкосили болезни и последующая Чистка. Тогда кланы приступили к генетическим модификациям, – со вздохом проговорил Крумм, привстав на задних лапах и тоже заглядывая в окно. Механизированная колыбель за стеклом день за днем тащила во тьму лаза капсулы с зародышами. – Еще инженеры Артефициалии изобрели передатчик. Простой и эффективный передатчик мыслечувственных сигналов. Он позволяет нам говорить. Прибор настраивается на индивидуальные ритмы мозга при рождении звероморфа. Выдается автораздатчиком Наседки при достижении определенного возраста. Так в Катакомбурге появились чуткие сторожа. А еще быстроногие охотники, ласковые воспитатели детей, трудолюбивые работники и юркие разведчики недр... Но теперь Крумм настаивает, чтобы друзья продолжили двигаться. Неряхи все еще неподалеку...

При упоминании о гулах-бандитах Витя сразу помрачнел. А Настя нахмурилась, озираясь так, словно негодяи могли наброситься на них из-за ближайшего куста. Оставив окно за спиной, отряд двинулся в глубину каверны.

Ближе к центру холмы, поглотившие рабочие блоки машины по прозвищу Наседка, становились все выше, образуя настоящие горные хребты и ущелья. Кораллы здесь росли хрупкие и не такие ветвистые, как, скажем, на Средоточии Покоя. Мох при ближайшем рассмотрении оказался тонким и совсем не пушистым, от прикосновений он рассыпался в пыль.

Вокруг железных столбов, подпирающих «небосклон» («Вот бы Голос Апокалифтиса обрадовался, увидев такое», – подумалось Димке), образовалась свита из бледно-коричневых с зелеными прожилками сталагмитов. По нескольким колоннам (к несчастью, ни одна из них не оказалась шахтой) стекали ручейки мутной воды. А еще дети заметили плантации грибов, прорастающих там, где в провалах стен было сумрачно и влажно. Грибы были розовыми и зелеными, внешним видом напоминая ощищенные поролоновые губки для мытья посуды...

Еще пару раз врожденное любопытство пересиливало Витин страх попасться в лапы гулам, и мальчик старался заглянуть внутрь рабочих цехов. Там он видел аппараты, покрытые пылью, сквозь пепельное покрывало которой просвечивали мигающие диоды... Автоматизированные клешни-погрузчики, со скрипом вертящие капсулы с вызревающими звероморфами под дугами промышленных обогревателей. Пустующие рабочие места инженеров, давно покинувших лаборатории; выгоревшие шлемы лингвистического программирования; прессовальные агрегаты для утилизации отработанных сфер; кормушки с синтетической пищей; камеры для стерилизации с выбитыми стеклянными стенами; игровые комнаты для малышей и автопоилки.

Витю Наседка заворожила, как и любое детище, созданное Тружениками. Димка энтузиазма брата не разделял, продолжая оставаться настороже. Настя же и вовсе приуныла – инкубатор, занимавший почти всю каверну, отчего-то навевал на нее тоску.

– Значит, твои предки-звероморфы помнят колонизаторов, заселявших Катакомбург? – спросил Виктор саблезубого, с неохотой отрываясь от грязного окна и догоняя остальных, сворачивавших на новую тропу. – Тех, первых, живших еще до того, как люди разделились на гулов и арсилитов?

– Крумм таких не знает, – честно сознался котище, хотя по его морде было заметно, что разговор ему не по душе. – Мало выжило. Чистка Первой Трансмутации чуть не уничтожила каверны... После этого бесконтрольному изменению тел и разума положили конец. Но вместе с мутантами погибло много преданных морфов...

– Неужели сейчас Наседка никому не нужна, раз ее так запустили? – вставил Димка, выпятив губу. – Как глупо...

– Так получилось, когда появились кланы. Их вожди не смогли поделить пещеру. Но Наседка продолжает работать. На износе, на пределе сил, но продолжает... – Звероморф вздохнул, с грустью оглядев холмы и погребенные под ними здания удивительного комплекса. – Часть машин пришла в негодность. Многие виды собратьев не воспроизводятся, друзья Крумма видели разбитые капсулы... Из рожденных выживает одна пятая. У многих линий сломались аппараты по калибровке говорящих ошейников. Однако время от времени Мама-Наседка продолжает выпускать молодняк. Внезапно, вне системы. Иногда почти без дефектов. Так семь сотен Циклов Бодрствования назад первый глоток воздуха сделали Крумм и Киртана...

Четвероногий замолчал, прижав уши и хмуро уставившись на узкую тропу. Его рассказ заставил ребят по-новому взглянуть на Артефициалию, и теперь стало понятно, что за тяжелый гнилостный запах доносится из многих разрушенных блоков. Возобновлять беседу никто не спешил, но Витька все же не сдержался.

– А может ли быть так... – неуверенно начал он, и Настя с беспокойством взглянула на брата, вдруг догадавшись, *о чем именно* тот собирается спросить, – может быть так, чтобы Наседка воспроизвела человекоподобное существо, способное превращаться в звероморфа и обратно?

Крумм посмотрел на Виктора так, словно мальчик попытался без спроса залезть в кошачью миску. Димка, услышав упоминание о ненавистной Красимире, помрачнел, но не вмешался.

– Эксперименты с геномом человека запрещены, – угрюмо ответил Крумм. – Ученые вывели вакцину, допускающую ограниченные мутации Адаптировавших Разум и Генетически Усиленных. А потом уничтожили все наработки...

И снова замолчал, не вдаваясь в подробности.

Окончательно упав духом, тройняшки с внезапной остротой ощутили свое одиночество в чужом мире, живущем по странным, так не похожим на спасгородские, законам. Еще они чувствовали голод, шурупами вкручивающийся в их желудки. А полученные при крушении Рифмователя ушибы и растяжения, будто сговорившись усугубить ситуацию, разом дали о себе знать. Витя оторвал пластырь и расчесал порез на лбу так, что тот снова начал кровоточить. Анастасия, беззлобно ругая непутевого брата, промакнула царапину платком, сама при этом постанывая от боли в руке. Димка снова начал прихрамывать.

Три человека и их хвостатый проводник продвигались через ущелья, запутывая следы и все сильнее удаляясь от балкона, на котором их посадил Плясун. Было слышно лишь глухое урчание Наседки и свист агрегатов на отвесных стенах грота. Молчание становилось столь тягостным, что в какой-то момент Витька снова не сдержался и нарушил его, обратившись к Крумму.

– А чем, интересно, питается станция? – спросил мальчик и тут же предположил: – Ядерный реактор?

– Ядр... ядерный? – подняв голову, удивился звероморф, словно впервые услышал этот термин. – Крумм не уверен... Наседка работает на синдринии. Под каверной его огромные запасы. Артефициалия строилась с расчетом на миллионы Циклов.

– Синдриний?! – Дмитрий остановился так резко и внезапно, что сестра с ходу ткнулась

в его плечо, пробурчав про необходимость врезать брату пониже спины. – Тот самый, за который мы торговались в Цветокамне?! Почему же бандиты вроде Нерях до сих пор не разграбили это место?

Заботинцы тут же представили себе красочную, но жестокую картину – в грот вторгается армия коренастых силачей верхом на механических шагателях, проникая в один заброшенный корпус за другим и потроша старинную технику в поисках драгоценного минерала. Однако полосатый помотал головой, отменяя предположения чужака.

– Древние были умны, – произнес он, приняв хиваясь и приподнимая уши. – Были готовы к алчности и жадности...

– Ее охраняют! – внезапно догадался Витя, сразу почувствовав себя неуютно – ощущение от увлекательной экскурсии сменилось чувством вины. Как будто малышня забралась в брошенный дом, в котором, как оказалось, еще живет хозяин, заставший их врасплох...

– Верно, друг, – не переставая нюхать воздух, подтвердил кот. – Старшие Братья всегда на страже Артефициалии и ее богатств. С самых первых Циклов жизни Матушка способна за себя постоять...

– Старшие Братья? – в голосе Насти послышалась тревога.

– Один из первых видов, выведенных для охраны каверн, – ответил Крумм.

И хотел еще что-то добавить... может быть, про таинственных Старших Братьев... может быть, предлагая идти дальше, – но в этот момент звероморфа прервал резкий, оглушительный рев. Долгий, нарастающий, прокатившийся над холмами подобно звуковой волне от взрыва. Рык был столь агрессивен, столь басист и раскатист, что у близнецов завибрировало в груди и клацнули зубы.

– Это... еще... что такое?! – Димка побледнел, но старался держаться невозмутимо.

– Братья, – спокойно признал Крумм, оборачиваясь в сторону источника рева. – Если повезет, они защитят от гулов.

– А если не повезет?

Брови мальчика полезли на лоб, но умный зверь на это ничего не сказал. И лишь за ближайшим холмом снова раздался рев – вибрирующий, хриплый и утробный. Тяжелый настолько, что издать его было способно только очень крупное существо...

Витя почувствовал, как у него отвисает потяжелевшая челюсть. Волосы встали дыбом, словно подражая модной и дерзкой прическе Ходящих По Стенам. Горло перехватило, будто кто-то сдавил резиновый шланг, начисто перекрывая доступ кислорода в легкие.

Вместо испуганного крика, непроизвольно рванувшегося наружу, он смог издать только сдавленное шипение. Повернулся к сестре, словно взглянул в зеркало – до того похожее выражение ужаса застыло на лице девочки. Губы их оледенели, как на лютном морозе: казалось, ударь по ним – и хрустнут, потрескаются, отвалятся ломкими осколками...

Крумм, задрав голову, вдруг зарычал в ответ. Грозно и хищно, с вызывающим оскалом клыков (хоть на фоне предыдущего трубного рева рык звероморфа казался жалким подражанием). Витька вздрогнул и, вознамерившись решительно поинтересоваться у проводника, что же все-таки происходит, шагнул к полосатому. Но не успел даже задать вопрос, потому что кусты на холме слева вдруг с хрустом расступились, и среди ветвей замаячили четыре приземистые фигуры.

– Вот они! – закричал гул, что шел первым. – Хватай, ребя!

И с пыхтением бросился вперед, торопясь и спотыкаясь. Настя вскрикнула, Витя от неожиданности поскользнулся, Крумм пригнулся и ощерился, готовясь к схватке. Но в это же мгновение стало заметно, что кораллы на вершине заросшей постройки скрывают длинный ржавый забор из сетки-рабицы, покосившийся и почти незаметный. Неряха, командовавший остальными, уперся в преграду, скривившись от негодования и обиды.

– Стреляй, ребя, а то уйдут! – со злостью выпалил он, первым поднимая громоздкий пистолет и просовывая ствол в ромбовидную ячейку ржавого забора. – По кошке пали!

Крумм, уже изготавившийся к драке, сориентировался первым.

– Бежим! – прорычал он, рывком ускользая с линии огня.

Оружие гула зашипело, из него вырвался язык зеленоватого пламени, по каверне раскатилось эхо выстрела. В землю (где еще секунду назад находился звероморф) ударило что-то тяжелое, смертельно опасное, выбившее из мха фонтанчик пыли. Трое остальных Нерях, заметив причину замешательства лидера, бросились на сетку. Цепляясь за проволочные ромбы толстыми пальцами, начали карабкаться вверх. Забор застонал, захрустел, и несколько его секций тяжело завалились на коралловые кусты, вызвав новый вопль разочарования...

А что же наши герои? Они, преодолев оцепенение, конечно же бросились за четвероногим проводником. Побелевшие от страха, лихорадочно соображающие, что делать дальше, они все-таки не позволили ужасу сковать мышцы – пустились наутек, пригибаясь и не оглядываясь.

Объятые жадой легкой наживы, бандиты неловко перебирались через упавший фрагмент забора. Голосили, подбадривали друг друга, размахивали оружием и злорадно ухмылялись, полагая, что теперь-то жертвам уж точно не скрыться.

Крумм нырнул в ложбину между холмами-ангарами. Заметил, что замаскированная ограда преграждает путь и здесь, резко свернул направо и бросился вверх по склону. Ребята, стараясь не отставать, бежали, не разбирая дороги и тяжело дыша. В ушах стучало, глаза заливал пот, а потому они даже не обратили внимания на то, как тяжело и мерно начала пульсировать под ногами земля...

Мимо Димкиного уха что-то просвистело. Ломая ветки, рассыпавшиеся коралловой крошкой, толстая стрела исчезла в зарослях, едва не испив человеческой крови. Вскрикнув и затравленно обернувшись, мальчик успел заметить, как гул, яростно ругаясь, наклонился перезарядить арбалет...

Четверка беглецов взлетела на покатую крышу одного из корпусов Артефициалии. В носы ударил едкий запах химикатов и горелой электрической проводки. Четверка преследователей, продолжая вопить, кинулась следом.

Крумм грациозными прыжками уносился прочь. Замирал лишь на мгновение, чтобы определить, не отстают ли друзья, и снова стремился вперед. Возможно, не обладай бандиты оружием дистанционного поражения, звероморф не стал бы убегать и предпочел дать бой. Но он, как и ребята, ничего не мог противопоставить пулям и стрелам, а потому...

Под ногами Насти вдруг застонала земля. Точнее – ржавая жестяная крыша, спрятанная под слоем пыли, камней и лишайника. Нога девочки вдруг провалилась в пустоту, сама она упала, сильно ударившись животом, и закричала от боли и неожиданности. Димка, бежавший рядом, тут же вцепился в ее капюшон, вытягивая, словно утопающего из проруби. Витя, не сразу заметивший падение сестры, остановился так резко, что чуть не сверзился с холма. Крумм обреченно застонал, но к пролому и близнецам приблизиться не решился.

– Держись, Настюха! – взвыл Дима, до ломоты в костях потянув сестру за плечи. Под ними что-то трескалось, шуршало и осыпалось в мрачные глубины полого холма. Когда Витя, оценив ситуацию, тоже сделал шаг к пролому, брат закричал на него так, что вздрогнул даже саблезубый: – Назад, дурень! Или вместе рухнем!

Настя, провалившись почти по пояс, улеглась на грязный лишайник, изо всех сил помогая вытаскивать себя наружу. Ломая ногти, она цеплялась за камни, распределяя вес тела на как можно большую площадь и стараясь не делать резких движений. И когда стало казаться, что девочка вот-вот выберется из неожиданной ловушки, на холм взбежали четверо Умелых...

– Попались, арсилитские выродки! – завопил тот, что бежал первым. – Не уйдете!

Крумм широко расставил лапы. Подземный кот твердо решил вступить в последнюю смертельную схватку, но все же подарить друзьям еще хотя бы минуту спасительного времени. Димка снова потащил сестру вверх, не обращая внимания на рвущуюся куртку. Витя нагнулся, подхватывая булыжник и примеряясь запустить его в грабителей. Но тут произошло событие, поразившее всех восьмерых – и убегавших, и догонявших...

Над краем холма появилась голова. Здоровенная, размером с целого Крумма. Темно-зеленая, вытянутая и сплюснутая с боков, покрытая каменно-твердой чешуей и увенчанная полупрозрачным кожистым гребнем. Длинная пасть медленно открылась, обнажая десятки белоснежных зубов, по сравнению с которыми клыки полосатого казались безобидными игрушками. На детей пахнуло смрадом.

Гулы завопили, но на этот раз не от азарта – их охватил неопиcуемый ужас. И не успел первый из них даже дернуться или поднять секач, как гигантские челюсти сомкнулись на его поясе (Насте они напомнили ножницы, в одно движение отхватывающие косу), почти скрыв его из виду. Неряха заверещал, захрустели кости, оружие выпало из сильной руки. А неведомая чешуйчатая тварь, схватившая бандита, еще сильнее сжала зубы, обрывая вопль, после чего презрительно выплюнула тело жертвы в ближайшие кусты.

Оставшиеся на ногах злодеи стали пятиться, сразу забыв и о погоне, и о наживе, и об Отзвуке Эха, лежавшем в школьном ранце. Один из них выстрелил в громадную голову из арбалета, но попал лишь в бронированную скулу, от которой стрела со звоном отколошетила. Вожак Умелых вскинул перезаряженный пистолет, прицелился и...

Длинный хвост толщиной с человеческую ногу, покрытый мелкой темно-зеленой чешуей, появился из-за спины гула. Взметнувшись в воздухе, раскручиваясь плетью, и с пронзительным щелчком приложил Неряху вдоль всего тела, подбросив вверх. С такой же легкостью, как мы щелкаем пальцами по смятой бумажке, отправляя ее в полет. Гул жалобно вякнул, пистолет его выстрелил в сторону, никому не причинив вреда. А затем крепыша оторвало от земли и по дуге швырнуло далеко-далеко, где он со смачным *шлеп!* ударился об одну из железных колонн, подпиравших «небо».

Димка поймал себя на том, что окостенел, пораженный случившимся. Спыхватившись, он предпринял еще одну попытку освободить сестру. Рванул еще раз и наконец-то сумел вытянуть девочку из пролома.

Настя, не спеша подниматься на ноги, еще несколько метров проползла по-пластунски. И лишь затем вскочила, обалдело изучая блестящую голову ящера-переростка, находящуюся близко-близко. Настя сразу вспомнила игуан, которых им когда-то показывали во время экскурсии в зверинец Спасгорода. Но если в бой с гулами и вступила игуана, то ее размер превосходил норму во много-много раз...

Убедившись, что опасность падения внутрь холма миновала, Крумм подскочил ближе.

– Уходим! – глухо рыкнул он. – Братья задержат гулов!

– Братья?! – воскликнул Витя, наблюдая, как уцелевшие бандиты пятятся со склона, на который неспешно карабкается их огромный чешуйчатый враг. – Ты же сказал, они нам помогут?!

– Они и так помогают, – ответил саблезубый, медленно отступая в противоположную сторону. – Но прошло много Циклов. Крумм не знает, что случилось с мозгами сторожей Наседки, так что...

Двое оставшихся гулов наконец не выдержали – развернулись и бросились наутек, забыв и о добыче, и о раненых товарищах. Однако с другой стороны холма вдруг показался обладатель хвоста-плетки – еще один Старший Брат, такой же чешуйчатый и здоровенный, как первый. И если девочке ящеры напомнили обитателей спасгородского террариума, то Виктор первым делом вспомнил гигантские проекции имаджировщика Мистициона...

Двигаясь тяжело, неспешно, но неотвратимо, две рептилии отправились в погоню за Неряхами, ступая так, что содрогалось дно каверны. Животные молчали, и лишь с громким *уф-фу* вырывалось из их ноздрей дурно пахнущее дыхание. Зубами аккуратно подцепив Витьку за край куртки, Крумм потянул оцепеневшего мальчика прочь.

Гулы тем временем добрались до сетчатого забора, который еще недавно с таким рвением форсировали. Старшие Братья, вышагивая на массивных задних лапах и покачивая короткими передними, подступали к добыче с двух сторон, словно прицеливаясь.

– Уходим, – повторил Крумм. – Не стоит на это смотреть...

И первым спустился с холма, выбирая новую тропу среди покосившихся барачков

Артефициалии. Щелкнула арбалетная тетива, закричал Неряха. Оставляя за спиной бандитов и их палачей, ребята снова припустили со всех ног. Настя мужественно хромала наравне с остальными, держась за отбитый живот. Девочка не плакала и не жаловалась и лишь позволила Димке придерживать себя под локоть.

– Они... они чудовищны, – наконец подобрав термин, выдохнул Витя.

– Крумм говорил, Наседка умеет за себя постоять, – ворчливо ответил кот.

Мальчик хотел еще что-то сказать. Вероятно, продолжить спор о том, что враг моего врага не всегда является другом... Но просто не успел. Потому что в следующее мгновение гулы клана Умелых в очередной раз доказали, что жажда легкой наживы в их душах куда сильнее инстинктов самосохранения или стремления помочь гибнущим сородичам...

Троица бандитов (та самая, что прибыла на втором Локо) вывалилась из-за угла ближайшего блока Наседки, скрытого тонким коралловым ковром-вьюном. Бросилась к верхушечникам, от неожиданности закричавшим, и тех снова захлестнуло волной адреналина...

Крумм все же был непростым животным – во времена юности Спасгорода инженеры Артефициалии провели немало дней, совершенствуя показатели саблезубой породы. Звероморф рванулся к противникам еще до того, как отзвучали крики ребят. Ударил одного лапой в живот, заставив крутануться, брызнуть красным и завалиться лицом в кусты. Увернулся от взмаха короткого меча. Хищно оскалился и уже присел на задние лапы, чтобы прыгнуть на следующего врага... но тут его остановил стон Насти и резкий грубый голос, приказавший жестко и повелительно:

– А ну, назад, хвостатая тварь! – Подтверждая угрозу, в наступившей тишине щелкнул взводимый курок пистолета. – Втяни когти, если не хочешь, чтобы я проделал в голове этой арсилитки лишнюю дырку!

Да, гулы оказались алчны и глупы. Это же нужно придумать: преследовать добычу, когда совсем рядом Старшие Братья терзают соклановцев? Но еще они оказались решительны и быстры – один из коротышек схватил Настю, приставив кургузый ствол к виску девочки, а последний из бандитов навел на звероморфа короткоствольный мушкет.

Крумм, все еще скалясь, подчинился, так и не бросившись в атаку. Витя, подняв руки, силился что-то сказать, но только заикался и сопел. Димка, позеленев, сжимал и разжимал кулаки, примериваясь, но пока не решаясь прийти сестре на подмогу. Граненый пистолетный ствол в неверном свете потолочной плесени поблескивал так, будто был чем-то смазан. Заметив нездоровый блеск мальчишечьих глаз, гул перевел оружие на Дмитрия, призывая не делать глупостей.

– Отдай камень, щенок! – угрожающе просипел он, гнусно ухмыляясь. – Может быть, тогда мы вас пощадим...

Димка не шевелился. Врос в дно Наседки, как коралловый побег, такой же хрупкий и неподвижный. Он уже продумывал, как сейчас медленно залезет в ранец, чтобы якобы достать Отзвук Эха... но вместо этого незаметно вынет из-за пояса кухонный нож и кинется к негодю, метя лезвием в пальцы на пистолете. Но к худу ли, к добру ли, храбрецу не дали проявить себя...

Огромная тень метнулась над холмом слева, задевая растущие на вершине кусты. С хрустом, грохотом и увесистым *ба-бах* один из ящеров гигантским прыжком перемахнул ангар Артефициалии, приземлившись точно на гула с ружьем.

Хлоп!

Будто металлический бочонок упал на детскую куклу!

Бесполезное оружие откатилось прочь. Старший Брат, обнажив неровные ряды зубов в подобии улыбки, повернулся к последнему из уцелевших бандитов. Из ноздрей чудовищного звероморфа вырвались струи горячего воздуха. Прищурившись, он издал короткий протяжный рев (у ребят чуть не заложило уши), и Неряха задрожал всем телом. Отбросив пистоль и оттолкнув заложницу, неудачливый грабитель тонко завопил. И бросился бежать, чуть не врезавшись в угол здания, овитого ломким плющом. Отзвуки его вопля еще долго

блуждали над чашей каверны...

Настя, чуть не лишившись чувств от пережитого испуга, покачнулась. Витька, бросившись к сестре, поддержал ее. Димка, стоявший к ящеру ближе всех, медленно, будто в шее свело все мышцы, задрал голову. Рядом с ним, стекая с зубов игуаны-переростка, на каменистую почву капала вязкая розовая слюна. Мальчик покосился в сторону тропы, прикидывая, смогут ли они ускользнуть. Но на дорожку легла тень второго великана – Старший Брат демонстративно перекрывал путь к отступлению...

– Привет, Крумм! – вдруг пробасила рептилия, нависавшая над Дмитрием. Казалось, если зверюга откроет пасть и пригнетса, она без труда проглотит мальчика целиком, вместе с ботинками. – Забыл, что арсилитам вход в Наседку запрещен?

Теперь близнецы рассмотрели массивные ошейники-ретрансляторы, украшавшие обоих звероморфов. В отличие от круммовского, эти приборы было невозможно сорвать – при рождении Артефициалия буквально вживила их в плоть ящеров, погрузив глубоко в зеленую чешую. Один динамик не работал, отчего звук был приглушенным и весьма устрашающим (так обычно в фильмах по амбивизору озвучивали сказочных чудовищ). Но одно дело наблюдать за клыкастым кошмаром, сидя в гостиной с миской сладостей на коленях, и совсем другое – стоять под одним из них, морщась от гнилого дыхания близкой смерти...

Дима, передумав вынимать нож, теперь присматривался к отлетевшему гулскому пистолету. Впрочем, его не оставляли сомнения – толстую шкуру, казалось, не пробить и из армейской пушки...

– Не спеши, Зубохват! – спешно ответил разумный кот, а затем неожиданно и мягко оказался между мальчиком и Старшим Братом. – Это не арсилиты.

– Вот как? – вкрадчиво спросил второй ящер, пригибаясь и выходя на полянку так, словно примеривался, кого бы сцапать сначала. От его поступи подрагивала земля. – Ну так гулов мы тоже не особо жалует... Все знают, что к Наседке нельзя приближаться без разрешения Старших Братьев!

– Они не гулы, Хвостобой, – повернувшись к чудищу, отрезал Крумм. – Нюхай!

Рептилия замерла, явно не доверяя сказанному. Наклонилась еще ниже, жадно втягивая затхлый воздух каверны. Когда Брат шумно выдохнул, на наших героев полетели капельки вязкой слюны.

Ребята остолбенели, словно парализованные – существа, впятеро превосходящие ростом даже здорового Мглистого Механика, словно загипнотизировали их. За время странствий они повидали немало необычного и пугающего, иногда настолько, что неподготовленный человек вообще мог лишиться рассудка. Но впервые, даже по сравнению с прежними ненавистными и опасными врагами, они видели созданий, настолько *хищных* в каждом движении...

– Хм... – протянул тот, которого называли Хвостобоем. Его плотный, покрытый черными прожилками затылочный гребень взволнованно приподнялся. – Крумм не лжет... Какой странный запах!

– Не пугай друзей Крумма, – вежливо, но решительно предупредил полосатый, хвостом хлопывая себя по бокам. – Друзья Крумма не из Катакомбурга...

– Так не бывает!

– Бывает, брат Хвостобой. И они уж точно не желают дурного Матушке! Двумогие спасли жизнь Крумма и собираются спасти его сестру.

– Действительно? – не поверил тот, кого звали Зубохватом.

Осознанная человеческая речь настолько не вязалась с разрушительным образом драконовидных звероморфов, что у ребят закружились головы. Будто насмехаясь над оказываемым ими воздействием, оба Брата продолжали разглядывать чужеродцев так, словно призывали – ну давайте же, человечки, недооцените нас, тупых неповоротливых ящериц, и мы сразу заставим вас поплатиться за это!

Не получив ответа, Зубохват переспросил:

– Малявки собираются помочь тебе спасти сестру, братишка Крумм?

Однако и второй вопрос кот предпочел проигнорировать.

А вот Витя, от напряжения уже не способный сдерживать эмоции, вдруг шагнул в сторону гигантских рептилий. Две огромные головы тут же заинтересованно повернулись к мальчику. Ярко-желтые, с вертикальными обсидианово-черными зрачками глаза прищурились, оценивая уровень потенциальной угрозы.

– Это правда, уважаемые Старшие Братья! – произнес Витя, проклиная пересохшее горло и сипение, из него вырывавшееся. Прокашлялся, не обращая внимания на предупреждающие взгляды Димки и Насти. – Мы действительно не имеем никакого отношения к кланам арсилитов и гулов! И не хотим делать ничего плохого, честное слово. За нами от самого Цветокамня гнались Неряхи... – Он замялся, взглянув на короткие ноги в шахтерских башмаках, до сих пор торчащие из-под Зубохвата, но продолжил: – Спасибо, что избавили нас от опасности... А теперь мы, уважая местные законы, со всей возможной скоростью покинем ваш дом!

Ящеры неторопливо переглянулись, забавляясь тем, как этот маленький чужак пытается вести переговоры. И снова уставились на Крумма, не спеша отвечать двуногому.

– Как это тебя угораздило связаться с чужеродцами, Крумм? – Вопрос задал Хвостобой, причем таким тоном, словно близнецы вообще не участвовали в разговоре.

– Они помогают Крумму выручить Киртану, – терпеливо повторил кот, цепко изучая Братьев и пытаясь разгадать их намерения. Хотя, признаться честно, у котяры, даже такого быстрого и зубастого, в бою против шестиметровых хвостатых глыб не было ни единого шанса... – Сестра Крумма попала в Петлю Глиняных в Переливчатых Зарослях...

– О, братец, – с пониманием протянул Зубохват, все еще продолжая поливать землю возле Димкиной ноги вязкими потоками слюны. – Мои соболезнования... Если бы Братья могли покидать каверну, мы бы обязательно помогли тебе вернуть сестрицу.

– Крумм знает. Крумм благодарен, – важно кивнул котяра, успокаиваясь и переставая хлестать себя хвостом. – Но вы и так помогли Крумму и его друзьям.

И он красноречиво повернулся к поверженным гулам. Дима, воспользовавшись паузой, сделал шаг в сторону – он совсем не хотел, чтобы из пасти Зубохвата ему натекло на макушку. Витька, опешивший от того, с какой легкостью Братья проигнорировали его благодарственную тираду, потирал переносицу, подбирая новые слова.

– В каверне есть свободный Локо? – спросил саблезубый, поглядывая то на одного ящера, то на другого.

Хвостобой хмыкнул, отчего из глотки вырвался звериный рык, заставивший Виктора вздрогнуть и начисто забыть все, что он собирался сказать. Ящер подступил к чужакам поближе. Уселся на могучие задние лапы и обернулся длинным хвостом, чуть раньше отправившим в полет одного из Нерях.

– Откуда? – Старший Брат неторопливо, величественно моргнул, и ребята заметили, что у стража каверны две пары век. Будто задумавшись, изогнутым когтем он поскреб массивную нижнюю челюсть. – Ваши трое Локо были первыми за тридцать полных Циклов. Даже проездом не катают. Многие струны лопнули от старости...

– Крумм огорчен, – встряхнулся полосатый, тяжело вздыхая и злобно поглядывая на неподвижного гула-Неряху в кустах. – Торжище открывается в следующий Цикл Бодрствования. А друзья Крумма слабы и голодны, чтобы добраться на своих двоих...

Близнецы, терпеливо дожидавшиеся окончания переговоров, тихонечко отступили к стене ближнего ангара. Витька, чьи парламентарские таланты были так откровенно проигнорированы обитателями Наседки, насупился и больше не спешил общаться со звероморфами. Димка закрывал собой сестру, а сама она постепенно приходила в себя, все еще ощущая на шее холод пистолетного ствола.

Услышав, что Торжище начнется уже завтра, все трое загрустили. Наши герои понимали: даже если план по спасению Киртаны сорвется по причинам, от них не зависящим, они все равно будут чувствовать вину...

Гигантские ящеры переглянулись. Их гребни приподнялись, делая чудищ еще выше ростом, а Зубохват снова покосился на Крумма.

– Идите к урожайщикам, – вдруг предложил он, причем так непосредственно, словно звероморфы встретились на семейном ужине, а вовсе не на поле жестокого боя. – Уверен, коротыши соберут очередной караван, там традициям не изменяют. А гостеприимство клана Урожая Крумм должен помнить. Там братишке и его друзьям будут рады.

Ребята, уже вкусившие «гостеприимства» подземных общин, погрустнели еще сильнее. Крумм, как показалось, их опасения вполне разделял, особого воодушевления не испытал.

– Несомненно Крумму будут рады! – он брезгливо (как умеют только кошки) потряс лапой, которой ударил гула. – Особенно гвард-терьеры...

– Да перестань! – оборвал его Старший Брат, и на этот раз в голосе рептилии слышалось плохо сдерживаемое веселье. Так обычно обсуждают шутку, известную только посвященным. – Главное, усы в вентилятор не суй, остальное приложится. В том клане все отходчивые. Варианта лучше вам все одно не найти.

Крумм поморщился, будто отведал кислой капусты. С сомнением взглянул на сородича-переростка снизу вверх. Вздохнул, признавая его правоту:

– Пожалуй, верно говоришь... Спасибо, брат Зубохват, ты подал отличную мысль!

– Мы проводим, – вдруг добавил Хвостобой, однако в этом вежливом предложении крылось кое-что недосказанное. Что-то вроде: чужеродцам, даже если они не гулы и не арсилиты, не рекомендуется находиться в пределах Артефициалии без присмотра...

Ящеры тронулись с мест, и от вида их грозных мускулов, перекачивающихся под толстыми чешуйчатыми шкурами, Насте, Димке и Вите снова стало не по себе. Крумм послушно затрусил следом за гигантами, стараясь не попадаться под когтистые лапы. Обернулся, мотнув близнецам головой, – за мной, чего встали?

Троица пошла следом. На негнущихся ногах, стараясь не оглядываться на неподвижные тела Нерях. Как бы то ни было, грозные стражники Наседки не оставляли им выбора...

От шагов Зубохвата и Хвостобоя вздрагивала земля. Кораллы, росшие особенно густо, покачивались и тихонько звенели, когда звероморфы задевали их побеги хвостами. Прибавивший в численности отряд двинулся к границе каверны, огибая металлические колонны и вросшие в землю блоки клонирующей машины.

Через несколько минут стало очевидно, что уставшие двуногие основательно отстают от зверей. Особенно от прямоходящих «игуан», один шаг которых равнялся десятку человеческих. Крумм задумчиво осмотрелся, подыскивая место для короткого привала. Но тут, к удивлению остальных, Зубохват неожиданно произнес, обращаясь напрямиком к Насте (ее все еще покачивало от пережитого стресса):

– Эй, малявка! Хочешь прокатиться? – И остановился, опускаясь низко-низко и подставляя шею. – Я помню, детенышам такое нравится...

Настя ошалела от столь необычного предложения. Глаза ее заблестели. Благодаря чудесному свойству большинства детей быстро забывать плохое и всецело отдаваться новым впечатлениям, она разом выбросила из головы схватку с Неряхами. Еще бы – необычное существо из нижнего мира разрешало ей *такое*!

– А можно? – робко спросила девочка, чувствуя, что на щеках расцветают пунцовые розы.

– Запрыгивай! – был ответ.

– Настюха, ты что задумала? – нервно одернул сестру Витя, но было заметно, что кроме страха и заботы в его голосе звучит что-то еще. Что-то личное.

– Хотели бы нас растоптать, – не оборачиваясь, тихо ответила девочка по пути к хвостатому великану, – давно бы растоптали...

Нерешительно приблизилась к чешуйчатому звероморфу. Стараясь не морщиться от неприятного запаха, с опаской забралась на широкое плечо, балансируя на скользкой шкуре и придерживаясь за упругий гребень. Убедившись, что наездница надежно вцепилась в

толстый ошейник-ретранслятор, Зубохват поднялся в полный рост, заставив чужачку вскрикнуть от восторга.

Мальчишки густо покраснели от зависти.

Теперь, когда Старшие Братья доказали им свое дружелюбие (пусть и весьма сдержанное), идея прокатиться на загровке одного из них казалась самым увлекательным приключением на свете...

Потоптавшись на месте, Зубохват тяжело зашагал по тропе, покачивая хвостом. Крумм, все это время наблюдавший за братьями, растянул губы в саркастической звериной улыбке. Хвостобой, тоже заметив реакцию людей, нарочито недовольно вздохнул (от его дыхания коралловые кусты закачались по всей округе) и демонстративно пригнулся.

– Ладно, чего уж там? – рассмеявшись (его смех больше напоминал рычание, от которого стыла кровь), он мотнул башкой. – Забирайтесь, недорослики!

Переглянувшись, мальчики наперегонки бросились к Старшему Брату. Старались не выказывать нетерпения, но было заметно, что желание оседлать чудовище откровенно переполняет их юные сердца.

Первым забрался Димка, подал руку Вите. Усевшись друг за другом, оба чуть не задохнулись от переполнявшего их восторга. Братья ощущали невероятную мощь звероморфа, каждое движение его литых и непробиваемых мышц. Когда ящер рывком распрямился, каверна качнулась и вдруг предстала совсем под иным углом зрения – именно такой ее видели стражники-Братья.

Набирая скорость, охранники Артефициалии мерно затопали вперед, пригибаясь и чуть покачиваясь. В ушах всадников засвистел ветер. Перейдя на крупную рысь, где-то внизу за собратями следовал Крумм. Даже на бегу кот улыбался, то и дело посматривая на довольных друзей.

Теперь стали заметны и другие Старшие Братья. Не очень многочисленные, но время от времени наездники видели их гибкие шеи и массивные головы, поднимающиеся над полыми холмами. Среди них встречались великаны, способные атаковать тяжелую артиллерию, а также более мелкие сородичи, умеющие выслеживать нарушителей внутри корпусов клон-машины.

Справа и слева мелькали поржавевшие опоры потолка. Каменная граница каверны, почти отвесная, испещренная сотнями ступеней и провалами порталов, приближалась.

Наиболее разрушенные фрагменты Наседки Зубохват и Хвостобой огибали, без слов корректируя маршрут. Однако отмечали ребята и действующие блоки – во многих ангарах горел свет. Там продолжали выполнять свою функцию старинные механизмы, запрограммированные на производство разумных животных. Из капсул вылуплялись крохотные зверушки, промышленные баки смешивали им густые питательные смеси; сегментированные щупы, напоминавшие паучьи лапы, ощупывали крохотные головы малышей, внедряя лингвистические базы; в инкубационных камерах мерцали жарко-рыжим пластины обогревателей.

– Почему вы запрещаете кланам приходить в каверну? – ухватившись за край мясистого гребня и наклонившись к щеке Хвостобоя, прокричал Димка. Он раскраснелся от азарта и бьющего в лицо воздуха.

– А почему Неряхи напали на вас? – донеслось из ошейника, за который держался мальчик.

– Хотели ограбить... – с недоумением ответил тот. И тут же понял, что звероморф имел в виду. – Они вас грабят?

– Увы, Мать дряхлеет, – не сбавляя темпа, подтвердил ящер, чья поступь вибрацией отдавалась в груди всадников. – К нам все реже приходят инженеры гулов, готовые поддерживать ее работоспособность в обмен на молодяк морфов-помощников. И все чаще – чтобы разломать машины и извлечь из них синдриний...

Витька, уловивший только обрывки разговора, с тоской оглядел уникальную машину, почти полностью занимавшую грот. Он еще раз поразился безграничным талантам древних,

вынужденных сотни лет скрываться за стенами Спасгорода... Или вне его стен – в холодных подземных кавернах, отнюдь не столь безопасных после мировых войн и Болезни...

Стена, отгораживающая Артефициалию от других островков пещерного мира, надвинулась – нависла над рептилиями и их наездниками. Огромные поршневые машины, удерживающие скальную породу и контролирующие климат, зашипели и заухали с утроенной силой. Черные зевы порталов дохнули сыростью и холодом.

Выбрав открытый пятачок между полыми холмами и колоннами, стражи наклонились, позволяя детям спуститься на землю. От необыкновенной скачки по просторам Наседки ноги близнецов подрагивали. Но даже свинцовая усталость не могла сравниться со жгучей радостью от поездки. Крумм, почти не запыхавшийся, ждал у подножия одной из лестниц.

– Доброй дороги, братец Крумм! – напоследок сказал ему Зубохват, когда все четверо путешественников наконец воссоединились, готовясь к восхождению. – Желаю спасти сестру. Ну и вам, малявки, удачи!

Рыкнув так, что у ребят в очередной раз заложило уши, гигантский ящер оскалился, брызжа слюной, и направился в глубь каверны. Хвостобой, ограничившись коротким кивком, молча последовал за ним.

– А они и правда братья? – недоверчиво спросил Витя, когда коралловые заросли сомкнулись за гигантскими звероморфами, а почва перестала дрожать.

– Скорее отец и сын, – ответил полосатый, с неохотой примеряясь к ступеням, отполированным тысячами ног. – Хвостобоя изготовили из генетического материала Зубохвата. А тот, если Крумму не изменяет память, появился на свет еще во времена колонизации каверн...

Глава седьмая, в которой царит искреннее гостеприимство, а кое-кто познает цену умеренности

Подъем дался нелегко. Коту – потому что десятисантиметровые когти постоянно скользили по выступам каменной лестницы. Его спутникам – потому что силы покидали их все быстрее, в животах урчало, а натруженные ноги сводило судорогами. Однако они взобрались. Сопя и пыхтя, преодолевая усталость и нарастающий страх высоты.

Вскарабкавшись на один из балконов периметра, все четверо еще раз обернулись к центру уникальной каверны, когда-то подарившей жизнь Крумму и ему подобным существам.

Теперь они смотрели на Наседку совсем другими глазами – различали Старших Братьев, маскировавшихся в зарослях кораллов, улавливали слабое свечение из окон, еще не до конца заросших лишайником. Несмотря на дряхлость и запустение, машина жила, наперекор всему продолжая производить разумных животных.

Возле входа в ближайший портал мерно гудел трансформатор прессовальной машины. Из убегающих в дно труб, протыкая островки вековой ржавчины, вырывались струйки пара. Под его свист на ребят снова накатила усталость...

Что и говорить, они основательно вымотались – сначала потерпев ужасное крушение Лифта, затем угодив в плен к клану Сильнейших, потеряв Настину косу, ускользнув от Нерях-Умелых и став свидетелями жестокой расправы над бандитами, возжелавшими завладеть Отзвуком Эха...

При воспоминаниях о гребенке зубов Старших Братьев Димку передернуло. Было жутко даже подумать, какая участь могла постигнуть близняшек, если бы вместе с ними не было Крумма, нашедшего с сородичами общий язык. Витька тоже был бледен. Может быть, размышлял о несокрушимой мощи Зубохвата и его сына, а может, унесся мыслями в родной Спасгород, такой близкий и столь же недостижимый. Каково сейчас было наверху? Что происходило с Петром Петровичем и Юлией Николаевной, уже совершенно точно обнаружившими пропажу детей? Неужели волнения прежних дней, когда наши неугомонные

герои потеряли контроль над собственной судьбой, вернулись, чтобы ударить по родным с новой силой?

Этого Настя, Витя и Димка знать не могли.

Время от времени одного из них так и подмывало последними словами отругать виновника падения Рифмователя. Но все понимали – выяснять отношения сейчас не время и не место. А потому они держали раздражение в себе, терпеливо снося тяготы путешествия...

– Друзья Крумма спасены, долг возвращен, – подытожил звероморф, искоса наблюдая за людьми. Ветер мягко шевелил его шерсть, придавая морде одновременно лукавое и настороженное выражение. – Есть синдрий. Позволяет нанять Локо. Теперь Крумм может доказать существование забытой кабины. Потом Киртана.

Заботинцы помрачнели. Они не забыли, что сами предложили освобожденному из силка хищнику честную сделку. Предложили еще до того, как лично оценили продажность монорельсов, действительно раздобыли минерал для поездки к Лифту и спаслись от вооруженных злоумышленников, доверив свои жизни все тому же хищнику. Теперь же пришло время вспомнить о договоре и решить – терять время и убеждаться в существовании забытой кабины или как можно скорее последовать на таинственное Торжище, исполняя свою часть обязательств...

– Если поедем искать шахту, не успеем к ярмарке, – наконец признал Виктор, и остальные облегченно вздохнули, подтверждая, что тот выражает общие мысли. – Да и кристаллов на две поездки может не хватить...

Мальчик хотел сказать кое-что еще. Кое-что о том, что они *уже* доверились морфу. О том, что еще до демонстрации Лифта усатый *уже* не обманул их ожиданий. О том, что двуногие собираются и впредь верить его словам. О том, что вера, так часто презираемая, продаваемая или недооцененная взрослыми, на самом деле является очень сильным волшебством, способным сворачивать горы. Но он промолчал, потому что все было ясно и так.

Крумм благодарно кивнул, повернулся и грациозно направился к стене грота...

Верхушечников и их хвостатого товарища поглотил портал – очередной тоннель, прорубленный в толще земли, извилистым коридором соединяющий две каверны. Грот звероморфов, окутанный зеленоватой дымкой, остался позади, совсем скоро превратившись в пятно бледного света на входе в каменную трубу.

Плесень на стенах пропала. Стало очень темно, и ребята взяли за руки, вытянувшись цепочкой. Во главе процессии, положив ладонь на шелковистый загривок Крумма, снова шагала Настя. Над головами шуршали и попискивали летающие зверьки, то и дело проносясь мимо невидимыми снарядами. Под подошвами странников со звонким *крати-крати!* хрустели экскременты летунов, покрывавшие дно прохода густым ковром.

С потолка свисали рваные струны монорельсов, сплетенные из десятков жил толстой титановой проволоки. Ни одна кабина не нарушила затхлого покоя гулом моторов; ни одна фара не прорезала густой тьмы. Дорога вообще казалась запущенной и давно не используемой. Это красноречиво подтверждали обвалы стен и рухнувшие железные подпорки, о наличии которых на пути звероморф предупреждал заранее. Еще окончательно окрепло предположение, что каверны расположены отнюдь не на одном уровне – новая дорога ощутимо вводила под уклон. И через какое-то время своим врожденным чутьем спасгородцы определили, что теперь находятся основательно ниже Артефициалии...

– Куда мы направляемся на этот раз? – сонно спросил Витька, когда крылатые угомонились, и отряд окружила гнетущая тишина, лишавшая ощущения времени и пространства.

– Каверна Урожай, – ответил проводник из темноты, – там живут гулы. Но не охотники или воины, а из числа тех, кого называют *трудогуликами*. Мирные и совсем не враждебные.

– Ну-ну, – ехидно прошептал Димка, замыкавший шествие, – в Цветокамне тоже все были жуть какие работающие и доброжелательные...

Витя, полностью согласный с братом, поспешил уточнить:

– Дружище Крумм, скажи, только честно, – нам есть чего опасаться в Урожае?

Из всех троих только Настя почувствовала, как зверь пожал плечами и недовольно зевнул (как делают люди, когда их заставляют предаться неприятным воспоминаниям).

– Крумм уверен, друзьям нечего опасаться, – негромко и басисто произнес тот наконец. Ошейник под рукой девочки мелко вибрировал, когда мысли образовались в слова. – Урожайщикам нет дела ни до чего, кроме любимой рассады. Они наверняка помогут добраться до Торжища. А с гвард-терьерами Крумм постарается в конфликты не вступать. На этот раз...

Если бы тоннель наполнял хотя бы слабый свет, ребята обязательно бы переглянулись, молча вопрошая друг друга, что значит последняя фраза саблезубого. Но четвероногий уточнять не спешил, темнота надежно изолировала каждого из близнецов, и они просто продолжили свой путь.

Через несколько сотен шагов (и примерно столько же болезненных спотыканий и один почти разбитый лоб) впереди забрезжил свет. На этот раз он был бледно-оранжевым, и на короткое мгновение путникам показалось, что они выходят под настоящие солнечные лучи. Впрочем, иллюзия быстро растаяла – каверну Урожай наполняло привычное мерцание обширных колоний люминесцентного грибка.

Идти стало легче, и живая цепь разомкнулась.

Выбрались из портала, застыв на каменном пороге бесформенного входа, перевели дух. Как и одна поляна их родного города была похожа на другую, так и Урожай напоминал, скажем, Средоточие Покоя. Приблизительно тех же размеров, с такими же покатыми склонами, переходящими в стены, с многочисленными колоннами природного происхождения и паутиной струн под потолком.

А вот что отличало, так это огромный древний клиновидный обвал, похоронивший под собой добрую треть грота. По всему выходило, что остановился оползень давным-давно, затвердев и перестав угрожать местным жителям задолго до рождения близнецов. Из его горба, изломанные и ржавые, выпирали останки сдерживающих машин, разбитых и перемолотых.

Результат стихийного бедствия трудогулики использовали разумно. Изрыли широкий язык обвала норами и комнатами, превратив в пещерный город внутри пещерного города (нужно отметить, что Настя при виде его поехала, невольно вспомнив крысиные норы Свалки), провели внутрь электричество и вообще всячески облагородили лестницами, перилами, балконами и террасами.

У подножия города-оползня раскинулась небольшая деревня, постройками напоминавшая Цветокамень. А почти все остальное пространство каверны занимали теплицы – самых разных размеров и форм, покрытые блестящим поликарбонатом, с дугами из металла и коралловых веток.

А еще они заметили (и Витя даже вскрикнул)... шахту Лифта! Точнее, то, что от нее осталось. Потому что над клином старинного обвала из сводов грота торчал лишь обломок бетонной трубы, который не мог являться ничем иным, кроме как остатком шахты. С одной стороны, вид чего-то родного и знакомого приободрил ребят; с другой – заставил приуныть – столь древен, недостижим и разбит оказался ведущий в Спасгород путь...

Локо-мачт здесь почти не наблюдалось, хотя система струн выглядела вполне исправной и используемой. Над головами мерно крутились лопасти встроенных в скалу вентиляторов – широкие, забранные в решетчатые кожухи, они были вмурованы в стены и потолок, отчего в пещере царила приятная прохлада и легко дышалось. Свет в гроте действительно напоминал солнечный, но только тому, кто никогда не видел настоящего небесного светила...

– А тут людно, – высказавшись за всех, хмыкнул Димка, наблюдая за поселком.

И был совершенно прав. Деревушка у подножия ввалившегося хребта была полна народу – фигурки на улочках различались даже с такого немалого расстояния. На крышах домов колыхались флаги. Над проспектами растянулись пунктирные линии небольших

вымпелов, в которых дети не без удивления распознали гирлянды. От теплиц к поселку то и дело сходились невысокие коренастые гулы, по одному и группками. Причем одного взгляда на их походку хватало, чтобы определить – так вышагивают после тяжелого трудового дня, чтобы в полной мере насладиться ужином и законным отдыхом.

– Идите за Круммом, – произнес кот, и тройняшки снова переглянулись – по голосу зверя было слышно, что с посещением Урожая у него действительно связаны не самые теплые воспоминания.

Наши герои двинулись за ним по пологому холму к дну каверны, вертя головами и с интересом изучая парниковые комплексы, вблизи оказавшиеся весьма внушительными и просторными (особенно для такого невысокого народца, как гулы). Ни пикетов, ни охранных разъездов на дороге не встречалось, а все замеченные урожайщики на чужеродцев смотрели открыто и приветливо. И едва Дима хотел поинтересоваться, отчего же столь милый и вполне миролюбивый городок вызывает у звероморфа такую неприязнь, как брусчатую дорогу им преградила причина этой самой неприязни.

Три здоровенных (на полметра выше Крумма в холке) черных пса, в которых мы могли бы признать, скажем, мастифов, возникли на пути, изучая гостей Урожая внимательно и чутко. Сухие носы, каждый из которых был размером с Димкин кулак, жадно втягивали запахи; под блестящими короткошерстными шкурами мерно, будто кузнечные мехи, работали легкие. Темные на темном фоне ошейники-модуляторы собак были почти незаметны.

– Ну, здрав будь, братец Крумм, – наконец произнес тот, что стоял в центре. Голос собаки был низким и спокойным. Но по приподнявшимся губам пса Витя, Настя и Дима поняли, что дружеской встреча не станет. – С миром ли или снова хулиганить?

Кот к появлению мастифов отнесся весьма философски. Уселся на дорогу, обернул себя хвостом и стал вылизывать правую переднюю лапу. И даже не поднял на стражников глаз.

– И тебе не хворать, братец Бруно, – негромко ответил он, словно не замечая, как испуганно сбились в кучку его юные товарищи. – Крумм сопровождает друзей. Идем по делу особой важности. Крумм не будет делать глупостей. Крумм умеет быть ответственным.

И прекратил вылизываться, будто этой короткой речью сказал все, что считал нужным. Гигантские черные псы двинулись к детям, до них долетело влажное дыхание сторожевых звероморфов. И пусть троица повидала немало, и даже говорящих ящеров размером с двухэтажный дом, от такого собачьего внимания им снова стало неуютно. Обнюхав визитеров, Бруно и его сородичи отступили на несколько шагов.

– Будьте гостями Урожая, – озадаченно сказал старший страж, и остальные угрюмо кивнули. – Но помни, братец Крумм, что за тобой мы наблюдаем особенно пристально...

– Крумм не сомневается, – с важностью, больше присущей князьям кланов, ответил кот, поднявшись на все четыре лапы, и направился к деревне. – Идемте, друзья, нам тут снова рады...

Ребята, преисполненные любопытства и страха, поспешили за полосатым, стараясь не пялиться на собак. Уж больно грозными и чинными, будто заботинский урядник Саньч, были те на своем ответственном посту. От животных исходил запах влажной шерсти, куцые хвосты тревожно подергивались, выдавая скрытое возбуждение.

Бруно и его небольшая стая еще долго провожали чужаков внимательными взглядами карих глаз. Однако когда через пару десятков шагов Настя обернулась, псы исчезли с дороги, растворившись в кварталах теплиц и коралловых зарослях меж ними.

– Ешки-матрешки, теперь понятно, почему урожайщикам не нужны солдаты или стены! – с пониманием и задором усмехнулся Димка, но голос выдавал, что встреча с гигантскими собаками его немало взволновала. – Не ясно только, чего с ними Крумм не поделил... Не расскажешь, кстати?

– Смотри под ноги, друг Дима, – с прохладцей посоветовал звероморф вместо ответа.

Мальчик вспыхнул, смутившись. Хотел оправдаться и даже оглянулся на брата в

поисках поддержки. Но тут брусчатка тракта под ногами превратилась в терракотовую мозаику улиц – путники вошли в деревню у края города-оползня.

Архитектура, как и представлялось издали, на самом деле напоминала Цветокамень. Спасгородцев окружили знакомые каменные постройки из массивных серо-желтых кирпичей, разве что не столь агрессивные и насупленные. Проспекты были широкими и качественно мощеными, по ним неспешно передвигались паровые колесницы и редкие шагатели.

А вот шумных рынков или гостей из соседних кланов почти не наблюдалось – по большей части поселок наводняли местные гулы-урожайщики и их боевые псы, державшиеся с надменной невозмутимостью. Арсилитов не было видно вовсе.

Сами же жители каверны походили на своих сородичей, как один подземный грот на другой: во многом, но с массой мелких различий. Невысокие, широкоплечие и коренастые, с угловатыми скулами, тяжелыми челюстями и густыми бровями. Одежды носили длинные, почти до пят, причем женский костюм было непросто отличить от мужского; оттенки в тканях преобладали светло-зеленые и песочные. Украшения трудогулики почти не пользовались; искусственные волосы (бороды, парики и косы) клеили умеренно и без нелепицы. А вот кошельков, хозяйственных сумок и чехлов с инструментами на поясе висело великое множество. А еще было заметно, что именно сегодня урожайщики вынули из сундуков свои самые лучшие наряды – в каверне шло приготовление к празднику.

Это замечалось и по многочисленным флагам на крышах, и по гирляндам электрических светильников над улицами, и по ярким красочным полотнам, вывешенным на балконах и открытых террасах города-оползня. Суэта казалась деловитой, сдержанной, но над поселком витала стойкая атмосфера предпраздничного возбуждения и предвкушения чего-то интересного и долгожданного.

На одной из окраин поселения ребята разглядели не меньше десятка крупных паровых колесниц, неспешно и упорядоченно нагружаемых мешками, свертками и ящиками. Поток носильщиков, сновавших от складов к машинам, не ослабевал.

– Готовятся к отбытию на Торжище, – прокомментировал Крумм, заметив интерес близнецов. – На этот караван нам и нужно попасть...

Несмотря на немногочисленность гулов из других кланов (что в теории могло бы, скажем, указать на прохладное отношение к гостям), местные оказались удивительно улыбчивы и приветливы. Чужакам то и дело кивали, желая здоровья и доброго Цикла Бодрствования, по местной традиции во время приветствия прикасаясь пальцами к кончику носа. Время от времени кто-то здоровался с Круммом. С расспросами никто не лез, дорогу преградить не спешил, в спину не шептался. И в какой-то момент заботинцы и правда поверили, что Урожай населен мирными и совсем не воинственными существами...

Чем ближе подходили наши путники к центру деревни, тем выше становился градус волнения и приятных необременительных хлопот. Из пещер оползня все выносили и выносили длинные столы, собираемые на главной площади в одну замысловатую конструкцию. Детвора без усталости таскала к ним стулья и лавки. Женщины расстилали скатерти и крепили над проулками нитки вымпелов. Мужчины, встречаемые на пути, все чаще и азартнее прикладывались к небольшим пузатым фляжкам, наличие которых Виктор усмотрел у каждого взрослого жителя каверны. Глаза того, кто глотнул из фляги, начинали задорно блестеть; скривившись, он протяжно втягивал воздух, а затем с новыми силами бросался помогать собратям готовить поселок к празднику.

Остановившись на краю площади, путешественники прижались к стене, чтобы не мешаться под ногами у тех, кто таскал на столы снедь, посуду и полупрозрачные полиэтиленовые шары с гудящими внутри светляками. Звероморф благоразумно подобрал хвост, осматриваясь так, словно собак-великанов среди гулов не наблюдалось вовсе.

– Кто тут старший? – негромко спросил его Витя, поправляя треснувшие очки. – С кем поговорить про присоединение к каравану?

– Вон тот гул, – Крумм мотнул головой, указывая на балконы дворца-оползня. – Это

Верховный Сеятель. Выбран так давно, что все успели забыть его прежнее имя.

Дети устали в направлении, указанном саблезубым. И заметили, что на одной из площадок горы будто дирижер действительно стоит пожилой крепыш в светлых одеяниях. К нему то и дело подбегали за советом или в ожидании распоряжений, отчего Верховный Сеятель ни на секунду не переставал размахивать узловатым посохом. На его верхушке зоркая Настя рассмотрела закрепленную деталь старинного механизма, справедливо предположив, что клан Урожая существует уже очень-очень давно.

Вид Сеятель имел опрятный и благочинный. Количество искусственных косичек на лице носил умеренное. Его щеки и виски под париком были покрыты татуировками в виде грибов, неизвестных знаков и букв, а также растениевидной вязи.

– Как же с ним поговорить, раз он так занят? – нахмурилась девочка. Собиралась было по привычке потеребить кончик косы, но спохватилась, вспомнила – щеки загорелись, глаза потускнели, и она взялась накручивать на палец завязку капюшона.

– Верховный Сеятель опирается на совет из семи Мудрословов, – ответил Крумм, с прищуром наблюдая за парочкой псов-звероморфов, важно обходивших площадь. – С ними и нужно говорить, раз старший занят... Вон, кстати, одна из совета...

И кот неловко махнул лапой, указывая на толстенькую женщину-гулку, суеящуюся возле накрываемых столов. Роста в ней было совсем немного, она едва ли ровнялась с мальчиками, а Настя так и вовсе смотрела на Мудрослова сверху вниз. Советница много улыбалась, казалась милой и разговорчивой, а все расхаживавшие с ее распоряжениями урожайщики делали это весело и с задором. В свои редкие седые волосы гулка вплела множество черных звериных прядей, отчего ее голова казалась забавно-полосатой.

– Ее зовут Анабелла, – добавил саблезубый. – Она поможет.

Вздохнув, Витька первым направился к столам. Дышать он старался как можно реже, потому что в центре площади от неопишуемых запахов съестного кружилась голова, а рот наполнялся слюной. Остальные, стараясь не мешать коренастым коротышкам таскать блюда и бочонки, последовали за ним.

Анабелла как раз решила передохнуть и отошла от столов, чем и воспользовались ребята.

– Доброго вам Цикла Бодрствования, – поздоровался Витя, чуть склоняя голову.

– И вам не болеть, почтенный арси... – Анабелла, на каблуках развернувшись к чужакам, осеклась. Неспешно вытерла руки о передник, повязанный поверх темно-желтого платья, со всей возможной важностью прикоснулась к пухлому носу. Улыбка ее стала тонкой и загадочной. Советница окинула всех четверых цепким взглядом, прищурилась и многозначительно кивнула. – От имени Мудрословов и Верховного Сеятеля я приветствую гостей нашего города.

Крумм степенно поклонился, подставляя загривок.

– Мы... – Витя замялся, подбирая слова. По глазам женщины он догадался, что она куда проницательнее, чем показалось по ее простоватому внешнему виду. – Мы у вас впервые, знаете ли...

– Я догадываюсь об этом, юный господин...

От запахов пищи крутило животы, мысли путались. Может быть, поэтому наши герои и не заметили, с каким пониманием Мудрослов осмотрела их пшеничные волосы, нормальные человеческие уши, рост и ширину плеч. Как задумалась, улыбнулась сама себе, но ничего не сказала...

– С чем же вы пожаловали в Урожай? – вместо этого спросила она, обводя площадь крепкой мозолистой рукой – так радушный и гордый хозяин показывает гостям свои владения.

– Старшие Братья Артефициалии сказали, что совсем скоро гулы Урожая отправляются на Торжище... – Мальчик старался не смотреть по сторонам, сосредоточившись на разговоре. Он слышал, как у Насти заурчало в животе, отчего девочка сконфуженно ойкнула. – Крумм показал дорогу. Вы ведь знаете Крумма?..

Анабелла одарила звероморфа взглядом коротким, но столь информативным, что, если бы представители семейства кошачьих умели краснеть, саблезубый непременно залился бы краской. Затем женщина кивнула.

– Да, мы отправляемся на Торжище, – признала она. – Как заведено. Сразу после праздника.

– А можно... – Мимо пронесли огромный чан с одуряюще-пахучей похлебкой, отчего Витька чуть не захлебнулся слюной. – А можно мы отправимся с вами? Нам очень-очень надо на Торжище... Мы даже можем заплатить, если это нужно! У нас есть немного синдрия...

Советница улыбнулась, на ее щеках появились ямочки, и сразу стало заметно, какой яркой красавицей гулка была в молодости. Она помотала головой и снова коснулась носа сложенными в щепоть пальцами:

– Не нужно платы. Если Бруно пропустил Крумма в каверну, тот среди тех, кого урожайщики считают гостями. Если вы друзья Крумма, вы тоже гости...

– Знаете, мы так не привыкли, – вдруг вмешался Димка, и стало слышно, как его живот тоже урчит голодную сонату. – Чтобы задаром... Может, сможем чем-то помочь? Например, в погрузке самокатов?

Витя и Настя слаженно кивнули, благодарно покосившись на брата за его находчивость. Анабелла смерила всех троих удивленным взглядом. Поджала губу и многозначительно хмыкнула, поглаживая сумки и кошельки, оттягивавшие пояс.

– Интересно... – протянула она, будто попробовав что-то экзотическое, но вкусное. – Похвально слышать столь добрые речи от существ, похожих на арсилитов. Но вы ведь вовсе не арсилиты, не так ли?

И она снова загадочно улыбнулась, глядя то на братьев, то на сестру, то на звероморфа. Димка побледнел, Витя покраснел (на щеках у обоих, точно нарисованные слезинки, проступили россыпи шрамов), глаза у Насти полезли на лоб, а Крумм отвернулся. Но Мудрослов задала свой вопрос вовсе не для того, чтобы услышать ответ. Она еще раз кивнула и подытожила:

– Лучшей помощью, други, – тепло, но с нотками металла сказала женщина, – будет не мешать нам в сборах. Запаситесь хорошим настроением, потому что скоро праздник. А если мне что-то от вас понадобится, я дам знать...

И отошла, жестами подзывая помощников. Раздала распоряжения, отправилась проверять столы. Тех, как стало возможным подсчитать, оказалось восемь групп – по числу Мудрословов и самого князя-Сеятеля, – образовывавших занятный узор, если смотреть со струн под потолком. Рабочий день (точнее, Цикл, как его называли в пещерах) подходил к концу. В поселок из теплиц прибывало все больше освободившихся гулов. Все чаще они прикладывались к фляжкам, все ярче горели их темные глаза, все более шаткой становилась походка.

Из гаражей в бугристом теле оползня выгнали несколько боевых шагоходов, усиленных листами брони. Машины отвели к каравану, где расставили вдоль колесниц. Живая цепь, загружавшая самокаты, постепенно редела – кузова были под завязку забиты товаром.

Чуть поодаль, на краю площади накрывали своеобразное пиршество и для сторожевых звероморфов – ставили здоровенные миски для еды и чаны с питьевой водой. Наблюдая за этим упорядоченным хаосом, близнецы молча замерли на прежнем месте. Их потряхивало от голода и перенесенных тягостей, но гордость и воспитание не позволяли ни просить еды, ни попробовать ее стащить...

– Приготовления почти закончены, – голос Анабеллы раздался так близко и неожиданно, что дети подскочили, а Крумм прижал уши. Мудрослов подошла к ним сбоку, вытирая руки о передник. – Пока не пригласили к столу, идемте, я покажу вам посева...

Ребята переглянулись и вопросительно уставились на звероморфа. Тот, встряхнувшись, лишь повел плечом.

Посевы – это гордость трудогуликов, говорил этот жест. Если вы откажетесь, добавлял пристальный взгляд зеленых глаз, Анабелла обидится. Обидится весь клан...

– Конечно, – без особой радости, но твердо ответил Виктор за всех. – Для нас это честь, уважаемая Анабелла...

И они побрели за гулкой к окраине поселка, где возвышались серо-белые поликарбонатные шатры. Крумм, ступая мягко и бесшумно, следовал за ними, помахивая хвостом. Оглянувшись на столы, густо заставленные угощениями, троица едва подавила дружный стон.

– Голодом уморить задумала... – недовольно, но очень-очень тихо пробормотал Димка, сжимая кулаки.

– Не нервничай, – так же едва слышно пробормотал кот. – Вас приняли в караван. Все, что остается, – набраться терпения.

Дима лишь криво и недоверчиво ухмыльнулся – легко говорить о терпении, когда живот крутит, а один вид заставленных яствами столов кружит голову. Однако стоило советнице ввести гостей внутрь первой же герметичной теплицы, как мысли о еде поблекли, вытесненные свежими впечатлениями.

Да, им было неуютно в этом чужом мире. В мире, где не было ни одного Лифта, способного помочь словом или делом. В мире, где Локо – дальние родственники Лифтов – оказались столь безразличны и продажны, что подчинялись не законным протоколам, а количеству кристаллов синдриния. Такой цинизм со стороны разумных механизмов угнетал наших героев, подавлял и заставлял смотреть на жизнь глазами взрослых. Но огонь азарта, первооткрывательства и искреннего восхищения новым все еще теплился в их юных душах. А потому дурное отметалось легко и непринужденно, усталость и голод отступали, уступая место позитивным эмоциям...

Посмотреть внутри было на что, хоть запах и вид плантаций сразу вызвали у всех троих воспоминания о Грибнице. Потому что урожайщики, как можно было предположить чуть раньше, выращивали именно грибы. В кадках, затененных пластмассовых ящиках, на грядках из рыхлого грунта, на коралловых корягах, горах опилок и даже в мутной илистой воде.

В отличие от поляны, где Витька испортил зрение, в *этом* царстве грибов царил строжайший порядок. Повсюду висели графики дежурств и климатические карты; обогреватели и вентиляторы работали в четко заданном режиме; меж грядками пролегли ровные, чистые и прочные мостки.

Сами плантации, продемонстрированные Анабеллой, оказались такими красочными и разнообразными, что тотчас вытеснили любые воспоминания о слугах Ризоморфа. И пусть мысль о том, чтобы поесть грибов, все еще вызывала у заботинцев легкую тошноту, глазеть на пестрые грядки это не мешало. Настя, мечтавшая стать агрономом, и вовсе чуть не потеряла голову. Отбросив скромность, она набросилась на Мудрослова с расспросами, спешно восполняя пробелы в своих познаниях по биологии.

А расспрашивать было о чем...

В приземистых плексигласовых бараках гости нашли гроздья белоснежных шариков, потрескавшихся так, словно были обмазаны высохшей глиной. Затем бесформенные желатиновые комочки янтарного цвета, сросшиеся в растянутую геометрическую фигуру. Рядом росли нежно-фиолетовые палочки, тонкие и чуть изгибающиеся, в которых без подсказки и гриб-то не определишь. Еще тут были мохнатые пушистые сферы; плоские грибы-узоры, больше напоминавшие кляксу масляной краски; ярко-красные цилиндры, одинаковые настолько, словно сошли с конвейера Штамповальни; мясистые коричневые крупношляпники; мелкие, как ружейная дробь, гвоздики с блестящей серой шляпкой, и многое другое.

– Урожайщики – уважаемый клан, – гордо и неспешно рассказывала советница, ведя их вдоль посевов. – Под землей непросто вырастить пшеницу или горох, а потому наш труд крайне ценится в Катакомбурге. Даже самые безумные воители не рискуют бросать нам

вызов. Потому что понимают, с какой неумолимой яростью может обрушиться на них гнев остальных кланов...

Как затем пояснила Анабелла, какая-то часть урожая предназначалась в пищу подданным Верховного Сеятеля. Что-то выращивали на корм тягловым звероморфам и гвард-терьерам. Что-то использовали в медицинских целях. Однако большая часть грибов заготавливалась именно для Торжища, где свежие и сушеные богатства трудогуликов выменивались на оружие, синдриний, ткани, лекарства, украшения, волосы или детали для паровых колесниц...

Настя сыпала вопросами. Витя любопытство тоже проявлял, но куда сдержаннее. И только Димка насупленно молчал, не в силах дожидаться, когда же закончится эта внезапная экскурсия. Крумм, старательно ступавший исключительно по мосткам и ни разу не прикоснувшийся к грязной почве под ними, замыкал шествие.

Наконец Анабелла посчитала, что ритуальная демонстрация богатств Урожая завершена. Все пятеро выбрались из теплицы, только теперь ощутив, насколько влажным и сырым был воздух внутри.

– А теперь, други, – Мудрослов плотно закрыла дверь в парник и указала сторожу, обходившему ряды барачков, что они возвращаются в поселок, – пора к столам! Вижу, вы изрядно голодны и определенно не откажетесь разделить с нашим кланом церемонию Умиротворения и Благодарности...

При упоминании праздника, название которого произносилось столь пафосно и величественно, Витя вздрогнул. Снял очки и стал машинально протирать стекла платком, глядя под ноги. Остальные тоже сбавили шаг – Дмитрий чесал в затылке, а Настя сунула руки в карманы куртки. Все трое вспомнили праздник Снисхождения, устраиваемый в честь одного не очень честного и порядочного Лифта...

– А от чего вы умиротворяетесь, уважаемая Анабелла? – осторожно спросил Виктор, помассировав переносицу грязными пальцами и надевая очки.

– Не от *чего*, – негромко поправила его гулка, покосившись через плечо, – а от *кого* ... – И произнесено это было таким тоном, что по спине мальчика побежали мурашки. – Скоро вы все узнаете... Идемте же. Предупреждаю, что отказ от угощений будет воспринят как оскорбление клану! Вы же не хотите, чтобы мы обозлились?! – Она озорно сверкнула глазами и прыснула от смеха, глядя на их побледневшие лица. – Да я шучу, други, характер такой! Но отказа и правда не приму, так что все за мной! И ты, Крумм, тоже приглашен, знаешь ли...

– О, какая честь, – кот едко усмехнулся в усы, но за друзьями поспешил.

Празднество Умиротворения и Благодарности тем временем начиналось. За столами уже было полным-полно гулов (по большей части покачивающихся, икающих и излишне разговорчивых), кто-то напевал, кто-то хохотал над шутками.

Шестеро Мудрословов заняли свои места, спустился с террас и сам Верховный Сеятель. Те урожайщики, кому выпало работать на торжестве, сбивались с ног, обслуживая пирушку и расставляя на столах блюда и шарообразные светильники с гудящими внутри насекомыми; поодаль собралась немалая стая псов-звероморфов, пока не спешившая приступить к угощениям. Поселок окутала заразная атмосфера разгоряченного ожидания, в которой сидящий сбоку незнакомец легко мог стать лучшим другом, а сердца переполняли умиротворение и покой...

Анабелла провела детей и Крумма к «личной» группе столов, усадила неподалеку от себя, среди вполне взрослых гулов, хоть ростом и едва достающих чужеродцам до плеча (Димка скинул ранец с сокровищами, поставил на землю и крепко зажал между ног). Сама гулка заняла стул с высокой спинкой. Дала знак князю, жестами извинившись за опоздание, тот вскинул посох... и тут началось!

Над площадью тотчас взорвалось сразу несколько десятков хлопушек, осыпав головы празднующих ураганом конфетти. Грянул красочный фейерверк, трескуче рассыпаясь над крышами дворца и бросая на лица отблески синего, красного и зеленого. Под потолком

каверны раскрылись искристые цветы салюта. Перемешались, вспыхнули, осели. Близнецы от неожиданности вздрогнули, прижались друг к другу, но гулы вокруг радостно засвистели, захлопали в ладоши и захохотали, и ребята сразу убедились, что опасности нет.

Музыканты, заполонившие один из балконов дворца-оползня, начали играть протяжную, но в то же время торжественную и величественную (немного пугающую) музыку. Пели флейты, стрекотали неведомые инструменты, гулко били барабаны. Под их мерную дробь к столам и сотням урожайщиков за ними из центрального проспекта выдвинулось настоящее костюмированное шествие.

В центре шагали десять гулов, поддерживающих на шестах длинную куклу, изготовленную из множества блестящих сегментов поликарбоната, брезента и фольги. Полый зубастый змей, висающий над процессией, трепетно извивался в их руках, словно живой, чутко подчинялся движениям палок и рыскал по сторонам, словно выискивая жертву. Глаза его сверкали кристаллами чистейшего синдриния. Вокруг серебристой сегментированной ленты выплясывали ряженые трудогулики, изображавшие представителей различных кланов.

– Что это за существо? – с тревогой спросил Витя, наклоняясь к Анабелле и почтительно касаясь своего носа. При всей искусственности куклы на шестах, один вид полиэтиленово-брезентового змея необъяснимым образом вызвал у мальчика ощущение близкой беды. Настя и Димка, судя по их осунувшимся лицам, тоже почуяли неладное. – Что-то из ваших сказок?

– Это вовсе не сказки, друже, – терпеливо пояснила Мудрослов, не отрывая внимательного взгляда от процессии, выходящей на площадь. И добавила, по-прежнему не глядя на собеседника, но сделав ударение на конкретном слове: – Это важно знать, особенно *вам*. Пред нами Сер-Пентоборг, безумное Дитя Скал и Страж Границы, почитаемый и пугающий. Он спит наяву и видит тревожные сны о своем пробуждении и Конце Циклов, когда потолки погаснут, струны порвутся и Локо не смогут помогать кланам... Его мы умиротворяем своим торжеством и желаем крепкого сна.

Виктор, ничего не понявший из запутанной речи советницы, при этом отчего-то похолодел. Плечи его ссутулились, аппетит разом исчез, а волосы на затылке приподнялись. Он указал на многочисленную цепь из фигур в красно-черных балахонах, обступивших змея на палках и размахивающих руками:

– А это кто?

Анабелла кивнула, словно подтверждая закономерность вопроса:

– Это члены Ордена Предостерегателей. Отшельники, добровольно избравшие путь служения покою. Объединение представителей всех существующих кланов Катакомбурга, самые почитаемые гулы и арсилиты во всех гротах. Им дозволено не работать и не воевать, и именно их мы благодарим за наблюдение и контроль...

– Контроль над чем? – протолкнул Витя сквозь пересохшие губы, уже предполагая ответ. Наивные и суеверные предания урожайщиков странным образом тяготили и не давали покоя.

– Над Сер-Пентоборгом, конечно, – с уважением озвучила его опасения Мудрослов, а взор ее затуманился. – Именно этому занятию Орден, освобожденный от работ в теплицах или шахтах, посвящает все свое время.

– Ага, совсем как наши Смотрители... – недоверчиво вставил Димка, сидевший рядом и слушавший разговор. – Баклуши бьют, правду скрывают, а весь город их корми...

Глаза Анабеллы сразу прояснились.

Она повернулась так резко, что полосатая прическа колыхнулась. Очень внимательно посмотрела на гостей, но ничего не сказала и возобновила наблюдение за праздником. Под столом Витька что есть силы двинул брата кулаком по коленке. Тот, прикусив щеку и уже осознав, что сболтнул лишнего, даже не возмутился. Настя укоризненно покачала головой...

Гулы в полосатых балахонах продолжали рваный танец вокруг куклы-змея. Музыка

ускоряла ритм, все быстрее двигались плясуны, все чаще вскидывали руки. Палки под Сер-Пентоборгом ходили вверх-вниз, отчего серебристая лента двигалась пугающе реалистично. Наконец марш набрал максимальную мощь. Изображавшие Предостерегателей артисты опустились на колени, а Дитя Скал рухнуло на площадную плитку, свернувшись сонным кольцом.

Урожайщики тут же вскочили с мест, рукоплеща так громко, что у ребят заложило уши. Все обнимались, хлопали друг друга по спине и продолжали прикладываться к флягам. Процессия расходилась («спящий» змей остался лежать посреди пустого пятака). Под потолком еще раз прогремел яркий салют, и Верховный Сеятель отдал приказ к началу пира.

Все набросились на еду.

Нужно ли говорить, что в числе первых (едва дождавшись официального разрешения) была наша троица? Оголодавшие, они принялись накладывать из всех тарелок подряд, стараясь не переступить приличий, но сдерживаясь не очень-то успешно. Отведали грибного рагу, затем грибного пирога, а после грибного супа и жареных грибов тоже закусили грибным пюре и паштетом и наконец откинулись на спинки лавок, ошалевшие от внезапного счастья.

Вкусная горячая пища и дружеская атмосфера смогли выдать из памяти и ужас от падения в Лифте, и жестокость гигантских рептилий, и ненасытную алчность Нерях...

– А они действительно хорошие, – вдруг сказала Настя, дыша так, будто пробежала стометровку. – Урожайщики, в смысле. Не то что другие кланы...

– Это потому, что тебя накормили, – хохотнул Витька, подумывая, не расстегнуть ли ему пояс на штанах. – Тут все хорошенькими станут...

Крумм, в отличие от других звероморфов допущенный к пиру и сидевший неподалеку, с интересом поднял голову. Грибную похлебку из глиняной миски кот ел без охоты и энтузиазма, часто кривясь и облизывая усы, но совсем от угощения отказываться не стал.

– Нет, – твердо ответила девочка, рассматривая морщинистые лица трудогуликов. – *Эти* не такие. Я просто знаю. Чувствую... – И было в ее словах что-то, отчего брат не захотел спорить.

В этот момент дело дошло до традиционных речей, которыми урожайщики продолжали пир. Начиналось все со старшего за каждым конкретным столом – Мудрослова или самого Сеятеля. Анабелла встала, взяла в обе руки ритуальную чашу из желтого металла. Говорила недолго, но от сердца и с жаром, желая каверне процветания, женщинам и детям здоровья, мужчинам храбрости, а грибам приплода. Затем советница отхлебнула, передала чашу по кругу, и ребята заметили, что за соседними столами происходит то же самое – гулы проговаривали что-то важное или желанное, пили и передавали чашу соседу.

– Ой-ой, – пробормотала Настя, уже предполагая, что совсем скоро очередь дойдет и до них троих.

Крумм, наблюдавший за пиром из-за ребячьих спин, поспешил предупредить:

– Будьте осторожны, друзья, – негромко донеслось из его ошейника. – Грибной отвар урожайщиков крепко бьет в голову...

И вот не прошло и четверти часа, как сосуд с отваром (прислужники постоянно подливали в него, чтобы не пустел) добрался до наших героев. Первым на его пути оказался Димка, принявший чашу из рук гула-соседа со смущением и благодарностью.

– Спасибо вам, – кратко сказал мальчик, и его щеки окрасились румянцем, – что помогаете, причем за просто так...

И сделал глоточек – осторожный и крошечный. Однако едва жидкость коснулась губ, глаза его вспыхнули, он довольно улыбнулся и пригубил еще. Над столом прокатился одобрителный возглас, а Мудрослов удовлетворительно кивнула. Забрав у брата чашу, на ноги поднялась Настя. Вся мебель в поселке была изготовлена для низкорослых трудогуликов, а потому оказалась очень комфортной для юных заботинцев.

Принюхиваясь к напитку, девочка чуть не скривилась в гримасе неодобрения.

Но тут же вспомнила, что близнецов в Урожае приняли как своих – взрослых и равных (благодаря Крумму и проницательности советницы). А это многое значило и требовало решительности...

– Желаю жителям каверны по три ведра с одного куста, – смущенно подбирая слова (очевидно, близнецы не имели большого опыта в произнесении подобных речей), сказала Анастасия, вспоминая присказки маминых знакомых агрономов. Обвела взглядом собравшихся за столом и остановилась на Анабелле. – Пусть не коснется ваших ферм болезнь или гниль, пусть всегда полными будут закрома!

И тоже отпила, хоть и значительно меньше, чем Дмитрий. Судя по лицу сестры, напиток ей очень понравился, а потому Витя без сомнений принял у нее сосуд. Прокашлявшись, встал.

– Спасибо за оказанную честь, – произнес он, чуть заметно поклонившись Мудрослову. – Желаю, чтобы напасти и горе обходили ваш дом стороной, а змей спал вечно!

И тоже глотнул, тут же ощутив, как мгновенно теплеет в груди, а шумный горячий поток врывается в сознание, делая мысли легкими и свободными. Его слова были встречены дружным ликованием, а Анабелла снова кивнула. И в этом коротком величественном жесте читалось, что женщина не ошиблась в чужеродцах...

Гостю шумно захлопали, со всех сторон в его честь поднялись чаши и пузатые фляжки. Краем глаза мальчик заметил, как брат (лицо Димки покраснелось) потянулся к ближайшему кувшину, наполнил керамический стакан и тоже вытянул руку, радуясь вместе с гулами.

Витя опустился на скамью, чувствуя легкое головокружение. Настроение при этом приподнялось, а окружающие стали казаться еще дружелюбнее и приятнее. Настя, благодушно вздохнув, откинулась на твердую спинку и уставилась в потолок каверны, где медленно вращали лопастями гигантские вентиляторы. Димка попивал из стакана, с каждым глотком улыбаясь все веселее и шире.

– Уф, друзья, что-то я напердякался на неделю вперед, – шепотом сознался он. Погладил себя по животу, сыто икнув и глупо хихикнув. – Прямо от пуза...

– Напердякался... – Настя задумчиво покатила выражение на языке, продолжая следить за ржавыми лопастями. – Слова-то такого нет... Ты, Димочка, где его взял-то?..

– Как это нет? – возмутился тот. – Есть такое слово! – Снова потянулся к стакану, но Витя легко похлопал его по руке:

– Димка! Ты бы не налегал, ладно? Чувствуешь же, как по башке бьет...

– Ой, отстань, – фыркнув, отмахнулся брат, скривившись и выпятив губу. – Ты мне что, папка? – И тут же, резко сменив тон, взглянул преданно и честно. – Ох, Витек, ты бы только знал, как я тебя люблю! Даже несмотря на твой характер, вот клянусь тебе... Ик... – Он запоздало прикрыл рот ладонью и снова хихикнул. – Ну, пускай ты Ходящим завидуешь, что памятник не нам, а им поставили... Ик... – Новый смехок. – Пусть ты нас сюда уронил, бывает... Но ты все равно хороший! Я тебя лю...

Димкин язык начал заплетаться, и Крумм с интересом подступил к столу. Анабелла, занятая выдачей распоряжений, за гостями не следила. Настя продолжала пребывать в эйфории, а вот Витька покраснел до кончиков ушей. На его левой щеке ярко вспыхнул пунктир шрамов.

– Кажется, тебе пора остановиться, – негромко и с плохо скрываемой злобой процедил он сквозь плотно сжатые губы. – Мы с Настей тебя тоже любим, но сейчас ты переходишь...

Витя не договорил, потому что в этот момент все семеро Мудрословов поднялись со своих мест, а Верховный Сеятель отдал приказ переходить к следующей стадии торжества. Выяснилось, что за время буйного пира оркестр переместился с балкона на площадь, и, едва дождавшись взмаха княжеского посоха, тут же вдарил что-то бодрое, танцевальное, ритмичное.

Гулы и гулки, пошатываясь и смеясь, ринулись из-за столов, обступили лежащую куклу-змея просторным подвижным кольцом. Дима, рассеянно переключив внимание с

брата, мгновенно забыл, о чем только что шла речь. Подхватив полный стакан, мальчишка вдруг вскочил с лавки, беспечно оттолкнув ногой бесценный школьный ранец, и устремился к урожайщикам.

– Пляски! – радостно завопил он, расплескивая грибной отвар. – Ура!

Витя попробовал удержать кутилу за рукав, но промахнулся и чуть не свалился на землю. Подтянул ранец к себе, тяжело вздохнул. Настя оставила вентиляторы и теперь наблюдала за танцующими, с удивлением отмечая, какими маленькими были гулские дети, тоже резвящиеся среди празднующих. Рядом со спасгородцами они казались настоящими карликами, но при этом не испытывали ни малейшего стеснения. Равно как и князь с советниками, охотно веселящиеся наравне с рядовыми членами своего клана.

Минуту Настя размышляла о чем-то важном (во всяком случае, так казалось по ее лицу), а затем вдруг поднялась на ноги. И не успел брат сказать ей о странном поведении Димки, как девочка уже влилась в круг на площади и начала отплясывать вместе со всеми. Впервые после Цветокамня она отбросила капюшон, перестав стыдиться коротко остриженного затылка.

В каверне окончательно стемнело. Обширные потолочные колонии погасли, погрузив грот в сонный полумрак, разрываемый лишь светом городских фонарей. Снова начали взрываться хлопушки и петарды. Наполненные ими коробки стояли почти на каждом столе, и любой желающий мог привнести в праздник еще немного шума, проведя чиркачом по шершавой поверхности и швырнув бумажный цилиндр в воздух. С террас дворца-оползня запустили несколько фейерверков побольше, на несколько секунд раскрасив радостные лица сполохами красного и ярко-желтого. Электрические гирлянды гасили одну за другой. Слуги снимали со столов прозрачные шары со светлячками, встряхивали и перевешивали на столбы вокруг площади.

Крумм подсел поближе. Сейчас он казался таким мягким, таким уютным, что кота хотелось потискать и даже подергать за усы, несмотря на грозные клыки. Витя сдержался, с недовольством заметив, что не совсем управляет своими желаниями...

– В начале следующего Цикла Бодрствования у твоего брата будет болеть голова, – доверительно сообщил звероморф. – Крумм знает по собственному опыту.

Мальчик не ответил. Музыка сменилась, к ним усталой походкой вернулись Настя с Димкой. Оба раскраснелись, улыбались до ушей и наперебой обсуждали гостеприимство трудогуликов. На скамью плюхнулись тяжело, чуть не перевернув ее, что вызвало новый приступ смеха. Однако уже в следующую секунду Дмитрий помрачнел. Отставил стакан (почти опустевший), обнял брата за напряженное плечо.

– Эх, Витька, а ведь р-радоваться нечему... Ик... – многозначительно произнес он, качая головой. Отцовским жестом запустил пятерню в грязные патлы. – Как там сейчас мамка с папкой? Как Летяга моя ненаглядная?.. Ик... – Казалось, Димка вот-вот расплачется. – Ох, как же я т-т-тоскую...

И снова потянулся к кувшину... но тут на его колено легла увесистая лапа Крумма. Взгляд мальчика с трудом сфокусировался на морде звероморфа, брови поползли вверх.

– Ты чего, Кр-руммчик? – спросил он, а Настя прыснула, прикрывая рот ладошкой.

– Довольно отвара, друг Дима, – требовательно проурчал ошейник саблезубого, и для убедительности зверь покачал головой. – Ты еще ребенок, тебе нельзя...

– Но я хочу! – с негодованием отрезал тот. – Пусти меня. Это п-помогает не грустить! Ик...

– Пойми, – вместо того чтобы убрать лапу, Крумм чуть заметно выпустил когти и сжал Димкино колено, не позволяя мальчику отвлекаться. – В Катакомбурге... да и в вашем мире, Крумм уверен... есть масса способов изгнать грусть. Но даже гулы, очень крепкие и привычные, пьют отвар только в Циклы ритуальных пиров. Трансгуманисты же хмельную настойку обходят стороной. У них есть сосательный камень и нет гулского здоровья. А ты сейчас решил обпить, как дурной, сорвавшийся с цепи арсилит. Уверен, что хочешь угнаться за существами, многократно превосходящими тебя в силе?

Димка, осознавший, что опасные когти «пожимают» его беззащитную ногу, застыл, слушая. Настя тоже внимала Крумму, а Витя облегченно вздохнул, постаравшись, чтобы этого никто не заметил. Он был рад, что с братом решился побеседовать именно полосатый, избавив его от этой нелегкой работы...

– Отвар не решает проблемы. Он ее усугубляет, – продолжал котяра, разговаривая с близнецами как со взрослыми, не пытаясь ничего укрывать или переиначить. – Пока твой мозг пьян, ты ничем не поможешь ни маме с папой, ни брату с сестрой. Чтобы справиться с трудностями жизни, нужно иметь трезвую голову. И холодный рассудок. И об этом в Катакомбурге знают даже примитивные сторожевые звероморфы...

Невольно обернувшись к псам-стражникам, наблюдавшим за праздником с окраины поселка, Настя нахмурилась. Яростно потерла щеки и даже подергала себя за мочки ушей. Убрала стакан из-под Димкиной руки, тем самым признавая правоту четвероногого проводника.

– Но почему урожайщики пьют отвар целыми бочками? – неуверенно спросила она.

– Да, многие кланы используют напитки счастья, чтобы совершить ритуал, – честно признал Крумм, кивнув девочке. – Но никто из них не злоупотребляет зельем. Это плохо. Последствия. Хорошее настроение быстро перерастает в тоску. Веселье – в задумчивость и неразговорчивость. Восхищение – в неприязнь. А еще появляется зависимость. И когда не можешь прожить без глотка ни единого Цикла, считай, что твоя песенка спета. Отныне ты не стоишь ни грамма синдриния. Перестаешь быть нужным всем, кто рядом, – маме, сестре, брату или Летяге, кем бы она ни была...

Дима, молча слушавший монолог звероморфа, наконец кивнул. К столу тянуться перестал, плечи его обмякли, а глаза почти закрылись. Словно дождавшись этого момента, рядом появилась Анабелла и двое гулов-мужчин. Советница тепло улыбнулась близнецам, прикоснувшись к кончику пухлого носа.

– Благодарю за добрые слова на празднике, други, – сказала она, пока урожайщики бережно поднимали засыпающего Димку на руки. – Мы выступаем еще до начала Цикла Бодрствования, а поэтому гостям пора отдохнуть. Постели приготовлены в грузовой колеснице, – она протянула ладонь в сторону каравана, – Крумм может лечь с вами.

В этот момент Витя и Настя вдруг тоже почувствовали, как сильно умаялись и до чего же им хочется спать. Яркие переживания, стрельба и торговля, погони и схватки, нервотрепки и шумный праздник – все это наслоилось одно на другое, и идея отправиться в постель (детям стало тепло от одной этой мысли) казалась просто гениальной.

– Хорошего отдыха, уважаемая Мудрослов, – машинально пробормотала Настя, выбираясь из-за стола и не отдавая себе отчета в словах. – Алмазы в сон, Птицы вон!

Анабелла улыбнулась, а наши герои зашагали за урожайщиком, аккуратно несшим заснувшего Димку к веренице самокатов. Крумм, поклонившись советнице, мягко поспешил следом. Пользуясь ее разрешением спать внутри колесницы, он собирался снова согреть маленьких путешественников теплом своего пушистого тела.

Глава восьмая, в которой кланы проводят традиционное собрание, а кое-кто включается в аукцион

Пробуждение оказалось рваным и болезненным.

Витька, открыв глаза, первым делом заметил сестру, уже сидящую у борта машины и потирающую лицо. Поднялся на жесткой лежанке, собранной из пледов и спальных мешков (во время сна она казалась самой мягкой из существующих на свете перин). Зевнул, чувствуя, как отдает в затылок тягучей головной болью.

Димка, разметав постель, еще спал, бормоча и подрагивая, – что снилось ему, можно было лишь гадать. Крумм наблюдал за заботинцами из дальнего угла кузова, устроившись среди массивных ящиков, хотя Витя мог поклясться, что сквозь дрему он явственно ощущал

его приятную мягкую шерсть... Звероморф следил за детьми равнодушно, но в его взгляде мальчик все же уловил оттенки неодобрения.

Кое-как встав на ноги и придерживаясь за пирамиды груза, среди которого отдыхали гости Урожая, Настя пробралась в угол будки. Там располагался отгороженный занавеской туалет. Когда девочка вышла, туда проследовал Витя.

Коробка-кузов, куда их поместили после пира, была просторна, герметична и темна – свет давали лишь затухающий жучиный фонарь под потолком да бледные желтоватые лучи, пробивающиеся сквозь вертикальные щели-окна в левой стене. Сладко пахло сушеными грибами. Двустворчатые погрузочные двери были заперты, как и небольшой люк, ведущий в кабину водителя. От работавшего под днищем парового двигателя внутри стояла влажная жара.

Наконец проснулся и Димка. Тяжело поднялся, держась руками за голову, будто та могла скатиться с плеч; застонал и облизнул пересохшие губы. Хмыкнув, Витя подтолкнул к нему школьный ранец, на котором спал вместо подушки и который так неосмотрительно был брошен минувшим вечером.

– Больше не теряй, – едко прокомментировал он, усаживаясь на приземистый пластмассовый бочонок. – Как самочувствие?

– Где мы? – вопросом на вопрос ответил Дима.

Скривился от качки, забрал ранец и сонно проверил его содержимое.

Пыхтящую от натуги колесницу действительно раскачивало, причем временами весьма основательно. Несмотря на качественные рессоры, машина и ее пассажиры ощущали каждый ухаб и малейшую кочку. Болтанка была непривычной. Наслаиваясь на последствия праздника Умиротворения и Благодарности, она заставляла желудки бунтовать и замутняла сознание. Убедившись, что ценные вещи на месте, Димка устремился в туалет, где его стошнило...

– Проснулся, родной? – с еще большей едкостью осведомилась Настя, пытаясь пятерней причесать короткие, как у мальчишки, волосы. – Голова, наверное, болит?..

– Не то слово, – покорно согласился гуляка, устало возвращаясь на лежанку и утирая рот рукавом куртки. – Мы едем на Торжище?

– Верно, – наконец подал голос и Крумм, глаза которого в полумраке мерцали драгоценными камнями.

– И уже не один час, – подтвердила девочка. – Я проснулась первой, трудогулики уже были в пути. Кажется, проехали пять или шесть каверн, но наверняка сказать сложно, – и она многозначительно посмотрела на окна.

Те были узки и располагались высоко даже по человеческим меркам. А хоть бы и ниже: слюдяные пластинки, заменявшие стекла, были забраны мелкой сеткой, мутны и не позволяли толком рассмотреть происходящее снаружи. Однако Витя все равно попробовал выглянуть, привстав на цыпочки.

Заметил размытые холмы и овраги нежилой (во всяком случае, навскидку) незнакомой каверны, двух трусящих вдоль борта гвард-терьеров, родственников Бруно. Несмотря на заверения Мудрослова Анабеллы в том, что на урожайщиков никто и никогда не нападает, на некотором отдалении караван сопровождали несколько боевых шагоходов. Их наездники, вооруженные ружьями, зорко поглядывали по сторонам.

– Да уж, крепко ты вчера набрался, – усмехнулся Витя, возвращаясь на бочку. Может быть, он был бы и рад позлиться чуть подольше, хотя бы для остротки, но так уж близнецы были устроены, что долго держать зла друг на друга не могли. – Помнишь хоть что-нибудь?

– Почти ничего, – заливаясь краской стыда, ответил Димка. – Обжираловку помню, пляски, салют... Еще сказки жуткие про змея какого-то... Ох, ну и суеверный же народ эти гулы, придумают ведь...

– А может, вовсе это и не сказки? – вдруг спросила Настя, сидевшая возле Крумма. – Мне показалось, урожайщики правда верят в Сер-Пентоборга, его безумие и сны наяву...

– Вот ты, сеструха, меня сейчас ни капельки не удивила, – отмахнулся Димка,

возвращаясь к привычному амплуа задиры и насмешника. Потер щеки ладонями, зевнул, тяжело вздохнул. – Ты и сама через провода только правой до сих пор перешагиваешь...

Девочка насупилась, уши ее порозовели. Потому что брат сказал правду – она до сих пор оставалась самой пугливой и суеверной из всей троицы, и не думая прощаться с детскими страшилками. И на самом деле перешагивала провода на полу только правой ногой, потому что считалось – «переступишь левой, мама сляжет с холерой». Дима же продолжал давить:

– Ты еще пророчество Благодати вспомни... – саркастически посоветовал он, но заметил осуждающий взгляд Виктора и поспешно замолчал.

Возникла тяжелая пауза, в тишине которой было слышно, как скрипят колеса повозки, пыхтит двигатель, поскрипывают ящики с продуктами и мелко позвякивает край решетки, отвинтившийся от оплетки оконца. Крумм, благоразумно решивший нарушить неприятное молчание, неспешно потянулся и сказал:

– Гулы оставили друзьям завтрак. – И обернулся к ящику, на котором стоял накрытый тряпкой поднос. – Поешьте, силы понадобятся.

Настя откинула тряпицу, обнаружив под ней кувшин сладкой воды и горку гренок из грибной муки. Витя от предложения отказываться не стал, вместе с сестрой захрустев хлебцами. А вот Дмитрия еще трясло, и он ограничился лишь стаканом питья.

– И долго нам еще ехать? – спросил он, когда голод и жажда были усмирены.

– Полагаю, нет, – ответил звероморф. Кисточки на его ушах затрепетали, словно кот пытался уловить и разгадать происходящее снаружи. – Караван миновал уже шесть каверн. Скоро прибудет на Торжище. Друзья Крумма готовы к тому, что произойдет далее?

Близнецы переглянулись. Сейчас, в полумраке движущегося фургона, покачивающиеся, сонные и бледные, они казались особенно маленькими, уязвимыми и беспомощными. А последний вопрос саблезубого только усугубил это ощущение. Настя, в горле которой застрял кусок хлебца, сдавленно сглотнула:

– А к чему мы должны быть готовы, Крумм?

Не торопясь с ответом, тот поднялся на ноги. Снова потянулся, сладко зевнул, непроизвольно вызвав зевоту у всех троих ребят. Пройдясь по фургону и обтекая корзины и коробки с грацией хищника, полосатый негромко пояснил:

– Будет торговля, – он казался задумчивым, пребывающим в ожидании какого-то важного, очень ответственного момента. – Будут продавать братьев Крумма. И Киртану тоже будут продавать, на что Крумм надеется. Важно выбрать момент. Не позволить себя запугать или переиграть. Не отступить перед прожженными торгашами из гулских кланов. Не спасовать перед заносчивостью арсилитов. Потому что если друзья Крумма совершат ошибку...

– Мы не ошибемся, – громко вставил Дима, но из-за вчерашних злоупотреблений его голос звучал не очень убедительно.

– Если ценность Отзвука не преуменьшена, – с жаром добавила Настя, стремясь поддержать его энтузиазм, – мы справимся, Крумм, не волнуйся! А потом ты отведешь нас к Лифту... верно?

Кот смерил девочку долгим взглядом ослепительно-зеленых глаз.

– Крумм дал слово, – твердо ответил он, на чем разговор был окончен.

Теперь все смотрели на ранец, лежащий подле Димки, – на обыкновенный школьный портфель, пригодный для носки на спине, скрывающий в своих исцарапанных дерматиновых недрах сокровище, на которое надеялись все четверо. Несмотря на духоту и жар, исходящий от пола, ребятам стало холодно и неудобно...

Настя вздохнула, и тут от головы каравана вдруг донесся низкий протяжный гудок. Сигнал подхватила вторая колесница, за ней – последующая, и так до самого хвоста, пока все самокаты гулов не загудели в унисон. Витя пулей оказался у окна и заметил, как шагатели устремились вперед, а их наездники стали зачехлять ружья. Скорость механизированной колонны замедлилась, и без того неверный свет померк.

– Въезжаем на Торжище, – проинформировал Крумм, укладываясь на живот (в условиях качки морфу было неудобно и приходилось постоянно выпускать когти, чтобы не потерять равновесие). – Осталось миновать последний портал...

Фургон окутала тьма тоннеля, ведущего к заветной каверне. Фонарь со светлячками под потолком почти погас, удивительные насекомые засыпали. Под тяжелыми колесами машины хрустели и перестукивались камни. Край тарелки от завтрака мерно отзванивал о бочок кувшина, его звон раздражал и умиротворял одновременно. Спасгородцам казалось, что они приближаются к порогу чего-то важного, ответственного, и платой за их храбрость станет отнюдь не только освобождение сестры звероморфа...

А потом в окна-бойницы брызнул луч яркого света, и все догадались, что вереница паровых колесниц выбралась на открытое пространство. Крумм наострил уши, задумчиво вслушиваясь в гул за бортом. Димка застегнул куртку и натянул ранец на плечи. Витя снова приткнулся к окну, за которым мог видеть лишь нечеткие обманчивые образы.

– Эх, не разобрать ничего... – с досадой пробормотал он, и саблезубый тут же привлек его внимание:

– В потолке люк.

– Ой, точно!

Мальчик благодарно кивнул и начал осторожно карабкаться по ящикам и тюкам. Настя, проверявшая, плотно ли застегнуты липучки на голенищах ботинок, неодобрительно нахмурилась, но промолчала. Добравшись до потолка, Витя открыл задвижку и распахнул люк. Внутри тут же ворвался хаотичный пестрый гул, вызвавший у близнецов сразу две яркие ассоциации: первая – в концертном зале настраивает инструменты огромный оркестр; вторая – кто-то разозлил пчелиный улей одной из городских ферм...

Осторожно высунувшись наружу, Виктор какое-то время молчал, судорожно вцепившись в края проема. Остальные, обеспокоенные его неподвижностью, тревожно переглянулись.

– Ты чего там, Витек? – спросил брат, а Настя даже подергала его за штанину.

– Этого не описать, – просипел мальчик, наклоняясь внутрь, и они заметили, как возбужденно блестят глаза за линзами очков. – Поднимайтесь, вы должны это видеть...

Уговаривать не пришлось – оба полезли вверх, стараясь не опрокинуть коробки и корзины на лежащего внизу Крумма. И хоть под потолочным люком было совсем немного места, они все же смогли, тесно прижавшись друг к другу, высунуть головы.

Вам хорошо известно, как много удивительного повидали наши герои за время своих путешествий. Однако картина, открывшаяся им в этот момент, сумела поразить детей до глубины души. И ни тряска, ни хлопья горячего пара, летевшие в лицо, не могли помешать насладиться впечатляющим зрелищем...

Димка присвистнул, Настя охнула.

Каверна, в которую прибыл караван, была не просто искусственной пещерой – освобожденным от всего лишнего пространством в толще земли... Она являлась цельным произведением искусства мастеров древности, единым архитектурным объектом, титанической постройкой, сооружением высочайшего порядка. Центр грота занимала огромная круглая арена, идеально плоская и покрытая толстым резино-асфальтовым ковром. Диаметр площади оценить было непросто, но большая часть Заботинска на ней бы разместилась с легкостью. А во все стороны от круга, заменяя стены, к сферическому потолку поднимались ступенчатые террасы, на каждом уровне которых можно было играть в футбол.

Торжище оказалось гигантским котлом, перевернутым конусом, острие которого срезали, цирком Летней Ярмарки, увеличенным в тысячи раз. Витька, с приоткрытым ртом рассматривавший уходящие вверх ярусы, мельком подумал, что от этого места наверняка бы остался в восторге грозный Мистицион, способный изготовить и показать здесь иллюзию невиданного ранее масштаба.

Внутри монолитных скальных стен пролегали ровные и широкие, аккуратно

обработанные проходы-каньоны, по одному из которых и полз сейчас караван урожайщиков. Таких проспектов было немало – словно симметричные спицы гигантского колеса, они начинались от порталов периметра и выводили точно в центр амфитеатра. Над «спицами» столь же строго были протянуты струны, подведенные к каменным швартовочным вышкам. Ни шахт, ни сталагмитов, подпирающих своды, не наблюдалось.

По краям арену усеивали двадцатиметровые колонны, изящные и массивные одновременно. На террасах то тут, то там виднелись обломки серых памятников, элегантных портиков, мраморных перил, фонтанов или эффектных парадных лестниц. Освещение давали не потолочные колонии плесени, а многочисленные прожектора, часть которых была разбита, но половина функционировала вполне исправно.

– Вероятно, часть каверн электрифицирована благодаря геотермальным источникам... – пробормотал Виктор, но его предположение осталось без внимания остальных.

О чем вообще можно было размышлять в столь торжественный и захватывающий момент? На фоне подавляющего великолепия пещеры казалось, что ребята стали совсем крохотными, уменьшенными до размера кукол...

– Для чего было создано это место? – сдавленно спросила Настя, покусывая ноготь на большом пальце.

– Кто знает? – философски ответил Витя. – Может быть, во времена строительства Спасгорода тут проводили общие собрания? Вроде наших Ярмарок... Но одно очевидно – его создатели постарались на славу, это уж точно.

Караван тем временем продолжал движение, пыхтящей гусеницей выползая на темно-серую матовую арену. Возница-урожайщик в полуоткрытой кабине колесницы услышал детские голоса. Обернулся, на пассажиров посмотрел с неодобрением, но ничего не сказал и вернулся к управлению самокатом. А близнецы, вдосталь насладившись видами просторной светлой каверны, наконец заметили не только устройство грота, но и существ, его наполнявших...

Торжище (как процесс, а не как географический объект), судя по всему, уже начиналось. Во всяком случае, тут было немало тех, кто давно прибыл на место и подготовился к мероприятию заблаговременно и основательно. Многие ярусы-ступени занимали шатры, модульные домики и торговые палатки. Флаги и вымпелы кланов висели почти на всех стенах, колоннах и столбах, чередуясь с аляповатыми рекламными растяжками.

На дальнем конце арены концентрация самоходной техники просто зашкаливала – там устроили стоянку, куда представители кланов после разгрузки отгоняли свои колесницы и шагоходы. В центре возвышались девять помостов (еще несколько строилось под звонкую дробь молотков), по которым сновали гулы и арсилиты. Пространство вокруг сцен занимали торговые ряды, напомнившие рынок Цветокамня.

Из порталов все прибывали и прибывали делегации. Иногда это был лишь одинокий самокат; иногда – целая группа, как у представителей Урожая; иногда – процессия всадников на ходунах или ездовых звероморфах. В каверне стоял невообразимый шум и галдеж, усиленный особенной акустикой амфитеатра.

Троица, стараясь не сверзиться на Крумма, оживленно вертела головами, разглядывая как уже знакомых подземников, так и совершенно новых и необычных.

Вот они увидели (Настя судорожно вдохнула) шумную процессию Нерях, разряженных и вооруженных небрежно и разномастно. Заметили статных арсилитов, двигавшихся сквозь толпу с пренебрежением и надменностью профессиональных танцоров. Долго всматривались в отряд гулов, одетых настолько неприметно и так похожих друг на друга, что запомнить их внешность не представлялось возможным. Удивились необычной сбруе еще одного из гулских кланов – перемотанные ремнями крепыши были сплошь покрыты железными шипами и лезвиями, торчащими из плеч, локтей и даже пяток (перед такими прохожими толпа благоразумно расступалась, стараясь держать дистанцию). Похихикали над

бородачами, волосы которых были так густо измазаны гипсом, что закаменели и потрескались. Подивились на арсилитов, выраженных в совершенно одинаковые строгие одежды, да еще и передвигавшихся ровным строем исключительно по команде старшего. Обратили внимание на представителей незнакомого клана гулов, настолько увешанных приборами, датчиками, циферблатами и различными механическими примочками, что под ними не было видно ни одежды, ни лиц...

Сновало по Торжищу и немало звероморфов, причем как занятых в работе, так и свободно прогуливающих по просторам арены. Могучие рогатые тянули жестяные телеги и волокуши-упаковки с материалами для строительства сцен. Под самыми богатыми арсилитами с нарочитой бравадой гарцевали разумные кони. За ними, собранные в цепикараваны, выступали звери, похожие на лошадей, но несущие на спине огромный мохнатый горб. Сторожевые псы, напоминавшие стражей Урожая, зорко поглядывали за происходящим с верхних ярусов амфитеатра.

Еще тут были животные, ранее не виданные детьми. Например, миниатюрные волосатые существа, невероятно похожие на людей, но поросшие шерстью с ног до головы, с длинным цепким хвостом и трехпалые – они восседали на плечах торговцев, время от времени что-то нашептывая своим хозяевам.

Над головами торжищан, без остановки гудя моторами, сновали разнокалиберные Локо. Похожие на гигантские разноцветные бусины, они поочередно и спешно швартовались к вышкам, высаживали пассажиров и торопливо убегали на новый вызов.

Свою долю гомона, гама и предпраздничного бардака вносили и артисты, решившие воспользоваться скоплением разномастных обитателей Катакомбурга и подзаработать сребров или синдрия. Фокусники показывали трюки с картами и проволочными кольцами; плевались огнем хмурые гулы с ожогами на лицах; акробаты без усталости скакали и выстраивали живые пирамиды, многие вышагивали над толпой на невероятно длинных и хрупких ходулях. Где-то играла музыка. Надрывались громкоголосые зазывалы, рекламирующие товары и заманивающие посетителей Торжища в лавки, на аукционы и презентации...

Караван остановился.

Колесницы расположились по кругу, и трудогулики тут же приступили к разгрузке. Повсюду раздавались властные команды нескольких Мудрословов, сопровождавших торговую экспедицию. Наши герои спустились в фургон, где их дожидался нетерпеливо переминавшийся на месте Крумм. Дверцы тут же распахнулись, гулы начали вынимать и складировать ящики. Через дверной проем было заметно, как несколько урожайщиков поднялись на ближайший ярус амфитеатра, где начали установку шатров, украшенных клановыми гербами. Стараясь никому не мешать, ребята спешно выскользнули из грузовика, сбились в кучку и осмотрелись.

– Основательно обживаются, – прокомментировал Димка, поправляя лямки ранца.

– Торжище будет вестись восемь полных Циклов, – негромко ответил ему звероморф, жадно втягивая воздух, наполненный сотнями разных запахов. – За это время тут будут заключать и расторгать политические союзы. Продавать вещи, провиант и сородичей Крумма. Наверняка сыграют несколько свадеб. Проведут игрища и турнир. Большой Торг – видное и важное событие в жизни кланов Катакомбурга...

– Всемогущие Процессоры, – вдруг просипел Витька, дергая брата и сестру за рукава. – Это же Глиняные...

Ребята побледнели. Крумм оскалится при упоминании своих врагов, а затем все обернулись в сторону, указанную мальчиком. Обернулись – и действительно заметили процессию угловатых, приземистых и весьма грозных на вид гулов, прокладывавших путь сквозь толпу. От Следопытов веяло дикой энергией, неукротимой злостью и надменностью. Ни вожака, ни Киртаны среди охотников заметно не было.

– Они идут на аукцион, – с рычанием произнес полосатый кот, пригибаясь. – Крумм готов спорить на свою жизнь, что Глиняные Следопыты постараются избавиться от живых

трофеев как можно раньше. Так сэкономят на кормежке и охране пленников...

– Значит, нам следует пойти за ними? – как можно обыденнее поинтересовалась Настя, хотя голос девочки подрагивал, как и ее губы.

– Да, – признал Витя, но предупреждающе поднял палец: – Однако сперва нужно сказать спасибо!

С этим согласились все, и даже саблезубый, проявлявший все больше нетерпения.

Обогнув самокат и стараясь не попадаться под ноги работаг, дети и звероморф отправились на поиски Анабеллы. Которую почти сразу и обнаружили – женщина стояла на металлической подножке грузовой колесницы, торопливо отдавая распоряжения и строго покрикивая на лентяев. пышная полосатая прическа княжеской советницы виднелась издали, будто черно-белый путеводный маяк. Заметив гостей, гулка улыбнулась, что-то сказала подмастерью и легко спрыгнула на упругое дно арены.

– Легка ли была ваша дорога? – спросила Мудрослов, прикасаясь к кончику носа.

– Да, конечно, – поклонился Виктор, повторяя вежливый жест. – А вообще мы хотели поблагодарить за гостеприимство и возможность добраться до Торжища. Спасибо вам.

Урожайщица улыбнулась, не спеша с ответом. Еще раз внимательно осмотрела всех троих, кивнула разумному зверю. И негромко сказала следующее:

– Вы действительно необычные существа, друзья Урожая, – Анабелла прищурилась, стараясь говорить так, чтобы не расслышали трудогулики, увлеченные обустройством лагеря. – До прошлого Цикла я и подумать не могла, что старинные сказки про *поверхность* не лгут. Но убедилась и поражена в самое сердце. Не могу знать, мир или войну принесли вы в Катакомбург... я не арсилит, чтобы читать мысли других и чувствовать оттенки аур... Но я немало прожила на свете и вижу перед собой хороших и честных подростков. А потому желаю удачи в любом начинании, и пусть разольется над вами милосердие спящего Сер-Пентоборга! Отныне вы желанные гости клана. Отныне мы все – множество камней единой горы, из разобщенного малого составляющие великое и монолитное. А после того как он научился вести себя при общении с Бруно, это приглашение касается даже Крумма...

Покосившись на морфа, она лукаво улыбнулась одними глазами. Хищник, тихонько фыркнув, только повел усами. И пусть его поза или взгляд говорили – ах-ах, Мудрослов Анабелла, как смешно! – он все равно почтительно поклонился советнице.

А затем гулка повернулась, чтобы снова взобраться на подножку самоката, и возобновила командование. Ребята, к своему удивлению крайне расстроенные этим расставанием, побрели прочь...

– Друзья-чужеродцы уловили, что хотела сказать советница? – посматривая по сторонам, спросил Крумм. И тут же тихо посоветовал, не дожидаясь ответа: – Накиньте-ка капюшоны. Ваши смешные ушки местный народ может не оценить...

Витя поджал губу, втайне огорчившись, что такая простая и ценная мысль первой не пришла именно ему. Оба мальчика натянули капюшоны школьных курток (Настя, стеснявшаяся новой стрижки, сделала это еще на выходе из фургона). И этот обыденный, столь повседневный жест вдруг показался ребятам крайне зловещим, сопряженным со страшной опасностью. Снова остались они в одиночестве, предоставленные самим себе, полагающиеся лишь на удачу и резвые ноги.

После гостеприимства и теплоты, с которыми их встречали трудогулики Урожая, на ребят накатила тоска. Теперь становилось понятно, о чем спрашивал их Крумм в душном нутре фургона. В суе и столпотворении Торжища было на самом деле легко потерять не только храбрость, но и голову. И единственным, что согревало наших героев в этот миг, было осознание скорого возвращения домой. Несмотря на страх, они твердо верили, что смогут сдержать обещание, а после разыскать забытый Лифт...

Уловив (как обычно в минуты переживаний) тревожные мысли братьев, Настя остановилась прямо посреди людного торгового проспекта. Протянула руки, ловя ладони мальчиков. Решительно развернула к себе, и Витька с Димкой поняли настрой сестры. Встав в маленький тесный круг, близнецы взглянули друг другу в глаза.

– Мы ведь через многое прошли, верно? – спросила девочка, чувствуя, как за ее спиной стоит на страже троицы верный звероморф.

– Точно, сеструха, – кивнул Дима. – Мы справились, несмотря ни на что.

– Мы вместе, и в этом наша сила, – глухо признал Витя. Очки поползли с переносицы, но он не разомкнул живой цепи, чтобы их поправить, – лишь чуть приподнял и запрокинул голову. – И эту силу не сломили ни Красимира, ни Мглистый...

– Ни Гильдия, – добавил брат.

– А значит, мы справимся и сейчас! – подтвердила Настя, и в этот момент их сердца преисполнились такой уверенности, что стало жарко. Близнецов охватило чувство всеисилия и беззаботной отваги, почти не присущее взрослым, но такое легкое и всеобъемлющее в юном возрасте. – Крумм, отведи нас на аукцион.

Кот, блеснув зелеными глазами, развернулся и направился в торговые ряды.

Арена амфитеатра, превращенного в здоровенный рынок (по сравнению с ним провинциальный базар Цветокамня казался крохотным и уютным), гудела, голосила и музицировала наперебой. От обилия товаров кружилась голова, в глазах пестрело, в нос врывались самые необычные запахи.

Гулы и арсилиты, выставившие торговые павильоны своих кланов, продавали все, что только можно было представить. Еду и разные ткани, обломки старых самокатов и сдерживающих механизмов, гайки и винты, горюче-смазочные материалы в бутылках из глины и прессованной коралловой крошки, провода и шланги, ценные запчасти к Локо, железную руду, старые микросхемы, лекарства, драгоценный синдрийской разной чистоты, допотопные амбивизоры, инструменты, оружие и многое другое.

– Димочка, – позвала Настя, ускоряя шаг и нагоняя брата, вырвавшегося чуть вперед. – Ты бы за сумкой последил. Я чувствую, кругом карманных воришек не меньше, чем продавцов...

Мальчик недоверчиво покосился через плечо, собираясь поинтересоваться, откуда ей это известно. Но не стал, что-то прочитав в ее взгляде. Послушно снял ранец, перевесил на живот – смотрелось забавно, но так было удобнее и позволяло контролировать клапан.

А затем они вышли на одну из отгороженных площадок, где держали пленных звероморфов. И хотя Крумм вздрогнул от ушей до кончика хвоста и застонал, представителей семейства кошачьих в загоне не наблюдалось. Понуро опустили головы две горбатые лошади; отсутствующим взглядом смотрел куда-то вдаль (на память ребятам сразу пришла пленная крыса на Ярмарке Спасгорода) здоровенный пес с облезлой на лапах и загрызке шкурой. Все животные были привязаны и, разумеется, лишены ошейников-модуляторов. Торгами управлял незнакомый клан гулов, лишь отчасти напоминавший Глиняных Следопытов.

Мальчишки насупились, а Настя сжала кулаки и задохнулась от негодования.

– Я считала, что вы полноправные члены подземного общества! – с вызовом бросила девочка Крумму, с горечью наблюдая за пленниками, которых по одному выводили на сцену аукциона. – Но вас продают, словно какие-то вещи!

Димка тут же вспомнил про несправедливое и бесчеловечное обустройство Интерната, до недавнего времени являвшегося неотъемлемой частью Спасгородской цивилизации. Лоб его перечеркнули морщины, но он предпочел промолчать. Витка, покосившись на брата, догадался, о чем тот думает, но тоже ничего не сказал. Он, немало читавший о старинных государствах и формах управления странами, предположил, что у любого политического строя есть своя обратная, *темная* сторона...

Крумм тут же подтвердил эти опасения, и в голосе его звучали злоба и грусть.

– Ты совершенно права, друг Настя, – сказал звероморф. – Но вы уже взрослые, чтобы понимать – одиночки всегда рискуют. Конечно, никому не придет в голову брать в рабство Бруно. Или ему подобных. Но сородичи Крумма и иные звери предпочитают *полную* свободу. А она несет опасности.

– А если кто-то попытается сбежать? – предположил Димка, расстроившись оттого, что

у сестры окончательно испортилось настроение. – Это выглядит совсем несложным...

– Проще отработать сотню-другую Циклов. Получить свободу по заслугам. Потому что обычно хозяева что-то придумывают насчет побегов, – неохотно признал Крумм. – Например, бомбу с дистанционным управлением в кандалах. Или яд, противоядие от которого есть только у надзирателей.

– Из вас же делают настоящих рабов! – не унималась Настя, а у Вити вдруг зачесалась лодыжка – в том самом месте, где еще недавно ногу окольцовывал электронный браслет слежения. – Так нельзя!

– А у вас дома совсем нет невольников? – угрюмо парировал разумный кот, опуская голову и даже не ожидая ответа.

Настя хотела возразить. И даже набрала в легкие воздуха, но поперхнулась и замолчала. Она вдруг тоже вспомнила... в частности, про червей, навеки привязанных к смертоносным Реакторам. Отвернувшись от загона, девочка последовала за остальными к соседней сцене, куда их вел проводник.

Миновали еще пару кварталов, состоящих из торговых улиц. Очередной помост с мельтешащими на нем гулами приближался, нависая над палатками и шатрами. А на нем...

На краю слева было установлено массивное кресло, снятое с гульского ходуна. За креслом (больше напоминавшим трон) крепился полиэтиленовый штандарт с яркой символикой клана и гранитным навершием; в основании лежало несколько каменных блоков с грубыми ритуальными узорами. Вокруг трона толпилась свита в знакомых примитивных нарядах из шкур и браслетов, разодетая в жуткие глиняные маски, скрывавшие лица до квадратных подбородков. В правой части сцены, уже выведенные из клеток, послушно ожидали своей участи пятеро безмолвных звероморфов (среди них не было ни одной кошки). А в кресле, вальяжно откинувшись на спинку и скрестив ноги, сидел собственной персоной Бордим Измельчитель, главарь Глиняных Следопытов в маске с железными шипами...

Несмотря на то что воины клана оставались вооружены, все их бумеранги и арбалеты были перемотаны Путами Благоразумия: ремнями и прочными брезентовыми чехлами, не позволявшими самым вспыльчивым мгновенно пустить оружие в ход. Такие же простые меры предосторожности ребята могли видеть на ружьях и топорах урожайщиков – по общим законам Торжище было обязано пройти мирно, без кровопролития и тем более чьей-либо гибели.

Вокруг близнецов собиралась толпа. На помост поднялся гул в рабочем фартуке поверх опрятных длинных одежд, в этом лысом коротышке безошибочно узнавался распорядитель аукциона. В руках он держал бронзовый молоточек и небольшой гонг, в который намеревался бить при окончании торгов. Над помостом тут же прокатился глухой мелодичный звон – так ведущий призывал к тишине и объявлял начало продаж...

Дети переглянулись, молча спрашивая друг друга, где же может находиться сестра Крумма. Бритоголовый тем временем выставил на продажу двух крохотных волосатых существ, используемых, судя по всему, в качестве торговых советников. Хвостатые мохнатики (мы бы, скорее всего, признали в них юрких мартышек) жались друг к другу, с опаской поглядывали на Бордима и дрожали, ожидая приговора.

– Что это за зверьки? – спросил Витя, наклоняясь к Крумму так, чтобы его никто не услышал.

– А? Что? – Звероморф, казалось, очнулся от тяжелого сна. Поразмыслил над вопросом, возвращаясь в реальность из мира грез. – Это ловкачи. Умные малыши, да. В разведке, торговле или охране жилища им нет равных. Их осталось очень мало. В какой-то момент часть арсилитов решили, что Наседка выводит новую расу, чтобы противостоять кланам. Тогда ловкачей стали истреблять. Но часть укрылась в нежилых кавернах. Теперь они стоят кучу сребров...

Из толпы полетели первые предложения – ставка, еще одна, повышение ставки. Кто-то выругался, кто-то азартно потирал руки. Распорядитель кивал, каждый раз направляя молоточек на претендента, и начинал неторопливо считать вслух громким зычным голосом.

В итоге над сценой прозвучало «три!». Следопыты радостно заухали, довольные добычей, а Измельчитель даже расхохотался. Арсилит, выкупивший ловкачей, поднялся на сцену, чтобы забрать приобретение.

Похожим образом в последующие полчаса были проданы совсем молодой жеребец, рогатый тяжеловоз и еще один мохнатик-ловкач. У ребят начали затекать ноги, плечи болели от случайных тычков, а копившееся напряжение заставляло сердце сжиматься, вызывая приступы удушья. И когда казалось, что больше Глиняным нечего предложить покупателям, на сцену вывели еще двоих звероморфов. Первым шел четвероногий ящер (словно уменьшенная копия Старшего Брата Артефициалии), старый и полуслепой. А вот вторым...

Даже не прикасаясь к Крумму, наши герои почувствовали, как напряглись мышцы саблезубого, готового броситься к помосту. Из глотки раздалось глухое вибрирующее рычание, хвост хлестнул по полосатому боку. Звероморф даже шагнул вперед, но Дмитрий бесстрашно положил руку на его загривок, ощутив, как шерсть под пальцами поднялась дыбом.

– Хочешь все испортить? – как можно спокойнее спросил мальчик, наклоняясь к уху зверя. – После всего, через что *нам* пришлось пройти, чтобы добраться на Торжище?

Кот замер. Еще раз хлестнул себя хвостом, мелко затрясся, но выдохнул и поник:

– Нет, друг Дима. Крумм спокоен. Не будет совершать ошибок.

Опустив голову, он больше не смотрел на сцену, где его сестра – отощавшая, но гордая, стояла между лысым распорядителем и стареющим ящером. К передней левой лапе невольницы был крепко примотан сверток, в котором находилась небольшая, но мощная бомба...

Киртана оказалась очень похожа на брата (почти как герои этой истории – друг на друга): та же желто-песочная, лишь чуть более темная полосатая шерсть... те же клыки из-под верхней губы... те же кисточки на ушах. Только глаза кошки были значительно светлее, чем у Крумма, и напоминали кристаллы самого прозрачного синдрия во всем Катакомбурге.

Рептилию продали довольно быстро и почти без торгов. Чужеродцы не могли даже представить, кому может понадобиться такое существо, к тому же довольно дряхлое на вид. Крумм же в объяснения, по понятным причинам, углубляться не хотел. А вот к последним торгам распорядитель подошел издали, прекрасно понимая, что за зубастую невольницу можно выручить куда больше...

– Братья гулы! Уважаемые арсилиты! Представители кланов! Перед вами воистину великолепный образчик! – принялся распинаться бритоголовый коротышка, заставляя Настю сжимать кулаки. – Уникальная боевая порода. Не перепрограммированная, выращенная на воле, дерзкая и опасная! Купите эту киску, и сможете сделать из нее настоящую военную машину – хоть для охраны рубежей, хоть для сведения счетов с ненавистными соседями! Первая ставка – двести сребров! Кто предложит больше?

И не успели ребята опомниться, как из толпы тут же понеслись выкрики: «Двести пятьдесят!», «Триста!», «Четыреста!» и даже «Четыреста двадцать!» Анастасия, не удержавшись от бессильного стога, покачнулась. Витька сглотнул, наблюдая, как веселятся Следопыты за троном Бордима, а Димка снова положил руку на дрожащий загривок Крумма. Киртана, будто монумент гордости и невозмутимости, застыла в одной позе, глядя вверх на ярусы амфитеатра и струны монорельсов.

– Четыреста пятьдесят! – продолжали выкрикивать со всех сторон.

– Пятьсот!

– Пятьсот двадцать!

– Почему мы не торгуемся?! – чуть ли не взвизгнула девочка, напряженная до предела. Казалось, еще немного, и у нее случится истерика. Даже в тени капюшона было заметно, как покраснелись Настины щеки. – Они же купят ее, и тогда плану конец!

– Рано! – отрезал Виктор, и в его голосе послышались интонации Петра Петровича. – Нужно ждать, чтобы ударить последней ставкой.

Димка покачал головой. Он был согласен с братом, но ожидание, усиленное несущимися со всех сторон возгласами, изматывало пуще каторги Интерната. Свободной рукой мальчик взял сестру за ладонь, призывая проявить терпение. Теперь сквозь него, как через проводник электрического тока, до Насти долетала дрожь звероморфа. В этот же момент ей стало ясно, что, если ставка провалится, Крумм все равно бросится в атаку, и тогда не избежать беды...

– Шесть сотен! – выкрикнул высокий арсилит слева. Его тут же перекрыл голос престарелого гула с другой стороны сцены:

– Шестьсот пятьдесят!

Толпа притихла. Дети не могли знать курса на покупку разумных зверей. Но по сгустившейся вокруг помоста тишине догадались, что ставки стали крайне высоки. Распорядитель аукциона ткнул молоточком в пожилого морщинистого гула, выкрикнув:

– Шестьсот пятьдесят серебров – раз!

Настя заскулила, стиснув руку брата так, что тот поморщился от боли.

– Шестьсот пятьдесят серебров – два! – с вызовом продолжил ведущий. – Шестьсот пятьде...

– Я отдам за этого звероморфа самоцвет, известный в клане Цветокамня как Отзвук Эха!

Сначала Димка и Настя даже не сообразили, кому принадлежит ровный и оледенело-невозмутимый голос, пронесшийся над головами представителей кланов. И только через миг обоим осенило, что последнюю фразу выкрикнул их родной брат.

Молоточек лысого застыл, едва не ударив в гонг. Тишина стала еще более густой, кисельной. Казалось, помост Глиняных Следопытов накрыли стеклянным колпаком, напрочь отрезав гомон остальной арены.

К Вите начали оборачиваться. Сначала один арсилит, затем другой, потом несколько гулов, и через пять секунд на мальчика смотрела вся толпа. Охотники позади трона умолкли, а Измельчитель даже приподнялся с места.

– Ха... – только и смог выдавить распорядитель, на лице которого читалось недоумение. – Юный арсилит решил неудачно пошутить?

– Вовсе нет! – столь же звонко повторил Витя. – Отдам за кошку Отзвук Эха!

Ведущий скривился, незаметно и подобострастно покосившись на застывшего Бордима. Киртана стояла в прежней позе, словно происходящее ее совсем не интересовало. Старик, предложивший высшую ставку, надменно фыркнул, скрещая на широкой груди толстенные руки. Крумм перестал дышать.

– Вы, юноша, должно быть, не в своем уме? – с издевкой предположил бритоголовый гул. – Речь идет о том самом Отзвуке Эха, что украшает один из Столбов Возвеличивания Цветокамня?

– Да! – не отступал Виктор.

– Ну что ж, – вымученно улыбнулся аукционист, – тогда все ясно. Шутка удалась, но мы продолжаем с прежней отметки в шестьсот пятьде...

– Это не шутка! – притянув к себе брата, мальчик торопливо откинул клапан школьного ранца, запустил руку внутрь и нащупал бархатный чехол. Вынул, разворачивая ткань и поднимая увесистую драгоценность над головой. – Нет, это не шутка! Вот Отзвук Эха, принадлежащий мне по закону. И я отдам его в качестве оплаты за этого звероморфа.

У распорядителя отвисла челюсть. У пожилого гула, что торговался последним, сквозь зубы прорвалось ругательство, от которого покраснели стоящие рядом молодые арсилитки.

В гробовом молчании Бордим Измельчитель поднялся со своего места, медленно снимая маску с железными шипами. Под ней оказалось широкое, нездорово-зеленоватое лицо, испещренное десятком шрамов. Держа шлем на сгибе мускулистой руки, вожак Глиняных прищурился, вперившись в «арсилита» свинцовым взглядом.

– Продолжать торг! – рокочущим голосом приказал он, не глядя на лысого. Выговор вождя напоминал манеру речи шахтеров Коп-Копы, но был более грациозным, рваным,

задыхающимся.

– Как изволите, князь Бордим, – пролепетал аукционист, улыбаясь так, словно уголки его губ насильно тянули веревками. – Ставка за звероморфа – великолепный самоцвет, известный как Отзвук Эха! Раз!

Толпа охнула в едином порыве. Гул-старик смачно и демонстративно сплюнул на дно арены, развернулся и ушел, по-хамски расталкивая зрителей широкими плечами. Крумм едва слышно втянул воздух носом, еще не решаясь поднять головы.

– Два! – раздалось над помостом, а бронзовый молоточек снова указал на Витю.

Свет, лившийся из прожекторов под потолком каверны, стал нестерпимо ярким и горячим. Гудение моторов Локо утихло, словно весь грот осознал, сколь необычный торг происходит сейчас на одной из площадок, и решил узнать финал этой драматической истории. Князь Следопытов оставался неподвижен, пристально изучая наших героев.

– Тогда, если никто не против... И не собирается поднять ставку... – Будто намеренно растягивая время, распорядитель медленно занес руку над гонгом. – Отзвук Эха за кошку-звероморфа... Три, продано!

Протяжно звякнула бронза.

И окружающие звуки тут же вернулись – разом, как тонна воды сквозь очищенный затор в бетонном русле. Обрушились на ребят и Крумма, и те совсем не сразу поняли, что вокруг них ликуют и арсилиты, и гулы. Зеваки и участники радовались зрелищу, какое увидишь не каждый Торг, а самые простые и наглые даже похлопывали Витьку по плечам.

Киртана наконец повернула голову. Медленно, будто у кошки затекла шея. Взгляд ее безошибочно нашел в толпе брата... затем переместился к ребятам, еще не поверившим в успех, растерянным и оглушенным. А потом Настя вдруг заметила, как из светло-зеленых глаз саблезубой кошки полились слезы. На полосатых щеках сверкнули две влажные полосы, а затем звероморф чуть заметно поклонилась (увидеть это мог только самый зоркий и наблюдательный ловкач)...

– Забирайте покупку, юные арсилиты, – предложил лысый аукционист, пряча гонг и молоток в просторные карманы фартука. – Но прошу немного обождать. Сейчас мы наденем на эту припадочную намордник и цепи, а также снимем взрывное устройство...

– Не нужно намордника, – яростно замотал головой Димка, начиная проталкиваться к помосту. Крумм последовал за ним, следом потянулись Витя с Настей. – И цепей не нужно!

По приставной лестнице дети и кот торопливо взобрались на сцену, где Витя небрежно сунул Отзвук Эха в потные руки ведущего торгов. Тот, опешив от внезапного нежелания покупателей пеленать опасную хищницу, с подозрением вынул из-за пазухи монокль. Изучив подлинность драгоценности и сопроводительного документа, молча и почтительно передал камень одному из подручных Измельчителя.

– Ты, дядя, ничего не забыл? – резко (быть может, даже излишне резко, но его можно понять) спросил Дима, привлекая внимание бритоголового. И даже хлопнул гула по спине.

Подземник, еще не пришедший в себя от необычности произошедшей сделки, сонно обернулся. И никто из ребят или животных, к сожалению, не обратил внимания, что грозный князь Глиняных Следопытов все еще стоит перед тронem, изучая юных «арсилитов» из-под редких светлых бровей. А на его левом плече, проворный и шустрый, восседает пепельно-черный ловкач, с младенчества прислуживавший лидеру клана. Крохотными пальчиками оттянув край маски, мохнатик что-то торопливо бормотал в ухо властителя. И с каждым новым словом ледяные глаза того сверкали все ярче.

– Да, разумеется! – Распорядитель наконец встрепенулся, снимая с пояса ошейник-ретранслятор, принадлежавший Киртане. – Вы уверены, что цепи не нужны?..

Но мальчик не ответил, вызываясь встав к гулу спиной.

И вдруг услышал, как тихонько всхлинула Настя. Обеспокоенно заглянул ей под капюшон, проверяя, не собирается ли она заплакать. Но девочка жестами дала понять, что в глаз что-то попало. А затем молча указала на Крумма и Киртану, замерших напротив друг друга. И тут Димка понял, что ему в глаз, кажется, тоже угодила гадкая соринка. Смахнув

непрошеную слезу, он счастливо улыбнулся, по-дружески сжимая локоть сестры...

Низко опустив массивные головы и соприкоснувшись лбами, обе полосатые кошки прижали уши и закрыли глаза. Так, словно вокруг не было ни злобных браконьеров, ни надзирателей, ни охранных бомб. От звериного дуэта долетало едва слышное урчание, усы подрагивали. Покачиваясь, будто в трансе, звероморфы осторожно и мягко терлись носами, и в этой трогательной звериной ласке переплелись радость встречи после мучительной разлуки, братская любовь и неподдельная забота.

Да, мы все ссоримся с родными, это не секрет. Бывает, до хрипоты ругаемся с братьями или сестрами, искренне злимся на родителей, а позже – сами став родителями – время от времени сердимся на своих детей. Но уверяю вас, что все эти ссоры и распри – всего лишь эмоции. Потому что во главе семьи стоят вовсе не злость или обида. Во главе семьи стоит то самое чувство, которое испытывали друг к другу зубастые хищники на помосте рабского торга. Возможно, кто-то из вас еще не ощущал его светлой нежности... а кто-то уже успел позабыть... но я точно знаю – оно существует, рано или поздно наполняя сердца такой любовью к своей семье, близким и родным, что позволяет беспрепятственно проходить и огонь, и воду, и медные трубы...

Наконец Крумм отступил к людям. С мольбой посмотрел на Димку, и тот все понял без лишних указаний. Осторожно (несмотря на полную неподвижность Киртаны и совсем уж человеческий блеск понимания в светло-зеленых глазах) присел на корточки, отстегивая сверток с бомбой и надевая на кошку говорящий ошейник. Витя и Настя подошли ближе. Саблезубая хрипло прочистила горло. Помотала головой, позволяя ретранслятору удобнее устроиться на шее, а затем негромко заговорила низким женским голосом.

– Киртана не знает, кто вы такие, – произнесла она, поочередно взглянув на каждого из близнецов и подставляя загривок, – но отныне жизнь Киртаны принадлежит вам навечно.

– Ой, да что вы... – Витя смутился, от неожиданности обратившись к сестре полосатого друга на «вы» и неловко подбирая слова. – Встаньте, пожалуйста. Это все Крумм... он попросил... сначала мы оказали ему услугу, потом он нам, и теперь...

– Просто нам хорошо известно, – мягко, но настойчиво перебила мальчика Настя, – что такое член семьи, угодивший в неприятности.

Киртана с пониманием кивнула, еще раз низко поклонилась. Крумм последовал ее примеру, выражая глубокую признательность.

Толпа, не спешившая расходиться из-под сцены, не могла поверить своим глазам. Там все громче шушукались, с уважением оценивали поступок покупателей и пытались угадать (на это даже заключали пари), что же за странные арсилиты устроили столь необычное представление. А сами «арсилиты» наконец-то в полной мере осознали, что справились. Смогли добраться до Торжища, сохранить драгоценность, миновать смертельные угрозы, выиграть аукцион и не отступить под напором матерых гулских торгашей!

На лицах детей расцвели улыбки. Звероморфы, держась плечом к плечу, направились к лестнице, приглашая спасителей за собой. И когда представители кланов внизу почтительно расступились, чтобы пропустить их...

– Стоять!

Грубый, рокочущий голос Бордима Измельчителя приковал к месту всех пятерых. Кошки, почуяв неладное, мгновенно прижались к помосту и оскалили клыки. Похолодев, наши герои повернулись к массивному трону, перед которым стоял вождь клана Следопытов.

Пятнистый ловкач-соглядатай (как вы могли догадаться, именно он сидел под кустом в каверне Заросли и стал свидетелем освобождения кота) спрыгнул с плеча Измельчителя, забившись под кресло. Челюсть князя, и без того квадратная и выступающая вперед, была угрожающе выдвинута. Ноги широко расставлены, словно перед рукопашной. В крохотных светло-серых глазках бушевала ярость, зеленоватая кожа потемнела от прилившей крови. На сгибе локтя гул по-прежнему удерживал глиняный шлем-маску, но толстые пальцы

другой руки вцепились в висящий на поясе бумеранг с бритвенно-острым краем.

– С этого помоста спустится только одна кошка! – прорычал Бордим так, что слышали не только под сценой, но и в соседних торговых рядах. – Та, что была честно выкуплена на торге, *пхам-ардор*. Но вторая, украденная у Глиняных Следопытов во время священной охоты, останется здесь!

Гулы и арсилиты, окружавшие аукционное возвышение, зашумели, но совсем иначе, чем минуту назад. Теперь в их шепотках слышалось недопонимание. Продавцы и покупатели у лотков тоже оборачивались, несколько сделок приостановилось. Многие переглядывались и пожимали плечами. А Измельчитель, повернувшись к краю помоста, решил удовлетворить любопытство зевак:

– Несколько полных Циклов назад я изловил этих двух звероморфов, пользуясь правом вольной охоты в пустых кавернах! Но они, *пхам-ардор*, – палец князя обвинительно нацелился на чужеродцев, от неожиданности вжавших головы в плечи, – украли у меня половину добычи!

Настя охнула, ее глаза в ужасе распахнулись. Витя, от волнения задышавший рывками, как при подкатывающем приступе астмы, впился пальцами в переносицу. Он заметил, как изготовились к драке Крумм и Киртана, решившие, что отныне – никакой неволи! Осознал, как катится в пропасть вся их нелегкая победа. А потому отважно выступил вперед, чтобы отрицать, тянуть время и утихомиривать грозного гула.

– Мы ничего об этом не знаем, уважаемый князь Бордим... – как можно увереннее соврал мальчик, чувствуя, что ему не хватает воздуха. Голова закружилась, горло перехватило, но он держался с мужеством взрослого, обязанного *любой* ценой защитить родных. – И проблемы нам не нужны... Сделка завершена?.. Вы получили камень, цена его многократно превышает стоимость любого звероморфа... Поэтому мы просто пойдем... хорошо?

Но тут...

Но тут свой ход сделал Димка.

Простоватый и искренний Димка, шалопай и смельчак, иногда слишком *по-своему* понимающий ситуацию и столь же *по-своему* ищущий выходы из нее. И не успел его брат старательно сочинить формулу вежливого прощания, он хмыкнул, взлохматил непокорную светлую шевелюру и бросил Бордиму (да так, будто тот был зазнавшимся старшекласником, а не вожаком подземного клана):

– Кот – свободный малый. Кошка наша по праву. Какие еще вопросы?! – Мальчишка хохотнул, похлопывая себя по ранцу на груди. – Раз вы такие несравненные охотники, нужно было лучше за силками следить... Тоже мне, добычкики...

И невозмутимо шагнул к лестнице, намереваясь покинуть помост. Но тут в руке катакомбургского князя очутился остро отточенный бумеранг.

– *Пхам-ардор*, никто не смеет безнаказанно красть у Глиняных Следопытов! – Лицо Измельчителя расколола жутковатая улыбка. Он начал медленно разматывать Пути Благоразумия на личном оружии, не сводя взгляда с кошек и детей. – А после – еще и насмеяться над этим. За свою дерзость, арсилиты, вы заплатите мне жизнью...

Глава девятая, заключительная, в которой нарушаются древние законы и палят ружья, а кое-кто балансирует на грани жизни и смерти

Близнецы примерзли к помосту, не в силах шелохнуться.

Витька застонал, проклиная брата за несдержанность. А Настя вдруг уловила исходящую от Следопытов волну неконтролируемой ярости, остановить которую были не способны даже законы Торжища. Она смутно считывала (информация поступала откуда-то извне, словно нашептываемая в ухо), что традиции нарушались и раньше, однако данное непотребство являлось столь вопиющим, что об этом предпочитали даже не вспоминать.

Димка, вдруг осознавший, что натворил, попятился к краю сцены. Одна его рука скользнула за пояс, машинально нащупывая нож.

Крумм и Киртана отступали к лестнице, скаля клыки. Воины Бордима, готовые следовать за своим вожаком хоть в лавовую бездну под Катакомбургом, тоже начали распутывать оружейные чехлы.

Зрители аукциона поступили по-разному. Часть бросились в стороны, стараясь как можно скорее затеряться в торговых рядах. Часть подались назад, но бегству не предались, твердо решив досмотреть представление до конца. Распорядитель испарился, будто его и не существовало. Несколько сметливых продавцов ближайших лотков шустро прятали товар под прилавки, тонко чувствуя приближающийся хаос. Казалось, что в воздухе, будто в трансформаторной будке, копилось неконтролируемое электричество, от которого приподнимались волосы и пахло озоном.

– Пхам-ардор, вам не уйти! – прорычал Бордим, надевая шлем и шагнув вперед. – Окружай их, парни!

Отряд Следопытов послушно выполнил приказ. Гулы наверняка понимали, какое наказание ждет клан после расследования инцидента. Но были полностью преданы князю и не собирались отступать. Рассыпавшись полукольцом, они стали медленно надвигаться на наших героев, потрясая обнаженными мечами, топорами и бумерангами. Теперь их глиняные маски казались не просто вычурно-грозными, они пугали...

– Приказываю вам остановиться!

Толпу под помостом взрезала пестрая колонна вооруженных гулов и арсилитов. Более чем двух, похожих одеждой или комплектом вооружения, среди них было не найти. Знаки родов на наплечниках, плащах, шлемах или заспинных штандартах сообщали, что это сборная стража Торжища, на восемь Циклов формируемая из нескольких прибывших в каверну кланов для поддержания правопорядка. Командовал ею высокий блондин-арсилит, закованный в легкую темно-красную броню и сжимавший в руках короткую алебарду.

– Князь Бордим! – он снова обратился к Измельчителю, когда два десятка его солдат отеснили зевак и выстроились перед сценой. – Приказываю спрятать оружие! Ты находишься на самой границе дозволенного, и я не рекомендую ее переступить.

На периферии (подальше от эпицентра, но так, чтобы было видно и слышно) продолжали собираться подземники. Многие закрывали будки и магазины, чтобы лично стать свидетелями столь необычного происшествия. На соседнем помосте даже приостановили аукцион руды, а его аудитория шумно потекла на звуки перепалки.

Шипастая маска вожака Глиняных повернулась к страже. Через узкие прорезы были видны пепельные глаза, с лютой злобой буравящие законника. Настя, вдруг до последнего нюанса прочитавшая настроение гула, с сожалением поняла, что адреналиновая вспышка не позволит главному Следопыту выполнить приказ...

– Пхам-ардор, арсилит, – голос из-под шлема глухо вибрировал, – я зачехлю катейю, как только щенки умрут, а я заберу свой трофей!

Услышав это, правоохранители Торжища открыто зароптали. Многие обнажили клинки, кто-то взвел курок ружья, кто-то возмущенно выругался, призывая вспомнить старинные уставы. Командир в багряном доспехе неодобрительно покачал головой, всем своим видом призывая не делать глупостей. Следопыты между тем все ближе подкрадывались к ребятам и звероморфам, оказавшимся в тупике, – снизу лестницу подпирала стража, сверху окружали гулы-охотники.

– Мамочка, – прошептала Настя, – что же теперь будет?

– Крумм вступит в бой, – слова кота были неразборчивы из-за рычания, выплесками рвущегося наружу. – Друзья побегут и найдут убежище у урожайщиков. Если мы...

Полосатый не договорил. Может, к счастью, может, к беде, но близняшки так и не узнали, что будет, если... Равно как не успел возразить Бордиму и светловолосый офицер.

Потому что толпа вдруг всколыхнулась, будто через нее перла напролом паровая колесница, и на открытое пространство перед помостом выкатились девять вооруженных

гулов. В которых, к своему сожалению, обессиленный Витька узнал Нерях. Впереди семенил коротышка с перебинтованной головой, одна рука которого покоилась на перевязи... и через миг дети вспомнили его, отправленного в полет мощным хвостом Старшего Брата. За спиной «летуна» маячил еще один знакомый гул – тот самый, что спасся бегством, бросив оружие.

– Вот они, ребя! – завопил раненый, тыча в чужеродцев здоровой рукой. – И кошка эта с ними была! – А затем обернулся к вожаку Следопытов и угрожающе затряс кривым пальцем: – Ты, Бордим, это брось! Наша добыча за кровь наших собратьев! Мерзавцы натравили на нас хранителей Наседки! И камень у них!

Гулы-грабители одобрительно загудели, вскинув оружие (тоже лишенное Пут Благоразумия). Казалось, легкость нарушения законов каверны уподобилась простуде, заражая направо и налево и не давая возможности задуматься о последствиях. Арсилит, командовавший стражей, лишился дара речи. Хлопнув себя по щеке, будто не мог поверить своим глазам или пытался проснуться, он возмущенно прокричал:

– Немедленно спрятать оружие! Я вызову подкрепление! Вы сошли с ума!

– Отвали, бледнолицый! – с вызовом завопил гул, сбежавший от ящеров Артефициалии. – Если Следопытам можно брать свое силой, то и мы возьмем! Лучше не лезь! – Его слова поддержал новый слаженный клич сородичей.

– Убирайтесь прочь, грязные недомерки, пока я не пересчитал ваши кости, пхам-ардор! – взвился Бордим, топнув ногой и нацелившись на Нерях бумерангом. – Я никому не позволю стоять на моем пути!

– Наша месть! Убейся сам!

Мирные, не намеренные ввязываться в конфликт обитатели Торжища одновременно сделали несколько шагов назад, упираясь спинами в торговые палатки. Зевак раздирало любопытство, но никто не хотел получить шальную пулю или стрелу, если дело дойдет до драки...

– Ты говорил, тут такого не бывает... – с тоской протянул Витя, когда Крумм подступил к мальчику, прикрывая его своим телом.

Волосы заботинца намокли от ледяного пота, липли ко лбу и лезли в глаза, колени подрагивали, губы побелели. Тем не менее он был готов сражаться, равно как и его брат с сестрой. Сражаться до последнего, вот только было бы чем...

– В жизни случается всякое! – коротко огрызнулся хищник, злобно рыча на каждого Следопыта, который набирался смелости еще чуть-чуть подступить к виновникам беспорядка.

– Приказываю спрятать оружие! – как можно спокойнее и рассудительнее повторил офицер стражи. Он переводил взгляд то на одних гулов, то на других. – Вам предписано разойтись, а этих юных арсилитов и звероморфов я забираю в свой шатер до выяснения обстоятельств!

И воин уже шагнул к помосту, полный решимости помочь Насте спуститься вниз, как тут над гомонящей толпой прокатился еще один крик. В отличие от рокотания Нерях или охотников, он не казался грубым и хриплым, но был преисполнен надменности и уверенности:

– Если кто-то и заберет чужеродцев с Торжища, то это будем мы!

Зрители стройно (как в театре в момент драматической развязки) ахнули, охнули. Затем повернулись на голос, и часть живой стены покорно расступилась, пропуская на пяточок новых участников этого необычного противостояния. От искажившей лицо гримасы у Витьки с носа чуть не свалились очки, а Настя с треском оторвала завязку капюшона. И только Димка, сбросив ранец с плеч и рассовывая его содержимое по карманам, оставался внешне безучастен к происходящему вокруг...

– Это пленники великого князя Славорода, трусливо сбежавшие от правосудия Сильнейших! – зычно и нараспев, словно зачитывал слова гимна, продолжал новый голос. В круг зевак, торговцев, зазывал и артистов вступил арсилит в длинных оранжевых одеждах. На его плече покоилась тонкая светлая коса. – Не ожидал от них такой глупости – прийти

сюда, но князь будет рад... Тот же, кто захочет поднять на них руку, автоматически объявит нашему клану войну. Мы забираем чужеродцев для справедливого возмездия!

Следом за арсилитом Славорода показались бойцы Сильнейших в фиолетовых латах и шлемах, с арбалетами и длинными шпагами в руках. Их было не меньше дюжины, и все они тоже не преминули проститься с Путами Благоразумия. Казалось, простуда-злость продолжает распространяться по каверне, дурманя всех, кого коснется...

– А ведь мы были так близки к дому... – пробормотала Настя, впадая в оцепенение. Взгляд девочки сделался безразличным, будто она решила отдать себя на волю судьбы. – Как нелепо...

Витька крепко сжал руку сестры. Он лихорадочно соображал, что им делать. Но мысли скакали в голове, как детальки от детского конструктора в жестяной коробке, никак не желая выстраиваться в единую фигуру.

Дима отшвырнул пустой ранец, поднимаясь на ноги. В отличие от глаз Насти, глаза мальчика горели, не предвещая врагам ничего хорошего. Звероморфы, выпустив когти, низко пригнулись и замерли, словно сжатые пружины, готовые распрямиться в любой момент...

Напряжение достигло своего пика.

Бордим тяжело дышал, взвешивая в руке огромный бумеранг и как будто размышляя, кто станет его первой целью. Неряхи подбадривали себя воплями и безостановочно ругались на арсилитов. Те сомкнулись одним монолитным строем, не реагируя на нападки гулов и ожидая приказа. Законники, среди которых, по счастью, не было ни Сильнейших, ни Умелых, ни Глиняных, пребывали в растерянности – их командир нерешительно замер, так и не добравшись до лестницы.

– Никто не смеет нарушать законов Торжища... – наконец сказал он, но до невозможности робко.

– Никто не встанет на пути Измельчителя! – злобно выплюнул Бордим сквозь маску.

– Никто не запретит нам мстить, ребя! – взвизгнул гул со сломанной рукой.

– Никто не отнимет у Славорода его собственность! – с тонкой улыбкой на лице подвел итог предводитель средоточинских арсилитов.

И тогда они кинулись в бой... Одновременно, как по сигналу, все на всех. Следопыты метнулись к близнецам, и навстречу им тут же устремились две полосато-зубастые молнии. Шагая в ногу, строй Сильнейших стал неумолимо теснить стражу; Неряхи с воем полезли на помост.

Взметнулись клинки, древки и приклады. Бахнули сразу несколько ружей, работавших на синдрии. Щелкнули тетивы арбалетов. Закричали раненые, полилась кровь – густая, красная, гульская и арсилитская, перемешиваясь и пачкая пыльную прорезиненную арену.

Гулский воин из Нерях сцепился с охотником Измельчителя. Рыча, они набросились друг на друга, будто дикие звери, осыпая ударами и не замечая ран. Когтистые лапы звероморфов мощнейшими ударами сбросили с помоста двоих Глиняных, а затем Крумм взвизгнул – его задел зазубренный клинок еще одного Следопыта. Стража Торжища, застигнутая врасплох столь вопиющим нарушением традиций, только оборонялась. Впрочем, воители Славорода и не стремились понапрасну лить кровь, уверенно защищаясь и неумолимо прорываясь к лестнице, точнее – к людям на ее вершине. Несколько гулов-бандитов бросились им наперерез, целя во фланг, но были встречены двумя мечниками. Зазвенел металл – арсилиты, оказавшиеся невероятно быстрыми и талантливыми фехтовальщиками, в считанные секунды разобрались с нападавшими и отбросили их тела прочь.

Военачальники враждующих сторон поступили по-разному.

Посланник клана Сильнейших, едва началась схватка, предпочел спешно отступить за спины членов своего отряда, ограничившись командованием. Однако перед этим на мгновение задержался. Прижал пальцы к вискам, пристально взглянув на одного из Нерях... и тот вдруг осел как подкошенный, а из его приплюснутого носа потекла алая струйка. Сумасброды клана Умелых единого лидера не имели, а потому развязали войну на несколько

фронтов и даже не помышляли о слаженности. Командир рыночной стражи дрался в первом ряду, стараясь наносить удары не клинком алебарды, а окованным древком, чтобы лишь ранить противников или лишать сознания. Бордим же, оправдывая грозное прозвище, ринулся в битву с такой яростью и упоением, словно только об этом всю жизнь и мечтал. Он не стал запускать свою изогнутую катейю, орудуя ею, как мечом, и в первые же мгновения боя под ее точными выпадами пали сразу несколько соперников...

А что же наши герои, спросите вы? Уже не в первый раз оказались они зажаты меж нескольких огней, насмерть перепуганные и беспомощные... Витька метнулся к лестнице, потянув за собой сестру, но чуть не споткнулся о Неряху, карабкавшегося на помост. Димка взмахнул кухонным ножом, но подступавший Следопыт лишь громко рассмеялся над крохотной железкой в руке мальчишки.

– Нужно бежать! – закричала Настя. От миазмов злости и алчных устремлений, которые девочка неведомым образом впитывала из сгустившейся атмосферы боя, у нее заболела голова. – Крумм, Киртана, нужно бежать!

Но звери не слышали – окруженные кольцом Глиняных, они бросались то на одного, то на другого. Один из гулов Бордима бросил лассо, промахнулся, за что был тут же наказан ударом лапы в маску. Глина треснула, охотник закричал и упал на спину. В Киртану выстрелили из ружья, но пуля лишь взгрызла листы настила.

Двое Умелых, обогнув возвышение, все-таки забрались на край сцены и теперь подбирались к ребятам, поигрывая длинными ножами. И когда казалось, что они, уже замахнувшиеся для удара, вот-вот настигнут заботинцев, Димка (он отбросил свое бесполезное кухонное оружие) вдруг взмахнул рукой. В гулов полетело что-то небольшое, цилиндрическое. А спустя мгновение внезапно бахнул взрыв – шумный, дымный, засыпавший место аукциона снопом разноцветных искр. Бандиты заверещали, уронили клинки и схватились за лица.

Витя, от неожиданности присев и чуть не сверзившись на головы законников, не сразу понял, что произошло. А когда догадался, что брат воспользовался петардой, прихваченной с праздника трудогуликов (помните про спички в его ранце?), вцепился в его одежду, увлекая к противоположному концу помоста.

– Бежи-и-им! – протяжно закричал Димка, первым прыгая вниз.

Бордим взревел. Ударом ноги отшвырнул Неряху, с которым сражался. Бросился следом за ускользавшей добычей. Но тогда путь ему преградил офицер правопорядка.

Князь смерил арсилита презрительным взглядом, попытался обойти. А когда понял, что тот всерьез намерен бросить вызов вожаку Глиняных Следопытов, вскинул бумеранг-катейю.

Они сошлись один на один – высокий и худой против низкого и коренастого. Застонала сталь, полетели искры. Измельчитель выигрывал в силе и упорстве, безымянный страж полагался на скорость и верткость. Оба закружились в одном из самых старинных танцев, известных с момента появления человечества. Выбрав момент, арсилит помассировал висок в прорези шлема и взглянул на противника так, что тот пошатнулся. Но на ногах устоял, несмотря на хлынувшую из-под маски кровь, и злобно, торжествующе захохотал. Воспользовавшись заминкой, Настя и Витька сиганули следом за братом.

Увы, внизу их уже поджидали... Двое арсилитов Славорода побежали прямо на детей, замахаясь шпагами. Дима, трясущимися руками поджигая еще одну петарду, чуть не угодил под певучий клинок. Увернулся, бросая шутиху под ноги Сильнейшему, развернулся и дал стрелача. Новый взрыв заглушил два ружейных выстрела, которыми стража прореживала ряды противников. Во все стороны полетели искры, спиралью размотался дымный шлейф, окутав место битвы сизой пеленой. Проскочив сквозь нее, наши герои ринулись в ближайший торговый ряд.

И когда казалось, что спасение близко, Настя вдруг сбавила шаг.

Замерла, оборачиваясь к сцене.

– Крумм! – отчаянно закричала девочка и этот возглас отозвался в ее гудящей голове

болезненным эхом. Возглас отчаянный, яркий, оглушительный.

И кошки услышали. Услышали сквозь стоны и крики, пальбу и лязганье железа. Песочными тенями застелились над помостом, избегая выпадов и веревочных петель. Одним грациозным прыжком оказались рядом, окровавленные и тяжело дышащие.

– Крумм здесь... – проскрипел ошейник саблезубого. – Нужно бежать к Локо...

Однако сказать это оказалось куда проще, чем сделать. Потому что закон Торжища, надломившийся на помосте для аукционов, вдруг принялся и вовсе разваливаться на куски. Так иногда попадает в окно камешек, пущенный из рогатки, – в стекле образуется крохотная дырочка, от которой начинают стремительно разбегаться трещины. Многочисленные, змеящиеся, порождающие одна другую. Камешком этим стала схватка четырех отрядов. Трещинами – охватившая каверну паника...

Зеваки, что были ближе всего к сцене, бросились бежать. Выкрикивали всякую чушь, уже через минуту подхваченную теми, кто не имел о происходящем ни малейшего представления. Перепуганные и настороженные, они сделали свои, по большей части ложные, выводы. Эти нелепые предположения словно пожар перекинулись на соседние ряды. Там обросли новыми подробностями, и совсем скоро центр арены был втянут в водоворот ужасных слухов и опасений...

Гулы и арсилиты покидали центр рынка. Некоторые упорядоченно, некоторые в спешке, переворачивая лотки и сбивая сородичей с ног. Карманники, прикрываясь сумятицей, тут же попытались обворовать несколько покинутых магазинов, отчего завязалось еще пять драк. На подмогу прибыл новый отряд сборной стражи. Но было поздно...

Как круги разбегаются по воде, так и хаос охватывал одну торговую улицу за другой. Снова слышались выстрелы, но совсем не на помосте – воспользовавшись ситуацией, старые счеты решили свести два арсилитских клана. На резино-асфальт десятками и даже сотнями сыпались сорванные Путы Благоразумия. Сверкало обнаженное оружие. Часть Локо, заведя неладное, предпочли покинуть каверну.

Вскоре схваток стало гораздо больше. Вспоминались застарелые обиды, кое-где вершилась быстрая и жестокая месть; многие решили поживиться задарма, взяв чужое силой клинка или меткостью стрелы. Раздробленность, присущая кланам Катакомбурга, проявила себя в полной мере, наполнив Торжище грохотом и воплями...

Ураган злости и бесчинства перекинулся на ярусы амфитеатра. Стали падать шатры и знамена, затаптываемые конкурентами из враждующих кланов. Вспыхнуло несколько пожаров. Ревели, рычали и мычали разумные животные, пленники пытались удрать. На окраине взорвалась паровая колесница. Надрывались приказами князя – некоторые собрали сородичей вокруг себя, прибегнув к глухой обороне; некоторые повели подданных в атаку, опьяненные азартом. Законники очевидно не справлялись, даже несмотря на помощь свободных охранных звероморфов, целыми семьями встававших на их сторону. Часть стражи вовсе дезертировала, предпочтя присоединиться к родичам, вместо того чтобы отстаивать поруганные устои...

Сквозь этот хаос, дым, грохот и крики и пытались прорваться наши герои.

Первым бежал Крумм, разбрасывая всех, кто вставал на пути. Киртана прикрывала тыл, лупя тех, кто пытался преследовать отряд или схватить одного из близнецов. Димка, едва замечал новую угрозу, швырял зажженную петарду (их запас, увы, начал подходить к концу). Вслед беглецам несли длинный, полный разочарования и ненависти вопль Бордима Измельчителя...

– Мамошка-мамошка-мамошка... – только и твердила Настя, затравленно озираясь.

– Вперед, вперед, не отставать! – задыхаясь, подбадривал Дима.

И только Витя молчал, сосредоточившись и стараясь не споткнуться о перевернутые лотки и телеги. Безобразие, в свое время учиненное тройняшками на Летней Ярмарке Спасгорода, по сравнению с творившимся вокруг казалось безобидной шалостью...

На одном из безлюдных задымленных перекрестков звероморфы решили сделать

которую передышку, чтобы выбрать дальнейший путь. Настя прижалась спиной к витрине, запертой на гофрированную жестяную ставню. Витька напряженно всматривался в улицу, по которой они прибежали, мысленно взмолясь Всесильным Процессорам: только бы сквозь хлопья дыма сейчас не проступили угловатые, вразвалку бегущие фигуры. Димка, хрипло дыша, согнулся в поясе, упираясь руками в колени.

– Все... – охнул он, жадно глотнув воздуха и сморщившись от едкого дыма. – Заряды кончились...

– Нужно бежать быстрее! – невпопад встала сестра.

– Да куда ему быстрее? – машинально и едко бросил Витя, не отводя взгляда от улочки. – Ты погляди на него... Отъелся на дармовой выпечке, вот бегать и разучился...

– Я не толстый! – искренне возмутился мальчик. Покраснел, вызывая сжал кулаки, но снова задохнулся, по-прежнему силясь восстановить дыхание. – Уф... Ну ты гад, Витек... Не веришь? Вот ударь меня в пресс, прямо сейчас!

– Немедленно перестаньте! – властным тоном Юлии Николаевны вдруг приказала Настя. Внезапная перепалка братьев вывела ее из ступора, заставив взять управление отрядом в свои руки. – Как дети, честное слово... Крумм, я вижу вышку!

И она протянула руку вправо, указав звероморфам на ближайшую швартовочную Локомачту на четвертой, предпоследней ступени амфитеатра.

– Вперед! – скомандовал здоровенный полосатый кот. – Сестра, прикрой...

И они снова побежали, стараясь не отставать друг от друга и вовремя уворачиваться от несущихся навстречу подземников. Димка, несмотря на обидное замечание Вити, действительно сдавал, передвигая ногами все медленнее и медленнее. В какой-то момент брат даже придержал его за локоть, чтобы не оторваться и не потерять в шумной и дымной круговерти, охватившей каверну. Настя же летела вперед так, будто хотела обогнать Крумма. Об этом ее свойстве мальчишки помнили еще с младших классов – в хорошем расположении духа сестра была стремительна и легка. Но стоило ей потерять настрой, как она *тяжелела*, сразу теряя в скорости и стремлении победить. Сейчас, к счастью, этот настрой вспыхнул с новой силой...

– Не мешкать! – прикрикнула она.

И тут же отшатнулась, налетев на перевернутую будку бродячих артистов, – из соседнего переуллка, намертво сцепившись в схватке, вывалились два гула из неизвестных кланов. Кошки тут же оказались рядом. Бросились на сражавшихся, хищным рыком и оскалами отгоняя драчунов прочь. Ярус приближался. Всем пятерым стало казаться, что они окончательно оторвались от Умелых, Сильнейших, Следопытов и стражи, как тут позади раздалось рычащее:

– Вот они где! Хватай, парни!

Резино-асфальт глухо загудел под тяжелой поступью троих охотников, вынырнувших из дыма наперерез нашим героям. Один гул раскручивал лассо, двое других потрясали топорами. Но не успела веревочная петля отправиться в полет, как на Глиняных вдруг навалились стражники. Может быть, они просто оказались в этом районе арены по счастливому стечению обстоятельств... может, тоже преследовали нарушителей порядка, которых усмотрели в детях и двух звероморфах. Но факт оставался фактом – солдаты (двое гулов и двое арсилитов) бросились на воинов Измельчителя, призывая сложить оружие.

Командовал группой тот самый офицер, что на аукционном помосте сошелся в рискованной схватке с Бордимом. При виде Адаптировавшего Разум – потрепанного, лишенного шлема, с перепачканными красным волосами, но живого – Витька мысленно возликовал. Может, кровожадный князь пал под ударами алебарды?

Размышлять над этим не оставалось времени...

Огибая закипевшую стычку, беглецы устремились на ступени старинной мраморной лестницы, уводящей на первый ярус амфитеатра. Справа и слева были установлены статуи, при других обстоятельствах наверняка заинтересовавшие бы Витю, до того красивыми и старинными они выглядели.

Неконтролируемых толп в этой части грота не наблюдалось. Шатры с незнакомыми эмблемами стояли нетронутыми. Впереди и вверху за ними, будто спасительный островок в океане хаоса, возвышалась Локо-мачта, к верхней площадке которой прижимался одинокий желтый вагон.

– Быстрее, пока Локо не удрал! – завопил Дима.

Казалось, это даже придало ему сил, и мальчик вырвался вперед, минуя ярус за ярусом (а ведь высота каждого из них составляла не меньше пяти метров). Одновременно с Круммом достиг нужного уровня амфитеатра, свернул к основанию вышки. Тут пропустил сестру внутрь широкой винтовой лестницы (сбоку от нее разместилась примитивная транспортировочная лента, с помощью которой поднимали тяжелые грузы), бросился следом.

Ребята шумно затопали по ступеням. Звероморфы, выпустив когти, начали болезненное восхождение по ржавой ленте подвижного пандуса. Они скользили, срывались, теряли последние силы, но лезли и лезли вверх, подталкивая друг друга и не давая себе скатиться вниз, словно с горки на детской площадке. Витька, все еще ликуя от одной мысли о возможном падении князя Бордима, последним устремился внутрь решетчатой конструкции...

И никто из них, к сожалению, не заметил, как из клубов дыма у основания мраморной лестницы показалась широкоплечая фигура. Измельчитель был ранен, озлоблен и измотан, но даже не помышлял отступить. Липкий бумеранг свешивался с правой руки, из свежего пореза на бедре текла кровь. Большинство шипов на маске отломилось, сама она треснула в паре мест.

Глаза вождя вспыхнули, когда он заметил троих детей и двух кошек, ускользающих внутрь недостижимой мачты. Из горла его вырвался короткий яростный вой. Он судорожно сжал левый кулак, а затем размахнулся. Витя, в этот момент поднявшийся на первую промежуточную площадку вышки, оказался к нему спиной...

Металлическая катейя Бордима пронзила воздух каверны, шинкуя дымные полосы на своем пути. Миновала нижний ярус, затем еще один, подбираясь все ближе. Взыла буйным привидением, заставила близнецов испуганно обернуться. С опасно-тяжелым шелестом промелькнула в считанных сантиметрах от Витиной головы. Обожгла мальчишку жгучим дыханием смерти... а затем благополучно пролетела мимо, разворачиваясь по широкой дуге и возвращаясь в широкую ладонь Измельчителя.

Поймав оружие, тот заревел так, что позавидовали бы и Старшие Братья...

От неожиданности и испуга Витя упал на колени, чуть не ткнувшись лбом в ребристый пол площадки. Димка, тут же оказавшись рядом, вздернул его за воротник куртки, одним рывком ставя на ноги.

– Ешки-матрешки! – нервно хохотнул он. – Не спать, братец! А говорил, я бегать не умею...

И снова загрохотал по ступеням, больше не оборачиваясь. Полосатые разумные кошки, скуля, рыча и ломая когти, добрались до верха мачты следом за Настей. Затем туда вывалился Димка; за ним, еще покачиваясь, наконец и Витя. Нашаривая в карманах синдрий, Дима подбежал к пульту. И вдруг остановился, хлопнув себя по бедру:

– Ха! Да это же Плясун, старый знакомый!

Локо, нетерпеливо покачивающийся на струне, тут же нацелил на него объектив амбикамеры. Заинтересованно вспыхнули желтые диоды. Казалось, монорельс до последнего момента не мог решить, ждать ему возможных пассажиров или предпочтительней покинуть беспокойную каверну.

– Он самый! – раздалось из динамиков, когда разумная машина признала бывших клиентов. – Желаете поездку?

– Еще как! – возопил Димка, высыпая весь имеющийся синдрий в открытый приемник бледно-желтого борта. – И как можно дальше!

После погони, в которой Локо участвовал вместе с ребятами, вагон успели подлатать.

В частности, установили заднее стекло, выбитое выстрелом Неряхи. И даже приварили к корме Плясуна заплатку, пытаясь скрыть дыру в том месте, где кабину проткнул арбалетный гарпун. Однако ремонтники, кем бы они ни были, промахнулись, закрепив кусок белой жести значительно выше пробоины...

– Ай, даже не комментируй... – совсем по-человечески посетовал Плясун, когда заметил Димкино недоумение. – В Депо рабробы совсем из ума выживают, один дряхлее другого стал... Ну так вы грузитесь? Или ждете друзей?..

Настя, взглянув вниз, вскрикнула.

По широкой винтовой лестнице, толкаясь и рыча, поднимались двое Глиняных Следопытов – погоня продолжалась! Близнецы и звери разом бросились в дверь Плясуна (Витька опять споткнулся). В создавшейся давке кто-то наступил Киртане на хвост. Она жалобно мявкнула, чуть не ухватив Димку за лодыжку.

Но вот настал долгожданный миг – все пятеро оказались внутри, без сил упали на сиденья или на пол, и Локо прикрыл дверь. Двигатель его уже был прогрет, а потому кабина качнулась и без промедления ринулась вперед.

– Куда едем? – осведомились внутренние динамики.

– Крумм переведет дух и объяснит, – устало прошелестел ошейник звероморфа. Кот был измотан, ранен и испуган не меньше спасгородцев. – Для начала покинь Торжище...

– Это становится традицией... – с иронией усмехнулся Локо. И все же миролюбиво согласился: – Будет сделано! Ваш синдрий – ваши правила!

Шустро покатил прочь, оставив за кормой охотников Бордима, бессильно грозящих вагону вслед. Сам князь, проводив желтую кабину ненавидящим взглядом, развернулся и молча растворился в дыму ближайшего пожарища.

– Неужели смогли... – пробормотал Витя, тяжело откидываясь на спинку сиденья. – Я думал, не выйдет...

– Глупости ты думал! – подмигнул ему брат, а затем потер ладони и насвистел незатейливую мелодию из новехонького гимна КорКома. – Мы справились!

Однако Настя не разделяла Димкиного оптимизма.

Ссутулившись у окна, она с тоской рассматривала проплывающую внизу каверну, охваченную настоящей войной. Торжищу, во всяком случае именно этому, пришел неоспоримый конец. К потолку, застияя лучи прожекторов, поднимались черные столбы дыма. Повсюду раздавались выстрелы, кричали гулы и арсилиты, торговцы прятали или уносили товар. Звероморфы-коты дрались со звероморфами-псами.

Места стоянок некоторых кланов превратились в настоящие военные форты, ошетинившиеся стволами, наконечниками стрел и клинками (такую тактику, например, избрали урожайщики, для которых внезапная бойня стала настоящим бедствием). То тут, то там раздавались взрывы. Лязгали боевые ходуны. Пытаясь раньше иных вырваться из каверны, меж собой то и дело сталкивались паровые самокаты, переворачиваясь и вспухая облаками белоснежного пара...

– Что же мы натворили... – прошептала девочка, закусывая губу. Она откинула капюшон и даже забыла потеревить последнюю уцелевшую завязку. Побелевшие пальцы вцепились в оплетку окна. – Братишки... Крумм... Что же мы наделали?..

– Твоей вины в этом нет, – спокойным низким голосом сказала Киртана.

Саблезубая кошка лежала на животе возле брата, нервно вздрагивая, когда Локо качался сильнее обычного. Прекратив вылизывать раненую лапу, звероморф подняла голову и взглянула на девочку.

– В этом нет вины твоих братьев. Нет вины Крумма. Нет вины Киртаны. Мир, поддерживаемый вождями Катакомбурга, хрупок и недолговечен. Вы поступили правильно и благородно. Вваливать на себя вину за случившееся после торгов глупо. А еще ты должна помнить, что виновные будут наказаны...

– Нужно заметить, – странно заплетающимся языком вдруг перебил ее Витька, – что это не так легко предст... И если бы мы разумн... шпенчтабылбы...

И вдруг завалился набок, чуть не упав со скамьи.

– Святы-платы! – охнул Дима, подскакивая к брату. – Да он ранен!

Как же они не заметили раньше?!

Как упустили, не обратили внимания на заплетающиеся Витькины ноги и бледность лица! Весь его левый рукав пропитался густым и липким, а из-под одежды уже бежали красные ручейки. Браслет, управлявший ошейником экс-Смотрителя Карла, был напрочь залит и выведен из строя. Плотная ткань куртки оказалась рассечена вместе с рубашкой, в ровной прорехе виднелась страшная рана – Бордим не промахнулся... И пусть его чудовищный бумеранг не отнял жизнь Вити, он жутко рассек ему руку в районе трицепса, чуть ниже плеча, почти достав до кости.

– Мамочка родненькая! – воскликнула Настя, одним прыжком пересекая кабину и склоняясь над раненым. – Витенька, родной! Как же так?!

Димка, закусив губу так, что позже на ее краешке появился синяк, уже выдергивал из штанов ремень. Сквозь боязнь потерять близкого человека, отвращение и страх допустить непростительную ошибку мальчик бессвязно подумал, что теперь пришла его очередь перетягивать руку брата. Откликнувшись на это неприятное воспоминание, у него самого на предплечье заболел шрам, оставленный кинжалом Маргариты Дрейфус...

Набрасывая петлю на Витину руку, Димка поморщился – рана казалась куда страшнее той, что ему довелось получить в цирке. Настя, вцепившись в воротник куртки, не могла пошевелиться. Кошки, с трудом удерживая равновесие, встали рядом, заглядывая из-за спин.

– Держись, братишка, скоро все кончится... – роняя со лба капли пота, с деланой усмешкой пробормотал Дмитрий. – Настюха, чего расселась? Зажимай вот тут! Ага, крепче держи, изо всех сил! Поняла? – Затянув и зафиксировав ремень чуть выше пореза, он обернулся к звероморфу, стоявшему так близко, что в его зеленых глазах Дима увидел собственное отражение. – Крумм, далеко до Лифта?

Тот повел усами, словно спохватившись. Скользя по полу и переезжая от одного края кабины к другому, направился к пульту голосового взаимодействия с Локо. Стукнув лапой по объективу внутренней камеры и завладев вниманием Плясуна, Крумм стал объяснять маршрут.

Внизу проплывала новая каверна. Возможно, населенная очередным необычным кланом Катакомбурга, с его уникальными особенностями, забавной манерой общения или причудливой неповторимой модой. Но нашим героям было не до изучения окрестностей...

Настя, быстро оторвав от своей рубахи кусок, скатала тряпку в тугий тампон и плотно прижала к ране. Димка, бережно усадив бесчувственного брата спиной к борту, пытался до конца разодрать мокрый рукав куртки, чтобы внимательнее изучить рассечение. Киртана, жадно втягивая запахи, молча наблюдала.

– Держись, скоро все закончится... – повторил Дима, но сестра с горечью уловила, что он не до конца верит в хороший конец.

– Плясун получил курс на Околицу, – негромко произнес Крумм, возвращаясь к остальным. В подтверждение вагон тряхнуло при смене струн, он повернулся и начал маневрировать среди гигантских коричневых сталактитов.

– Нас могут преследовать от Торжища? – запинаясь на каждом слове, спросила девочка.

– Могут, – хладнокровно ответила ей Киртана. – Но они не знают, куда мы направляемся. Потому быстро потеряют след.

– А что там вообще произошло? – вдруг спросил Плясун, все это время молча наблюдавший за ними с помощью амбикамер. – На Торжище, когда все покатило в Бездну Ядра?

Все, кто находился в сознании, переглянулись – и люди, и звери. Неловкое молчание было ответом Локо, и никто не поспешил заговорить первым. Наконец Крумм подал голос, недовольно дернув ушами, словно воспоминания были ему откровенно противны:

– Клан Глиняных Следопытов нарушил древний закон, пусть отвернется от него удача

ловца... Князь Бордим сорвал Пути Благоразумия.

– О-о... – понимающе протянул Плясун. – Впрочем... не удивлен. Они знатные негодяи, и я всегда полагал, что этим закончат...

К счастью, на этом расспросы механизма завершились, и более он не тревожил пассажиров. Сами же они нарушать тишину не спешили, погружившись в тяжелые мысли и с тревогой поглядывая на Витьку. Тот пребывал на зыбкой границе забытья и бодрствования, посматривая на окружающих через сонный прищур и почти не двигаясь. Однако на жесты реагировал и даже помог себе ногами, когда брат с сестрой осторожно усадили его обратно на скамью. Кровь остановилась. Но теперь стало заметно, до чего же много ее успело вытечь и каким бледным стало лицо раненого...

В тишине казалось, что путешествие будет длиться бесконечно.

Свет от прожекторов, потолочных колоний плесени и иных источников освещения за бортом раз за разом сменялся темнотой порталов-тоннелей; кабина миновала одну каверну за другой; становилось то холоднее, то теплее; Локо то забирался по струне вверх, то набирал скорость в почти свободном падении. Поворачивал плавно, потом резко менял курс, лязгая стрелой магнитного крана; ускорялся и притормаживал.

А затем начал торможение, замедляясь до тех пор, пока не остановился...

– Это она, Крумм? – спросил Локо, жужжа амбикамерой.

– Она... – тихо ответил звероморф, передними лапами вставая на сиденье и выглядывая в бортовой иллюминатор. – Мы на месте, друзья...

Мигнув желтыми диодами, открылась дверь.

Кошки первыми покинули вагон, проверив, не поджидает ли снаружи опасность. Что-то говорил Плясун, прощаясь с детьми и животными (кажется, даже намекал, что пассажиры не исчерпали весь запас выплаченного синдриния). Заверял, что всегда к услугам юных арсилитов, был бы запас минерала. Клялся, что ему очень приятно иметь таких клиентов, даже несмотря на заплатки и выбитые окна...

Димка попрощался в ответ. Однако позже ни он, ни сестра не могли вспомнить состоявшийся диалог – до того шумело в ушах, а мысли всецело занимала забота о Витьке. Того, поддерживая с обеих сторон, вели медленно и аккуратно. Мальчик, переставляя ноги, будто сомнамбула, морщился от боли при каждом шаге.

На их удачу, швартовка Локо произошла не на мачте, с которой раненого было бы почти нереально спустить. Кабина остановилась на вершине бурого каменистого холма, почти впритирку к внешней стене каверны. Торопливо осмотревшись, Дима сделал вывод, что грот Околица немало напоминает Переливчатые Заросли, откуда троица начала свое путешествие по миру Катакомбурга. Отличие состояло в меньшем количестве коралловых лесов и куда большем – каменных колонн. Их к потолку убегало так много, что выстроить среди столбов-сталагмитов даже маленькую деревушку представлялось задачей непростой.

– Ждите... – бросил Крумм, в несколько прыжков уносясь прочь.

Через минуту, показавшуюся часом, откуда-то из-за колонн и холмов раздался его протяжный вой, заставившись Киртану встрепетаться.

– Нашел, – кивнула кошка, – за мной...

Если бы чуть позже Настю и Диму спросили, что было легче – сражение со слугами Ризоморфа или спуск окровавленного брата с холма через коралловые кусты, они бы точно задумались над ответом... Нет, дорога до колонны, в которой Крумм предполагал скрытую шахту, была не очень долгой. Но до чего же трудной она оказалась!

Оберегая Витю от колючек, они едва ли не в лохмотья изодрали собственные штаны. Спотыкались, травмируя лодыжки; обливались потом и задыхались от затхлого воздуха нежилой каверны; поскользывались, рискуя грохнуться в расщелину, и до ломоты в мышцах удерживали от этого раненого. Но все же довели его до нужного места...

Сперва ребятам показалось, что Крумм ошибся.

Витю усадили на землю. Настя осталась рядом удерживать конец жгута и тряпку. Димка же приблизился к колонне, перед которой, обвившись хвостом, сидел саблезубый.

Уставился сквозь переплетения коралловых веток, окружавших сталагмит, нахмурился... и вдруг разглядел. Под слоем вековой пыли, под накидкой мха, в неверном желтоватом свечении плесени. Разглядел очертания двери Лифта. Вскрикнул, бросаясь вперед.

Первое время Крумм молча наблюдал за мальчиком. Смотрел, как тот голыми руками ломает колючки, в которых многие звероморфы предпочитали прятаться от браконьеров, полагаясь на надежность шипов. Как неумолимо пробивает себе дорогу к стенке колонны, за которой хранилось нечто, недоступное пониманию детищ Наседки. А затем поднялся, подошел и тоже принялся крушить заросли. До крови протыкая нежные подушечки лап, шипя и недовольно рыча, но он стал помогать человеку. А через пару секунд к обоим присоединилась и Киртана...

– Вот... – наконец выдохнул Димка, отбросив в сторону последний пласт лишайника, проросшего сквозь спрессованную пыль. Пульт казался не только старым и заржавленным, но и устаревшим с технической точки зрения. Однако матовый фибергласовый кожух сохранил приборы от падающих с потолка камней, влаги и помета летучих зверьков. – Планшет протокольного доступа...

От этих слов, таких привычных, но уже начинающих забываться, у Насти заныло сердце. Она нежно погладила Витину ладонь, мысленно умоляя продержаться еще чуть-чуть. Тот кивнул, привалившись к ее плечу, и сонно облизнул потрескавшиеся губы.

– Ну, Всесильные Процессоры, – прошептал Димка, откидывая крышку планшета и нащупывая в кармане универсальную ключ-карту, – только проснись...

И приступил к протоколу вызова, используя все знания, полученные в школе, на улицах, по амбивизору и от отца. Несмотря на то что рана брата до сих пор кровоточила, мальчик старался не спешить, выполняя процедуру исключительно по инструкциям и предписаниям, не забывая ни одной мелочи или малозначительного действия. С учетом древности оборудования это оказалось сложнее, чем он думал, но тут Дмитрий положился на интуицию и рассказы сослуживцев Петра Петровича. Завершил приготовления, активировал протокол, и...

Ничего не произошло.

– Как же так? – недовольно спросил он сам себя.

Кошки переглянулись, вздохнув с сожалением и грустью.

– Как же так? – повторила Настя из-за их спин, и в ее голосе пробивались слезы. – Мы не можем тут остаться... Мамочка, мы не можем тут остаться!

– Не можем, – обреченно кивнул мальчик, отступая от дверей Лифта, имени которого так и не узнал. – Иначе Витек умрет... Лифт спит, Настюха. Может быть, утилизирован или вообще отсутствует в шахте... Нужно срочно возвращаться в жилые каверны. Например, в Урожай, там помогут!

– Но ты потратил все кристаллы! – воскликнула сестра. Она попыталась вспомнить: а был ли пульт вызова вообще установлен на площадке, где их высадил Плясун? – Как мы доберемся до трудогуликов?

– Не знаю, сестренка...

– Это... это нелепо... – Девочка скуksилась, словно была готова разреветься, но удержалась и только горько улыбнулась. – Пройти через все это... и окончить путь в пустой вонючей каверне... Витенька, милый, потерпи, мы что-нибудь обязательно придумаем...

– Придумаем! – решительно подтвердил ее брат в драной школьной одежде, делая новый шаг к пульту управления протоколами. – Или я не сын механика первого разряда...

Он с лязгом откинул несколько крышек, подбираясь к начинке планшета. Что-то разомкнул, что-то беззастенчиво выдрал, нырнув в самую глубину механизма. Зубами зачистил пару контактов, протер несколько деталей о край куртки. Чем-то пощелкал, чем-то побряцал. А затем вдруг принялся рыться в карманах, высыпая на ладонь пыль и крошки, оставшиеся от запасов отрядного синдриния.

– Ну, железяка, только попробуй не проснуться! – просыпав клеммы предохранителей остатками чудесного минерала, прошипел мальчик. – Локо едят, и тебе понравится... Давай!

И снова замкнул электрические цепи.

Внутри колонны, покрытой каменной кожей, что-то загудело.

Сквозь мох, устилавший вход, тускло засветились бледно-лиловые диоды. Заурчали двигатели, заскрежетали шестеренки, не смазываемые многие десятилетия. Лифт медленно просыпался. Отколов кусочек пыльной обшивки, активировалась амбикамера. Заскрипела, так и не сумев покинуть паз, но затвор ее раскрылся, обнажив блестящий стеклянный глазок.

– Кто это тут? – раздался из динамиков слабый мужской голос, отчего звероморфы вздрогнули и даже попятнулись. Затем раздалось покашливание и треск, как будто механизм прочищал горло после долгой болезни или сна. – Нарушение системы энергообеспечения. В цепях обнаружен новый химический элемент... Подзарядка резервных батарей выполнена на семьдесят восемь процентов. Никелированные Болтики, что происходит?

– Просыпайтесь, уважаемый Лифт, – устало приказал Димка, покачиваясь. Казалось, придумка с синдромом отняла у него последние силы. – Вам приказывает *человек*.

– Первый Экспериментальный на связи, протокол голосового управления подтвержден, – послушно произнес Лифт. – Режим бессрочной консервации прерван... Меня собираются утилизировать или перекалибровать? Зачем тогда заряжать аккумуляторы?

– Не угадали, – против своей воли, Дима улыбнулся. Он был так счастлив услышать голос железного помощника людей, что чуть не расплакался. – Значит, вас зовут Первый?

– Подтверждаю. – Шестеренки продолжали скрипеть, почти заглушая голос кабины. – Который нынче год?

– Вас тут забыли, да? – не позволив брату ответить, спросила Настя.

– Забыли? – Камера сфокусировалась на девочке, сидящей за спиной Димки. – Вовсе нет. Я специально оставлен в Катакомбах на случай аварийных или непредвиденных ситуаций... Сколько времени прошло от запуска Спасгорода в полноценную эксплуатацию?

– Лет двести, – пожал плечами мальчик. – Мы просим вас о помощи. Откройте двери и поднимите нас наверх...

– Двести лет? Наверх? – Лифт определенно изумился. – Это не соответствует заложенным в меня инструкциям и является нарушением сразу четырех протоколов. Для моего возвращения на поверхность должна пройти Трансформация по протоколу «Возрождение». А еще Очистка Катакомб, так что, молодые люди, я вынужден вам отка...

– Протокол Багряный, – звонко перебив Первого, выпалил Дима, вгоняя ключ-карту в паз. – Подчинение по уровню «Багратион»!

Лифт замолчал. Так замолкают люди, ошарашенные новостью, которую не ожидали услышать. Моторы продолжали гудеть, а Настя от волнения так сильно надавила на Витину рану, которую зажимала, что тот застонал.

– Я не знаю, с кем имею дело, – наконец признал Первый, щелкнув затвором амбикамеры, – но вы меня удивили. Распоряжение принято. Подчинение по уровню «Багратион». Вступление в программу Багряного Протокола. Запрашиваю сброс системы аварийных тросов.

Димка, чьи руки тряслись так, что он не смог бы завязать шнурки, отступил от шахты. Внутри свистело и гудело. Это отстрелились где-то высоко-высоко наверху и падали на крышу Первого бухты запасных тросов, предназначенных для подъема старинного Лифта. Через какое-то время люди и звероморфы слышали лязг и щелчки – магнитные крепежи намертво фиксировали подвеску. Дверь застонала от натуги. По ее периметру облачками взорвалась пыль, и облезлые створки раскрылись.

Не говоря ни слова, Дима подбежал к брату и сестре. Помог поставить Витю на ноги, осторожно заводя внутрь.

– Я не имею права принять на борт неизвестную форму жизни, – чуть виновато предупредил Лифт внутренними динамиками. – Даже по уровню, заданному универсальной картой. До проведения всех исследований и карантина вы не имеете права внедрять...

– Этого не потребуется, – отмахнулся Димка, снова перебивая Первого. – Наверх поднимемся только мы троим...

Внутри кабина оказалась тесной, запыленной, но вполне комфортной: мягкие сиденья по кругу, минимальный набор простой мебели, привинченной к полу, теплый свет единственной работающей лампы. Усадив Витю у стены и пристегнув ремнями (такие они раньше видели лишь в скоростных моделях для экстренного перемещения по городу), двое детей встали на пороге. Киртана и Крумм сидели в нескольких метрах напротив шахты, молча наблюдая за приготовлениями.

– Нам пора, – просто сказала девочка.

– Мы понимаем, – кивнула Киртана, блеснув светло-зелеными глазами.

– Спасибо вам за все, – с жаром выдохнул Дима. – Без вас бы мы пропали...

– Спасибо друзьям Крумма, – с доброй усмешкой (или это только показалось, ведь коты не умеют усмехаться?) ответил саблезубый. – Пусть ваш путь вверх будет легким. А теперь поспешите!

Конечно, нашим героям хотелось еще многое сказать. Отблагодарить разумных животных... упомянуть о том, что те будут желанными гостями в Спасгороде... высказать надежду, что они еще обязательно встретятся... И даже обнять, в конце концов. Но Витя застонал, и близнецы сделали шаг назад. Первый, без лишних распоряжений разгадавший их намерения, со скрипом сдвинул двери, отсекая ребят от удивительного и небезопасного Катакомбурга и его необычных обитателей...

Затем троица (Витька в меньшей степени, потому что пребывал в полузабытии) ощутила знакомое чувство – Лифт начал подъем. Свет замигал, погас совсем. Зажглась крохотная аварийная лампа, наполнив кабину тревожным алым светом. Сев по обе стороны от раненого брата, Дима и Настя нащупали его холодные ладони, крепко пожали.

Что еще я могу рассказать про это удивительное возвращение домой? Пожалуй, не очень многое... Скажу лишь, что они ехали долго. Куда дольше, чем падали, запертые в Сумраке-Рифмователе. Не было минуты, когда бы один из близнецов не склонялся над Витей, к этому времени окончательно посеревшему лицом. По очереди зажимали рану, шептали слова поддержки, умоляли продержаться еще чуть-чуть, не сдаваться и терпеть. И когда всем троим стало казаться, что подъем вообще никогда не закончится, Первый вдруг остановился...

– Если протокол «Возрождение» выполнен корректно, – прошелестел Первый, и по его голосу пассажиры поняли, с каким трудом далось Лифту восхождение в Спасгород, – то мы прибыли на поляну Спортивные Арены. Осуществить открытие дверей?

– Да! – выкрикнул Димка, лихорадочно отстегиваясь. Его переполняли жгучее облегчение и счастье. Но он не спешил давать волю чувствам, пока отряд не окажется в полной безопасности. – Настюха, ты побудь с Витьком, а я пулей за взрослыми...

Двери открылись, впуская в кабину теплый вечерний свет и чистый воздух, от которого сразу закружилась голова. Анастасия кивнула, вдруг ощутив, каким холодно-липким, дубеющим на глазах стал рукав Витиной куртки, а Димка стремительно выскочил наружу. Выскочил на привычную поляну привычного города, в глубине которой виднелись несколько стадионов, крытый бассейн и спортивно-оздоровительный комплекс. Топот его шагов затих вдаль, и в этот момент никто не смог бы упрекнуть мальчика, что он разучился бегать или потолстел...

– Все будет хорошо, Витенька, – прошептала сестра, нежно смахивая пот со лба раненого. – Сейчас Димка урядника позовет... а потом и врачи подоспеют. И маму с папой мы тоже скоро увидим, я обещаю! Ты только потерпи!

Но тот ничего не ответил. Не открывая глаз, Витя дышал тяжело и слабо. Его худая грудь вздымалась и опадала куда реже, чем нужно, и от этого у Насти защемило сердце. Первый молчал, ожидая дальнейших распоряжений. Девочка прикусила губу, проверила жгут, бережно прижала к ране костенеющую повязку. И с безграничным терпением взглянула в осеннее небо, бездонно-фиолетовый краешек которого виднелся в проеме дверей Лифта.

Так заканчивается эта история – очередной фрагмент удивительных приключений, выпавших на долю отважных детей – Дмитрия, Виктора и Анастасии. Завершается необычное, спонтанное и жутковатое путешествие, которое близнецам пришлось совершить в Катакомбург, населенный кланами гулов и арсилитов, дальними родственниками спасгородцев. И, к счастью, завершается оно возвращением домой...

Став заложниками случая и злобного характера Сумрака, ребята (первыми из всего Спасгорода) познакомились с огромным чужим миром, сотни лет существовавшим под их ногами. С миром необычным, полным жестоких законов и разумных зверей, и во многом враждебным. Троица с честью прошла через выпавшие на ее долю испытания; обрела новых друзей и врагов; увы, потеряла бодрствующий Лифт, но разбудила спящий. Прошла храбро и без уныния, слез пролив куда меньше, чем крови.

Очевидно, что судьбу наших смельчаков нельзя назвать легкой или тусклой. Такой вывод вы наверняка могли сделать сами, изучив их прежние злоключения. Но вынужден отметить, что в минуту, когда мы оставили героев наедине – в кабине устаревшей модели Лифта, брошенного в подземельях на случай непредвиденных ситуаций, – они даже не представляли, выживет ли Витя и к чему вообще приведет неожиданный запуск Багряного Протокола.

Однако речь об этом пойдет уже в совсем другой истории, которую я вам тоже обязательно поведаю...